

Райнов Богумил

Что может быть лучше плохой погоды

Богумил РАЙНОВ

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ?

1

Всякая запутанная история может иметь сто начал. Эта начинается с ожидания. Люди нередко говорят: "радостное ожидание", однако я не припоминаю случая, чтобы кто-нибудь из моих знакомых любил ждать. А если после бессонной ночи встречаешь новый день с адской головной болью, ожидание становится тягостным даже для таких, как я. Растравляешь себя всевозможными предположениями и воображаешь бог знает что. Тебе, например, кажется, что тот, кого ты ждешь, не придет вовсе. Или придет слишком поздно, а это в данном случае уже почти то же самое.

На первый взгляд ожидание - дело нехитрое: сидишь себе и ждешь. Словом, это искусство ничего не делать, попусту не трепать себе нервы и не повторять, как испорченная пластинка, одно и то же; сегодня, мол, понедельник, стоит пропустить этот день, и всему конец. Искусство ждать... Дело это действительно нехитрое, но если им не владеешь, можешь полететь ко всем чертям. Как случилось в свое время со Стариком из-за того, что ему не хватило выдержки, не смог он сидеть вот так, ничего не делая. Сидеть и ждать.

Подобные мысли лениво копошатся в моей голове, пока я сижу под синим зонтом кафе за чашкой остывшего кофе - третьей по счету - и, барабаня пальцами по столу, окидываю взглядом площадь.

На полусгнившей террасе кафе всего пять столиков. Одной стороной терраса опирается на тротуар, другая устрашающе висит под водой. Однако то обстоятельство, что эта развалюха в любой момент может рухнуть в зеленоватую муть канала, меня мало беспокоит; гораздо хуже, что я нахожусь на одном уровне с улицей и никаких преимуществ для наблюдения у меня нет.

Небольшая площадь заставлена лотками с бананами и апельсинами, завалена пустыми ящиками, среди пестрой толпы раздаются выкрики лоточников. Действие происходит в Венеции, близится полдень, и, хотя еще только конец мая, жара при здешней влажности невыносима.

Я укрылся под синим зонтом кафе, и меня угнетает не столько жара, сколько нескончаемая вереница прохожих, движущихся по образуемому лотками лабиринту. Не тем, что они действуют мне на нервы, а тем, что довольно часто скрывают от моих глаз вход в дом напротив: там должен появиться нужный мне человек. Это старое двухэтажное здание с пожелтевшим от дождей мраморным фасадом. Зато парадная дверь кажется совсем новенькой. Ее только что покрыли темно-зеленым лаком, и на ней блестит внушительная табличка с именем владельца дома. С места, где я сижу, этого имени не прочесть даже в том случае, если табличку не закрывают головы и шляпы прохожих. Но мне оно и без того хорошо известно. Да и забыть его я не рискую, так как частенько повторяю в уме и всякий раз не могу не выругаться.

Я приехал сегодня в Венецию утром рано, с тем чтобы Антонио Тоцци застать дома. Когда договаривались о встрече, он сказал, что уйдет из дому не раньше девяти часов, а я нажал кнопку звонка в восемь.

- Мне бы хотелось видеть... - начал я фразу, заранее сколоченную из своего скудного запаса итальянских слов.

- Господина Тоцци нет дома, - прервал меня слуга, скользнув по мне оценивающим взглядом.

А вид у меня, признаться, был неблестящий. Не то чтоб уж совсем неприличный, но костюм довольно мятый, а воротник рубашки не отличался белизной. Господин Тоцци, как значится на табличке, адвокат, и слуга, очевидно, принял меня за мошенника, явившегося к хозяину с каким-нибудь делом, не стоящим выеденного яйца.

- Господин Тоцци просил меня зайти, - настаивал я.

- Этого не может быть, - сухо ответил слуга. - Господин Тоцци сегодня занят в суде.

Хозяйская самоуверенность слуги прямо-таки бесила меня, но я умею быть терпеливым, если надо. Поэтому я спросил:

- Когда он должен вернуться?

- Не могу знать, - все так же сухо отрезал слуга и закрыл перед моим носом свежевыкрашенную дверь.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как удалиться в кафе напротив, устроиться на террасе, заказать какой-нибудь напиток и, запасшись терпением, ждать. Если господин Тоцци в самом деле пошел в суд, то придет время и он вернется. А если, вопреки утверждениям слуги, он еще дома, то когда-нибудь он все-таки выйдет.

На всякий случай я решил около десяти часов повторить операцию. На сей раз слуга едва высунулся и, не дождавшись моего вопроса, выпалил:

- Господин Тоцци пока не вернулся.

И снова захлопнул дверь у меня перед носом. Итак, я сижу и жду. У меня даже нет возможности подробнее изучить план города, купленный еще на вокзале. Я должен постоянно держать под наблюдением зеленую дверь.

Время от времени за соседние столики садятся люди, выпивают по чашке кофе и уходят. Потом приходят другие. Мой кофе совсем остыл. Поэтому я заказываю рюмку мартини, не теряя из виду в мелькании прохожих темный прямоугольник парадной двери. Весь вопрос в том, когда. Да, когда же наконец? Вот в чем вопрос.

Широкий гриб зонта, его синеватый сумрак защищают меня от палящего солнца. Однако зной струится не только с неба; им пышут и стены соседних зданий, и каменный настил небольшой площади, и даже эта грязно-зеленая вода. Удушающий зной пронизан запахом влажной плесени.

Изредка мимо кафе, устало пыхтя, проплывает моторка, и тогда по водной глади канала катятся тяжелые волны, а полусгнившая деревянная терраса скрипит и угрожающе раскачивается.

Лишь к часу дня замечаю у зеленой двери мужчину средних лет, в темном клетчатом костюме, с тростью под мышкой. Как только он поднял руку к кнопке звонка, я кладу на столик

заранее приготовленный блокнот и быстро шагаю по площади. Быстро, насколько это возможно. Вокруг лотков толпится столько народу, что, пока я протиснулся на другую сторону площади, мужчина скрылся за дверью. Я нажимаю на кнопку. Слуга появляется лишь после второго звонка и тут же пытается уйти.

- Слушайте, вы... - рычу я на него, успев сунуть в приоткрытую дверь ботинок.

Слуга с нескрываемым презрением бросает взгляд на нахальный ботинок, помешавший ему выполнить свой хозяйский долг. На ботинок, который нуждается в чистке.

- Слушайте, вы, - повторяю я. - Немедленно сообщите хозяину, что его желает видеть господин Анри из Бордо.

- Сперва я закрою дверь, - сухо отвечает слуга.

Ничего не поделаешь, убираю ногу, хотя у меня возникает подозрение, что этот тип не станет торопиться и, прежде чем доложить, промаринует меня тут хотя бы четверть часа. Хорошо, что у меня под руку звонок.

Однако звонить не приходится. Минуту спустя все с той же неприязнью, но и с каким-то примерением слуга вводит меня в прохладный мраморный вестибюль старинного особняка.

Господин Тоцци встречает меня в кабинете с необыкновенным радушием, тепло пожимает обеими руками мою руку и вообще проявляет непомерный энтузиазм, если принять во внимание, что еще минуту назад он едва ли подозревал о моем существовании. Когда слуга наконец удаляется, полное смуглое лицо хозяина обретает серьезное, даже слегка кислое выражение. Он останавливает на мне свои сонные, похожие на маслины глаза в надежде что-то услышать от меня.

- Я к вам от Мартена. Он опять овдовел.

То, что какого-то там Мартена постигло горе, господина Тоцци не особенно удручает. Он кивает машинально, будто ничего другого и не ожидал.

- Хорошо, хорошо, что-нибудь придумаем для бедняги, - рассеянно говорит хозяин. Можно предположить, что он собирается подыскать горемыке Мартену новую жену либо намерен воскресить покойницу.

Господин Тоцци подходит к книжным полкам, вытаскивает какой-то толстенный том, сует руку в образовавшуюся дыру, и полки с книгами бесшумно раздвигаются в стороны, освобождая дверцу встроенной кассы. Хозяин отпирает ее, без труда находит там пухлый пакет, затем запирает кассу, повторяет манипуляцию и, едва полки заняли прежнее место, подает мне пакет. Вскрыв его, я обнаруживаю бельгийский паспорт. В паспорте наклеена моя фотография, под ней имя - Альбер Каре. Имя не мое, но это не столь важно. У меня никогда не было собственного имени. В пакете я нахожу еще несколько документов, уже менее значительных, принадлежащих тому же Альберу Каре: водительское удостоверение, какую-то квитанцию и солидную сумму денег в итальянских и бельгийских знаках. Пока я наспех просматриваю все эти вещи, рассовываю их по карманам, господин Тоцци сообщает мне с равнодушным видом:

- Сейчас придет слуга и принесет вам чемодан. Можете сесть на парходик и высадиться на площади Сан-Марко - отсюда третья остановка. Вам лучше всего остановиться в отеле "Луна". Я закажу для вас номер по телефону. Надеюсь, это все.

Конечно, это далеко не все, но остальное уже зависит только от меня. Миссия господина Тоцци на этом заканчивается.

- Ну присядьте же... - спохватывается он.

Хозяин выходит, и за дверью слышится его разговор со слугой. Потом господин Тоцци возвращается с небольшим добротным чемоданом.

- Вот ваши вещи. Вам, пожалуй, пора.

Хозяин молча провожает меня до парадной двери. Перед тем как расстаться, он желает мне успехов, однако сказать нечто в смысле "до скорого свиданья" явно не решается. Я - тоже. У Тоцци слишком неприятный слуга.

Внешне отель "Луна", несмотря на его романтические очертания, не слишком привлекателен. Однако внешность порой бывает обманчива. За мрачным, источенным сыростью фасадом кроются изящные салоны с мозаикой и коврами, мраморные лестницы, светлые номера с голубыми обоями, дорогая мебель, ванные комнаты, отделанные голубой плиткой. Один из таких номеров с видом на соседние старинные дворцы предназначен для господина Альбера Каре.

Быстро стащив с себя одежду, я встаю под душ, чтоб проверить, как действует на головную боль холодная вода. Затем вынимаю из чемодана чистую рубашку, новый серый костюм и черные ботинки, одеваюсь, раскладываю по карманам документы, деньги и выскакиваю на улицу. Без двадцати три. Без пяти три я сажусь за столик кафе, на углу площади Сан-Марко, и заказываю кофе, хотя в данную минуту я все своим существом жажду не кофе, а сочного бифштекса со свежеподжаренным картофелем. Закурив, отпиваю глоток горячего кофе, второго глотка мне сделать не удастся, потому что в Италии кофе подают один-единственный глоток. Внимательно осматриваю площадь и снова жду.

Другой на моем месте и при иных обстоятельствах, наверно, погрузился бы в изучение памятников архитектуры, которые, должно быть, и в самом деле весьма примечательны, раз они даже у меня рождают смутные ассоциации с давно знакомыми почтовыми открытками. Но сейчас к церквям, колокольням и дворцам я не испытываю ни малейшего любопытства. Все мое внимание сосредоточено на аркаде справа, где должен появиться человек в белой панаме, в темных очках и с висящим на плече "роллейфлексом".

Под аркадой почти темно. Площадь, вымощенная блестящими мраморными плитами, пустует под немилосердным солнцем. Жара не смущает лишь группу упрямых туристов. Они кормят булочками голубей, фотографируя при этом друг друга, чтобы увековечить свое близкое знакомство с птицами и Венецией. В кафе безлюдно, если не считать двух пожилых женщин в кружевных платьях, которые сидят, подобно мне, в тени аркады.

Ровно в три справа появляется человек в белой панаме. Он неторопливо идет к кафе, рассеянно глядя на витрину, будто у него одна забота - убить время. Я узнаю его издали, не успев еще разглядеть висящий на плече "роллейфлекс". Узнаю по характерной походке - он едва заметно приволакивает левую ногу - и по привычке держаться рукой за ремешок фотоаппарата.

Человек уже совсем рядом, и мне хочется воскликнуть: "Любо!" Разумеется, я воздерживаюсь; только этого мне не хватает - поднять крик; однако именно сейчас так ясно доходит до моего сознания, сколько месяцев я прожил в полном одиночестве, даже не видя близкого человека.

Мужчина в панаме замечает меня издали, но проходит мимо, не обращая на меня никакого внимания, все так же неторопливо продолжает свой путь и исчезает под аркадой. Я плачу за кофе, закурываю новую сигарету и не спеша иду в том же направлении.

- Любо! - произношу я вполголоса, догнав на Кале Ларга человека в панаме.

- Вы ошибаетесь, - бормочет он с едва заметной усмешкой. - Робер Леру. Бельгиец по происхождению, фотограф по профессии. А ты?

- Тоже бельгиец. Альбер Каре. Можешь меня звать "мон шер Каре".

- Почему бы и нет? Старые знакомые из Брюсселя. Ты, собственно, по какому делу?

- По тому же, что и ты.

- Я о другом спрашиваю.

Я прекрасно понимаю, о чем он спрашивает, только никак не могу смириться с этим официальным тоном, после того как мы целый год не виделись, к тому же в эту послеполуденную пору, когда на улице живой души не видать.

- Торговля. В частности, меня интересует венецианское стекло.

Любо кивает головой.

- А я готовлю альбом для одного бельгийского издательства.

Он замолкает, словно ему больше нечего мне сказать, и идет дальше; какое-то время мы шагаем молча в неширокой тени старых домов.

- Что-то ты мне не нравишься, - говорю я.

- Чем именно?

- Уж больно ты официален. Плохо переносишь жару?

- Не в жаре дело, брат, - улыбается Любо. - Работа. Не везет мне, и все тут.

- А как же с твоей приговоркой: "Давай за мной и не бойся"?

Любо едва заметно усмехается.

- Никак. Выветрилась из головы. Хорошая была приговорка, жаль только, что я ее забыл.

Я не возражаю, и мы продолжаем молча шагать в узкой тени потемневших от времени зданий. У меня свой принцип: если человек не в духе, дай ему вволю намолчаться - может, пройдет.

- Какие инструкции? - вдруг обращается ко мне Любо.

- Я от тебя собираюсь их получить.

- Разве ты совсем не в курсе?

- Представь себе.

- Ладно. В сущности, все, что я знаю, можно передать в двух словах. История берет свое начало с некоего Ставрева, служащего Внешторга. Постоянное общение с представителями иностранных фирм. Завербован иностранной разведкой в первые годы после Девятого сентября, но ни разу использован не был. И только шесть месяцев назад к нему является человек от западной фирмы "Зодиак", сообщает пароль - Ставрев уже едва ли надеялся когда-нибудь его услышать - и вручает рацию с инструкциями. Вот и все.

Любо вынимает из кармана измятую коробку "Кент" и протягивает мне.

- Как "все"? - спрашиваю я, машинально беря сигарету.

Мой друг тоже берет сигарету и, замедлив ход, щелкает зажигалкой.

- Все, - повторяет он, и мы снова шагаем в узкой тени. - Я хочу сказать: все, что мне известно.

- Когда был задержан Ставрев?

- Он не был задержан. Сам пришел к нам. Столько лет человек прожил как вполне добропорядочный гражданин, добился определенного положения, и на тебе, рация! Конечно, несколько дней дрожал, колебался, но потом все же явился и обо всем рассказал. Впрочем, по нашему указанию он до сих пор выполняет полученные от агента инструкции.

- Что же, мы можем делать ставку по крайней мере на двоих, - замечаю я. - На того, кто вербовал Ставрева, и на того, кто восстановил связь.

- На одного! - поправляет меня Любо. - Тот, первый, был военным, состоял при американской миссии, и следы его давно затерялись. Не исключено, что он умер. Мы можем делать ставку на одного: это Карло Моранди, чиновник венецианского отделения фирмы "Зодиак".

- Ну все-таки.

- Да, все-таки... Только на деле оказалось, что это "все-таки" не стоит выеденного яйца.

Приближаемся к каналу. В тени дома, близ воды, пустует мраморная скамейка.

- Посидим, - предлагает Любо и направляется к скамейке.

- Я бы предпочел другое место. Умираю от голода.

- А я от жажды, - бормочет мой приятель, опускаясь на скамейку. - Как назло, у нас нет времени.

Я сажусь рядом с ним, делаю последнюю затяжку и бросаю сигарету в неподвижную воду канала.

- Ты давно здесь? - спрашиваю я.

- Около трех месяцев. Три месяца, а толку никакого. В моем положении следить за этим типом оказалось довольно трудно. И все же, мне думается, я выудил все, что только можно было.

Любо умолкает, и это наводит на мысль, что выуженное не стоит того, чтобы о нем говорить.

- Что он за птица, этот Моранди?

Порывшись в кармане, мой друг достает несколько снимков и один из них подает мне.

- Дворец дождей и Моранди в качестве приложения, - поясняет он. Хороший снимок, а?

Вглядываюсь в снимок, пожимаю плечами.

- Лучше бы я стал фотографом. В фотографии я куда более везуч.

На фоне дворца несколько прохожих.

- Кто же из них Моранди? - спрашиваю.

- Вот этот, с женщиной.

Этот, с женщиной, человек средних лет, низкорослый, с тонкими усиками, выступает важно, как петух; нелепая шляпа с узкими полями сдвинута на затылок.

- Женщина куда примечательнее, - говорю я.

- Да, но она не играет. В сущности, похоже, что и сам Моранди уже вне игры. Чиновник средней руки. Вертопрах. Тратит, пожалуй, несколько больше, чем получает.

- Значит...

- Значит, делает долги, и только. Часто ездит по службе в Женеву, где находится отделение "Зодиака". Никаких связей, никаких действий, которые указывали бы, что он разведчик.

- А женщина?

- Не свободна, - отвечает Любо, выхватывая у меня снимок. - Его любовница.

- А ты не пробовал ее приручить?

- Тебя дожидался. Вконец испорчена. Опасно и бесполезно. Но я сделал другую попытку.

Он замолкает и смотрит на часы. Потом поднимает глаза и лукаво мне подмигивает, совсем как тот прежний Любо Ангелов, шутник и плут, которого друзья величали Дьяволом. Только сейчас в его подмигивании было что-то жалкое - он скорее храбрился, чем хвастал своими успехами.

- Вошел в контакт с одним типом по имени Артуро Конти. Это очень длинная история, когда-нибудь расскажу со всеми подробностями. Конти работает в одной комнате с Моранди, вместе пьют. И наверняка знает всю его подноготную.

- А что, если этот Конти...

Любо с досадой машет рукой.

- Оставь! Знаю, что к чему.

- Весь вопрос в том, уверен ли ты...

- Я ни в чем не уверен. Разве только в том, что никакой другой возможности нет. Тем более что Конти оказался сообразительным. Сразу смекнул, что я за покупатель и какой товар меня интересует. Поначалу делал вид, будто колеблется, - цену набивал. Потом сдался.

- Результат?

- Сегодня выяснится. Он услышит хруст банкнотов, а что получу я неизвестно. Может, пошлет меня ко всем чертям, но иного выхода нет. И без того три месяца проторчал зря.

Мой друг смотрит на часы и встает.

- Я должен идти. С тобой мы встречаемся точно в шесть. К тому времени я буду иметь сведения. Место встречи - автобусная остановка у моста Свободы. Купи себе план города, чтоб не плутать. А сейчас, если хочешь поесть, иди по этой улице, пока не доберешься до Кампо Морозини.

Любо слегка приподнял руку на прощанье и только теперь догадался спросить:

- Ты что, прямо из Франции?

- Из Франции.

- Значит, справился.

- Ты же мой учитель...

- Не морочь голову, - усмехается Любо. - Не будь меня, нашелся бы другой. Во всяком случае, я рад, что ты справился...

Потом добавил без всякой связи:

- А у меня, браток, есть сын. Ему уже пять месяцев!

Площадь Морозини не очень-то вяжется с общим обликом Венеции - ей недостает каналов. Зато кафе хоть отбавляй. Я устраиваюсь под тентом в белую и синюю полоску и сосредоточенно, стараясь не казаться слишком голодным, поглощаю миланскую котлету и гарнир - огромную порцию спагетти.

Несмотря на жару, в кафе сидят еще несколько человек и две-три группы туристов. На меня они не обращают внимания. Зато кельнер увивается возле меня в надежде, что котлетой я не ограничусь. Чтобы доставить ему удовольствие, я прошу дать что-нибудь на десерт и вынимаю из кармана план города. Оказывается, маршрут до Понте делла Либерта довольно прост. Надо сесть у моста Академии на какое-нибудь суденышко и сойти на конечной остановке. Весь путь займет не больше получаса. Сейчас без малого четыре. Значит, впереди целых полтора часа, а мне остается только съесть какой-то жалкий десерт. И конечно, ждать.

"Ты что, прямо из Франции?" - спросил у меня мой приятель.

"Из Франции".

Что скрывалось за этим коротким ответом, одному мне было известно. И во сколько вольт напряжение все еще сохранилось во мне, это тоже я один знал. Чтобы поостыл мотор после операции, вроде моей французской, не мешало бы иметь паузу. Я уже почти зримо представлял эту паузу, ее спокойные очертания в виде непродолжительного отдыха на Золотых песках... Прекрасного отдыха в начале лета, когда еще нет наплыва курортников и море довольно прохладное. Страсть как хочется побывать там, когда холодное море, потому что при этом я могу с чистой совестью нежиться до обеда в постели, а после обеда скитаться, не рискуя, что иностранцы будут наступать на мои новые ботинки. Что может быть лучше отдыха на море, особенно если купаться только в ванне?

Да, я видел ее, эту июньскую паузу, когда мы с Лидой ступили на палубу "Родины". Пароход был уже вне французских территориальных вод, и посланный нам вдогонку сторожевой катер даже не стал приближаться к борту, а подался куда-то в сторону, будто вышел в море совсем по другому поводу.

Капитан оказался человеком деловым, сообразительным и тут же обеспечил мне радиосвязь. До поздней ночи я во всех подробностях докладывал о выполнении задачи. Меня до того одолевал сон, что не помню, как добрался до каюты, - кажется, я уснул на ногах.

- Ну, наконец-то, - воскликнула Лида, когда я на другой день появился на палубе. - Значит, вас не арестовали?

- А почему меня должны были арестовать? - спросил я, еще не стряхнув с себя сон.

- Ведь вы же эмигрант?

- А, верно! - спохватился я. - Раскаялся вот, и ко мне проявили снисхождение. Словом, кое-как уладилось.

Она задержала на мне пристальный взгляд. Потом насупилась:

- Вы надо мной издеваетесь.

Я не успел ей возразить, потому что ко мне подбежал матрос: надо было срочно явиться в радиорубку. Я полагал, что Центру потребовались дополнительные сведения относительно закончившейся операции. Однако радиограмма оказалась совсем иного характера. Словом, оборвались мои мечты о том, чтобы понежиться на берегу синего моря. Назрела новая операция со многими неизвестными, вернее, построенная сплошь на неизвестных. Один-единственный адрес, пароль и встреча с каким-то субъектом, которая где-то и как-то должна состояться в понедельник, именно в понедельник, точно в три часа.

В полдень я высадился в Неаполитанском порту, так и не успев объяснить Лиде, что у меня не было намерений издеваться над ней.

И вот оно, начало новой операции. Неизвестные утратили всякое значение, поскольку выяснилось, что дело совершенно безнадежное. В сущности, то, что дело предстоит трудное, я понял из радиограммы. Не потому, что в ней это было сказано, а потому, что меня включили в операцию, даже не дав остыть мотору, не проинструктировав на месте.

Я рассматриваю этикетку на пустой пластмассовой чашке, стоящей передо мной, и до меня только сейчас доходит, что десерт, который я рассеянно проглотил, не что иное, как знаменитый "Джелати Мота". Подходит официант и с прежней настойчивостью предлагает:

- Экспрессо?

Чтоб не огорчать его, я киваю.

- Маленький, большой?

- Большой, - отвечаю я все с той же целью.

Он молниеносно подает мне кофе и торопится предложить свои услуги соседнему столу, где пожилые англичанки запаслись конвертами, цветными открытками и погрузились в писание писем.

"Джелати Мота", "Джелати Мота", машинально повторяю я, размышляя о том, что я уже почти пенсионер. Ничего, что мне нет и сорока. Профессия у нас совсем как у пилотов, летающих на сверхзвуковых самолетах. Перегрузки. Преждевременный износ. Потом можно стать лектором при домоуправлении. Или читать газеты в городском саду. Или вообще убираться ко всем чертям. Еще не так давно, приступая к выполнению новой операции, я испытывал трепет шахматиста перед встречей с опасным партнером. Глупости. Трепет был куда сильнее и совсем иного порядка. Мало похожий на переживания шахматиста во время игры, а скорее напоминающий трезвую решимость, упорную, основанную на точном расчете человека, готового на все. Эта решимость вырабатывалась во мне еще в ту пору, когда я вместе со Стариком и с Любо Дьяволом бродил по холмам близ границы. "Давай за мной и не бойся!" - говорил Любо. И я шел, хотя и боялся, мало-помалу овладевая искусством подавлять страх.

Но с тех пор много воды утекло, а самого Любо хоть на пенсию провожай. "Лучше бы я стал фотографом. В фотографии я куда более везуч". Три месяца оказалось достаточно, чтоб у него иссякло терпение. Связался с вымогателем, и тот, сообщив какие-нибудь пустяковые или пропусту ложные сведения, нагреет на нем руки. "Другого выхода нет". Сегодня нет, а

завтра, может быть, будет. А вдруг всплывет более весомая и верная улика из сведений этого случайного информатора, хотя не исключено, что он подослан, дабы отбуксировать тебя куда следует.

Постепенно все мои мысли сосредоточиваются на деле, и мое настроение в какой-то мере улучшается. Значит, пока у меня все в норме. Даже головная боль поутихла. Однако, чем больше я думаю о деле, тем яснее начинаю сознавать: задаче недостает элементарных условий. Мне ничего не решить, пока Любо не даст хоть какие-то, пусть незначительные сведения, пока я не ознакомлюсь с результатами его трехмесячных наблюдений.

Та малость, которая известна, способна только сбить меня с толку. Но ничто так не сбивает с толку, как противоречие между директивой Центра и поведением Любо. Директива - и притом единственная - предлагала ему быть предельно осторожным. А Любо вошел в сделку с каким-то сомнительным типом, мотивируя это тем, что иного выхода нет. Быть может, Любо располагает более точными директивами. Быть может, этот тип не такой уж сомнительный. Возможно, возможно... Не остается ничего другого, как ждать встречи, назначенной на шесть часов.

На стоянку Понте делла Либерта я прихожу почти в шесть. Я нарочно стараюсь подойти в последнюю минуту, чтобы не торчать слишком долго и не привлекать внимания, хотя торчать на остановке автобуса не так уж подозрительно.

Слева от меня мост плавно поднимается над шоссе, чтоб вдруг взлететь над железнодорожными линиями и дальше, над морем, этакой белой лентой, длинной и прямой, натянутой поверх сине-зеленой водной шири. Устало рычит автобус, резко тормозит. Все, кроме меня, входят в него. Шофер поглядывает на меня, словно говоря: "Ну чего дремлешь?", но я продолжаю с рассеянным видом глядеть в сторону, и он, внезапно дав газ, едет к Местре. Несколько минут и смотрю вслед тяжелой машине, потом отвожу глаза и вижу Любо. Мой друг еще далеко, но я узнаю его по белой панаме и характерной походке - он едва заметно приволакивает левую ногу. В свое время, когда мы преследовали в горах банды диверсантов, его ранило в ногу, но железная воля и длительные упражнения позволили ему почти полностью устранить хромоту.

Держась рукой за ремешок висящего на плече "роллейфлекса", Любо идет по тротуару моста медленно, словно бы без всякой цели - так, подышать свежим воздухом. И все же я знаю его достаточно хорошо, чтоб не заметить по внешне беспечному виду: он начеку, ему явно не терпится оглянуться, но он не смеет. То, чего не смеет сделать он, делаю я. На мосту, сколько хватает глаз, пусто, если не считать шумной компании молодых людей, идущих по противоположному тротуару.

Любо уже в двадцати метрах от меня, когда я замечаю позади него машину. Может, я видел ее раньше, но лишь теперь она привлекла мое внимание. Это тяжелый черный "бьюик", ничем не примечательный. Он движется с нормальной скоростью и привлекает лишь в тот момент, когда резко сворачивает с середины проезжей части к тротуару. Любо оборачивается, отступает на шаг, но тяжелая машина бампером сбивает его с ног и отбрасывает к перилам моста, затем проносится мимо меня и устремляется к Местре. На какую-то долю секунды передо мной мелькает вытянутое бледное лицо мужчины, сидящего за рулем, прикрытое большими зеркальными очками, и физиономия его соседа - жирная и припухшая, борода с проседью, клинышком. Я пытаюсь прочесть номер стремительно удаляющейся машины, но он слишком забрызган грязью, к тому же какой в этом смысл - машину, вероятно, бросят где-нибудь близ Местре, и едва ли кто-нибудь возьмет на себя труд разыскивать убийцу никому не известного человека.

Неизвестный лежит на тротуаре, в ногах у молодых людей. Подхожу и я, движимый вроде бы любопытством.

- Готов... - говорит кто-то из парней.

- Нет, еще шевелится, - замечает другой.

Ноги пострадавшего и в самом деле конвульсивно вздрагивают. Но это спазмы мускулов, которые еще не подозревают, что принадлежат мертвецу. Кто-то бежит звонить по телефону, а остальные тем временем ведут спор о том, мафия это или не мафия. Несколько минут спустя вдали раздается резкий вой полицейской сирены.

Я поворачиваю обратно, не показывая виду, что тороплюсь. Молодые люди тоже удаляются. Обогнав меня, они исчезают, прежде чем появляется полицейский фургончик. Кому охота терять время на свидетельские показания.

Мост у меня под ногами качается, когда мимо проносится карета "Скорой помощи" и полицейская машина. Остановившись, я оборачиваюсь, чтобы увидеть эпилог. Покрытые белой простыней носилки.

Мне нужен телефонный справочник, но, пока я обнаруживаю в этом квартале кафе, уходит уйма времени. Вопреки моим ожиданиям, имя Артуро Конти в справочнике не фигурирует. Однако я нахожу телефон "Зодиака". Звонить в "Зодиак" опасно. Но что делать - это единственная возможность.

- Пожалуйста, господина Конти!

- Господин Конти ушел. Вы что, не знаете, звонить надо в рабочее время! - слышится недовольный голос портье.

- Извините, но я должен срочно передать ему кое-какие вещи. Я только что приехал из Женевы. Будьте добры, адрес.

- Адрес, адрес... - Голос недовольный. Тем не менее пальцы, наверно, уже перелистывают список служащих, потому что через непродолжительное время в трубке звучат слова: - Страда Нуова, девятнадцать.

Мне бы не мешало выпить кружку пива, чтобы сосредоточиться, только лучше не здесь. И вообще после той неосмотрительности, какую я только что допустил, я решаю впредь быть предельно осторожным. А вдруг портье придет в голову проверить, откуда звонили. Либо сам станет кому-нибудь звонить, что Конти разыскивали по срочному делу. Не стоит сегодня обременять местную полицию еще одним наездом. Тем более что тут привыкли иметь дело главным образом с утопленниками.

Покидая кафе, бросаю взгляд на план города. Оказывается, до Страда Нуова можно добраться и пешком, нечто невероятное в условиях этого города. Седьмой час. Улицы полны народом. Миновав мост Скалци, попадаю на привокзальную площадь и, следуя в людском потоке, поворачиваю направо.

Номер 19 по Страда Нуова - ничем не примечательный дом с облупившимся фасадом и убогой парадной. Не проявляя к нему никакого интереса, иду дальше, пока передо мной не открывается какая-то площадь, на ней памятник и, что еще важнее, кафе. Сажусь снаружи за столик и заказываю кружку пива.

Спускаются сумерки. Вокруг площади смутно различаются фасады домов, но посередине ее еще светло, и в центре светлого пятна высится грозная фигура бронзового всадника. Судя по тому, с каким гордым видом он восседает на своем бронзовом коне, это или полководец, или иное историческое величество. Сжатые челюсти и насупленные брови прославленного мужа внушают почтительное уважение, и это наводит меня на мысль заказать еще кружку пива - в

его честь.

Я гляжу на тонущую в сумраке площадь и стараюсь все лишние мысли прогнать из головы, чтобы можно было спокойно и трезво обдумать предстоящее. Но мысли, которые я пытаюсь прогнать из головы, засели там основательно: перед глазами скорчившееся тело с раздавленными, конвульсивно вздрагивающими ногами, разбитая о каменный парапет голова с едва наметившейся лысиной и скомканная белая панама, пропитанная кровью.

"Чем ты не пенсионер? - говорю я себе. - Раз до такой степени впечатлительный, значит, ты уже законченный пенсионер". Но эта мысль меня не убеждает, и я снова перевожу взгляд на памятник. Мрак поглотил фигуру почти целиком, кроме плеч и головы со сжатыми челюстями и нахмуренным лбом. "Будь здоров! - бормочу я. - И нечего тебе хорохориться. Счастье твое, что в ваше время не было разведывательного управления. Иначе, пока ты так вот хорохорился бы, сидя на коне, тебе бы пулю пустили в спину. Так что держись-ка лучше поскромней!"

Однако это глупости тоже меня не убеждают, потому что именно в этот момент мне слышится шепот Любо: "А у меня, браток, есть сын. Ему уже пять месяцев!" - "У тебя есть сын, - говорю. - Только у твоего сына нет отца". И все-таки лучше оставить после себя сына без отца, чем ничего не оставить. Как, например, в моем случае, я ведь тоже мог бы иметь сына, и притом не пятимесячного, а пятилетнего. Но это уже другой вопрос.

И здесь в моем мозгу пробуждается кое-что связанное с этим другим вопросом, потому что в ушах снова звучит: "Ты слышишь, брат, у меня пятимесячный сын". - "Отстань ты, наконец, со своим сыном, - говорю. Надо было раньше об этом думать. Не захотел постичь эту премудрость сидеть и ждать. А у тебя вот не хватило духу. И отправили тебя ко всем чертям. Так же, как и Старика".

Мне, разумеется, известно, что Любо хорошо постиг эту премудрость, и я говорю это только для того, чтобы он не зудел над ухом и дал сосредоточиться. Может, задача оказалась ему не по силам. Или нервы у него поизносились. Люди вроде нас частенько изнашиваются раньше, чем появится лысина. Что же касается своего ремесла, то он им владел неплохо. По крайней мере в свое время. Да, в сущности, и меня обучил этому ремеслу не кто иной, как он.

Снова гляжу на площадь. Теперь бронзового всадника целиком обволакивают смутные тени. А в голове моей смутные мысли. И чтоб заняться чем-то более реальным, я сдвигаю рукав и бросаю взгляд на часы. Восемь двадцать. Подожду до десяти. Нет, до полуночи. Почему до полуночи? Может быть, не точно, а примерно до полуночи. До той поры, когда станет меньше посетителей. И когда человек вернется домой. И даже перестанет думать, что кто-нибудь может к нему прийти.

Дело рискованное. Почти в той же мере, как и поступок Любо. С той лишь разницей, что Любо не должен был рисковать, а я обязан идти на риск. У Любо была возможность ждать, а я не располагаю такой возможностью. У Любо не было никакой уверенности, что этому Контти что-либо известно, я же в этом уверен. У меня есть конкретный вопрос, а у Контти - точный ответ. До настоящего времени на горизонте мелькал один только Моранди. Но Моранди в машине не было - я бы его узнал по снимку. Значит, кроме Моранди, всплывают еще два лица. Кто они? Это станет ясно после того, как выяснится, кто уведомил Контти о своих встречах с Любо. Но это возможно лишь в том случае, если Контти заставят заговорить. Это должен сделать я.

Торопиться некуда. Успеется. Главное, не забегать вперед. Как это случилось с Любо. Или со Стариком. История со Стариком случилась очень давно, когда мы преследовали банды диверсантов в пограничных районах. Мы застукали одну такую банду на заброшенной мельнице. Дело было на рассвете, и сколько человек там затаилось, мы понятия не имели.

Нас было всего четверо, к тому же Любо послал молодого Савова за подкреплением. Любо, Старик и я залегли за деревьями. Вдруг один из бандитов появился в дверях, и Старик, вопреки указанию, выстрелил, попал в него, но растревожил весь улей. Как начали они чесать сквозь окна и щели! Мы же старались беречь патроны, и те, сообразив, что имеют дело с мелкой рыбешкой, решили идти напролом. Тогда по приказу Любо я подполз поближе и швырнул лимонку в тех, что столпились у двери, сам Любо бросил лимонку в окно. После взрывов наступила мертвая тишина. Гранат у нас больше не было, да и патроны были на счету. Надо было лежать и дожидаться подкрепления. Тишину ничто не нарушало, а Старик то и дело повторял: "Чего тут ждате! Разве не видите, никто не уцелел" - и, прежде чем Любо успел крикнуть, вскочил, подбежал к двери и только попытался заглянуть в нее, как изнутри стрекотнул автомат; у Старика подкосились ноги, он склонился, будто собираясь что-то поднять, простонал и рухнул, скорчившись, на порог. Вскоре пришло подкрепление.

А теперь вот Любо повторил ошибку. Двадцать лет спустя. За двадцать лет человек в нашем деле может основательно поизноситься. Приходишь в ветхость, прежде чем у тебя выпадают волосы.

Официантка забирает деньги с соседнего стола. Там сидели двое пожилых людей. Я даже не заметил, когда они ушли. Одним словом, чем не пенсионер.

- Собираетесь закрывать? - спрашиваю.

- О нет, - спешит успокоить меня девушка. - Мы работаем до полуночи.

- Чего бы я мог поесть?

- Хотите миланскую котлету?

Я киваю в знак согласия, хотя даже миланская котлета опротивеет, если ее есть два раза в день.

- Еще пива?

Снова кивок.

Значит, "работаем до полуночи". Ну что ж, а мы будем работать после полуночи. Важно, чтобы дело двигалось. Чтобы дело двигалось, вот что важно, господин Конти. Так что смотри, не наводи тень на плетень.

- Вам не нравится котлета? - неожиданно подает голос официант.

- Напротив, - отвечаю я, только сейчас замечая, что к котлете я так и не притронулся. - Но эта жара всякий аппетит убивает.

- Да, сегодня было довольно тепло, - соглашается девушка. - Еще пива?

- Я бы предпочел кофе. Нет ли у вас чашек побольше?

- Есть, конечно. Двойной эспрессо?

Пока большая стрелка моих часов настигла малую на двенадцати, я успеваю выпить три двойных эспрессо. Расплатившись, без лишней торопливости покидаю кафе. Слабо освещенные улицы почти пустынные. На Страда Нуова света больше и движение оживленнее. Вот и N_19. Не оглядываясь и без особых колебаний вхожу в убогую парадную, поднимаюсь по лестнице, читая по пути таблички на дверях. Артуро Конти обнаруживаю лишь на четвертом этаже слева. Звоню спокойно, то есть не робко и не слишком настойчиво. Никакого отзвука. Выждав десяток секунд, звоню снова. Полнейшая тишина. Квартира кажется

необитаемой. На всякий случай нажимаю на ручку. Дверь открывается.

Вхожу и бесшумно закрываю ее за собой. Нащупываю задвижку и все так же бесшумно перемещаю ее. Прихожая тонет во мраке. Чиркнув спичкой, обнаруживаю прямо перед собой распахнутую дверь. Подхожу ближе, заглядываю... Совсем как в свое время Старик.

Спичка обжигает мне пальцы и гаснет. И здесь полнейший мрак. Видимо, окна тщательно зашторены. Поворачиваю выключатель. С потолка десятками стекляшек сверкает старинная хрустальная люстра. Но сейчас мне не до люстры. В пяти шагах от меня на ковре человек. Лежит ничком, руки раскинуты, будто в тот момент, когда смерть уносила его, он хотел ухватиться за что-нибудь. Ковер пропитался кровью.

Подхожу и осторожно приподнимаю голову мертвеца. Толстяк из "бьюика", борода с проседью.

2

Уже несколько дней я живу, как богатый бездельник. Допоздна валяюсь в постели. Потом велю принести мне завтрак и газеты. Неторопливо принимаю ванну. Неторопливо одеваюсь. Спешить некуда. Еще день предстоит шляться без всякой цели.

Поскольку зашла речь о газетах, необходимо отметить, что местная пресса отреагировала на два убийства так, как и следовало ожидать. Сообщение о наезде на Понте делла Либерта вместились в десять строк. Кроме информации о несчастном случае в нем сказано, что где-то в окрестностях Местре обнаружена брошенная машина и что ведется следствие. Чего стоит это следствие, всем хорошо известно. Год спустя за давностью оно будет прекращено, хотя его никто не начинал. А вот покойному Конти посвящен весьма трескучий репортаж. Зловещий вид дома в раннее утро, труп в луже запекшейся крови, комоды и ящики стола выпотрошены, гипотеза врача-криминалиста, беседа с комиссаром, предположения, что главный мотив чудовищного убийства - ограбление; все это подано так, что могло бы служить образцом провинциального красноречия. Хотя шум поднят большой, эту историю ждет то же самое - забвение.

Так или иначе, предчувствие, что мне предстоит отдых, меня не обмануло. Больше того, я обречен на полнейший отдых, хотя и не в живописных окрестностях Варны, этой жемчужины нашего Причерноморья. Перед тем как случиться двум убийствам, у меня создалось впечатление, что задача, которую на меня возложили, на редкость трудна. Теперь я убежден, что она и очень важна, хотя мне еще не ясно почему.

В иных романах при описании схваток между разведчиками трупы падают на каждом шагу, словно груши. Глупости. Тут, как и везде, убийство крайняя мера, и прибегают к ней лишь в исключительных случаях. Убийство Любо означает, что организаторы его стремятся любой ценой предотвратить какое-то крайне нежелательное для них раскрытие. Иначе они бы ограничились тем, что пустили по следу Любо одного-двух прилипал, чтоб ознакомиться с его биографией. Они до такой степени боятся раскрытия, что и Конти, которому, видно, не слишком доверяли, ликвидировали без всяких колебаний. Сперва они усадили его в "бьюик", чтобы он опознал Любо, а потом сопроводили домой, чтобы пристукнуть в домашней обстановке. Разделались сразу и с продавцом, и с покупателем. Если и Моранди уготована такая же участь, тогда, считай, конец.

Разумеется, гипотеза составлена в самых общих чертах и вызывает массу дополнительных вопросов. Если бы сейчас я сидел в кабинете генерала, легко представить, какими репликами меня обстреливали бы полковник и мой непосредственный начальник, пока генерал, подняв руку, не остановил бы их: "Простите! К чему этот перекрестный допрос?"

Им, конечно, нет смысла сбивать меня с толку, однако полковник прямо-таки беспощаден со

своей логикой и педантичной страстью устанавливать все до мельчайших подробностей, а мой шеф не преминет сказать, что, если бы я поменьше фантазировал, из меня бы вышел отличный разведчик. Вероятно, меня перво-наперво спросили бы: "Раз они решились на крайние меры, почему же они не ликвидировали и Моранди?"

И это был бы удар в самую точку. Потом шеф рассеянно поглядит в окно с таким видом, словно все это его не касается, и вообще он попал сюда в момент начавшейся беседы по чистой случайности.

Полковник же будет истязать мелочами. Я вижу прищур его серых глаз, пристальный и чуть недоверчивый взгляд, вижу, как вонзается в пространство его желтый от курева плащ.

- Когда Конти сообщил о сделке, предложенной ему Любо? До или после своей встречи с Любо?

- Если до встречи, зачем же понадобилось брать его с собой, чтоб он опознавал Любо, когда они сами могли проследить за встречей?

- А если он сообщил после встречи? Каким образом он мог снова найти Любо и направить "бьюик" по его следу?

- И потом. Если Конти информировал кого-то о своей встрече, как, по твоему разумению, в столь короткий промежуток времени можно было задумать и осуществить убийство?

И так далее и так далее, что ни вопрос, то крепкий орешек, и каждый такой орешек раскусывать мне самому своими собственными зубами, раз уж я сунулся к ним с подобной гипотезой.

Так как в последние дни у меня был избыток свободного времени, то на каждую загадку у меня уже готов ответ. Но что сделаешь, если дюжины две подобных вопросов сыплется на тебя неожиданно, в ходе совещания, а ты не имел ни малейшей возможности обдумать их заранее? Тут уж генерал разведет руками и скажет с видимым сочувствием: "Довольно. Пускай человек соберется с мыслями". С сочувствием, от которого - ты это ощущаешь - у тебя по спине скатываются струйки пота; и, пока ты выходишь в коридор, с одной стороны слышится голос полковника: "Вообрази себя на их месте: ты действуешь их методами, и ты так же умен, как и они, - не менее, но и не более". А с другой стороны голос шефа: "Поменьше воображай, побольше анализируй бесспорно данное. Фантазии, дорогой мой..."

Бесспорно данное... Я верчу это "бесспорно данное" и так и сяк, рассматриваю со всех сторон, фиксирую как набор деталей и как целое, пока бреду следом за толпами туристов по городу и, так же как они, проявляю откровенное любопытство. Проявлять-то я его проявляю, только и на этот раз не к Венерам Тициана, несмотря на врожденное уважение к натуре.

Честно говоря, я не люблю туристов. Но для таких, как я, очень удобно потонуть в толпе людей, которые мечтают с разноязыким говором, бросаются в гондолы, носятся по мраморным лестницам дворцов, хищно нацеливаются кинокамерами и фотоаппаратами в памятники, атакуют магазины сувениров и в конце дня, обессиленные, агонизируют под тентами кафе.

Исключительно удобно. Полнейшая анонимность. Но за удобство всегда приходится платить. Ведь тут все живет за счет иностранцев - городская власть, банки, отели, всевозможные развлекательные заведения, музеи, торговцы, лодочники, священнослужители, нищие, даже большая часть случайных прохожих, которые за скромное вознаграждение делятся своим запасом сведений об этом чудесном городе. На каждом шагу кто-то тебя подстерегает, на каждом углу кто-то выжидает, дерут с тебя "куверты", проценты на проценты, суют тебе входные билеты и почтовые открытки, вынуждая покупать вещи, которые тебе ни к чему, и

ловкими неожиданными маневрами заставляют прыгивать с набережной в коварно подставленные моторки, предназначенные для прогулок в Лидо.

Покорно прохожу через все испытания. Болтаюсь в лодках под палящим солнцем, плутаю по бесконечным дворцовым залам, забираюсь в сумрачные подземелья, торчу перед картинами и фресками, выглядываю с колоколен, слушаю залповые пояснения чичероне, у которого для любой достопримечательности есть несколько готовых фраз. Стоически выношу все, быть может, благодаря тому, что постоянно думаю о своем.

"Раз они решились прибегнуть к крайним мерам, почему же они не ликвидировали Моранди?"

Моя туристская одиссея длится две недели. Я воздерживаюсь от действий, которые в иных условиях предпринял бы незамедлительно. Самое главное - не пытаться следить за Моранди.

Почему не ликвидировали Моранди?

Его оставили в качестве приманки.

Возможен и такой ответ на вопрос. Пусть не самый верный, но достаточно вероятный, чтобы мне какое-то время держаться подальше от этой единственной исходной позиции. Есть, правда, еще одна - человек в зеркальных очках. Но в настоящий момент его поглотила неизвестность.

Я не до такой степени заражен туристическим легкомыслием, чтоб не заниматься и кое-какими полезными делами. Во-первых, я устанавливаю контакт с фирмой "Мурано", производящей венецианское стекло. Деловой разговор, ворох ценников, торг относительно комиссионных - вся эта комедия разыгрывается с одной целью: что-нибудь прояснить. Во-вторых, вооружившись адресами, взятыми из телефонного справочника, получаю необходимые сведения о предприятии "Зодиак" и о местожительстве Моранди. В-третьих, с учетом обстановки уточняю план действий.

И вот опять понедельник. Как и предыдущие дни, он проходит в суматошной беготне по мраморным лестницам и арочным мостам. И длится она до конца рабочего дня. А "Зодиак" кончает работу в шесть часов, так что в четверть седьмого я уже на террасе "Сирены", где можно выпить рюмку мартини. К счастью, через два дома от этого кафе находится квартира Моранди.

На небольшой площади перед кафе царит оживление, на террасе тоже довольнолюдно, так что, если понаблюдать с близкого расстояния, ничего не случится. Потягивая второй мартини, я вдруг обнаруживаю идущего в толпе Моранди. Все так же хорохорится, все в той же смешной серо-голубой шляпчонке с узкими полями. Моранди проходит неподалеку от моего столика, не обращая внимания на посетителей. На этом сегодня, пожалуй, можно поставить точку.

Оказывается нет. Полчаса спустя Моранди снова шествует по улице, на сей раз в обратном направлении. Поравнявшись с террасой, он круто поворачивает в мою сторону, однако проходит мимо и, небрежно пнув свободный стул, садится за соседний столик ко мне спиной.

Он, как видно, свой человек в этом кафе. Обменявшись с кельнером несколькими словами относительно того, как было жарко сегодня, Моранди заказывает двойной чинзано со льдом. У меня рюмка уже пустая, и, как известно, посетитель, сидящий за пустым столом, всегда вызывает подозрение. Поэтому я делаю знак кельнеру и заказываю ужин. Заказываю придиричиво, оговаривая все до последней мелочи, обращаю внимание официанта на то, какими должны быть мясо и гарнир. И вообще даю понять, что я пришел сюда не ради карих

глаз хозяйки заведения, кстати сказать уже не молодой и больше чем просто располневшей особы.

Я заметил, чем невзыскательный клиент, тем пренебрежительней относятся к нему официанты. Нося в себе какие-то черты мазохизма, они испытывают блаженный трепет перед теми клиентами, чьи капризы не знают границ. Именно таким оказался мой кельнер. Пока я делал заказ, он чуть не пританцовывал, повторяя с упреком "да, синьор", "ясно синьор", и под конец едва не козырнул мне, и тем не менее надо соблюдать меру; стоит переборщить - и получается обратный результат.

Я приступаю к салату, а Моранди выпивает второй чинзано. Когда мне подают мясо - заказывает третий. Не успел я покончить с основным блюдом, как появляется приятельница Моранди, та самая, которую я видел на снимке. Они машинально здороваются, после чего кавалер выговаривает своей даме за опоздание.

- От этого ты только выиграл, - невозмутимо отвечает она. - Выпил лишний бокал вина.

Следует новая реплика, сказанная вполголоса.

- Ничего подобного! - возражает дама. - Закажи для меня мартини.

Разговор между ними продолжается, достаточно банальный, чтобы его мог понять даже такой иностранец, как я, и слишком безинтересный, чтобы его воспроизводить. С одной стороны - жара, портниха, маникюрша, а с другой не выраженные, но вполне уяснимые сомнения Моранди относительно того, как дама провела время.

Желая переменить тему разговора, женщина вдруг спрашивает:

- Ты когда уезжаешь?

К моему огорчению, Моранди что-то невнятно бормочет, отвечая весьма уклончиво. Потом в свою очередь задает вопрос:

- Ужинать будем?

- Только не здесь! Сегодня я бы не прочь съездить в "Эксельсиор".

- В Лидо? У меня нет никакого желания ехать в такую даль, - кисло возражает кавалер.

В конце концов они отправляются в "Эксельсиор". Они проходят мимо моего столика, и я пристально разглядываю их.

Неторопливо доедаю котлету с живописным гарниром.

- Синьор доволен? - угодливо спрашивает кельнер.

Чтоб не слишком его баловать, я снисходительно киваю. Затем выпиваю кофе, рассчитываюсь и встаю. Теперь надо ждать на набережной, у Палаццо Дукале - отсюда едут в Лидо.

Сведения, почерпнутые из разговора в "Сирене", скудны и неопределенны, но все же таят в себе какую-то информацию: Моранди предстоит поездка. Эта деталь - тут невольно приходит на память замечание Любо, что Моранди частенько наведывается в Женеву, - побуждает меня поутру съездить на вокзал и внимательно изучить расписание поездов. Единственный скорый поезд Венеция-Лозанна-Женева отправляется после обеда. Можно ехать иначе - с пересадкой в Милане. Вполне логично предположить, что деловой человек, которому часто приходится ездить по делам службы, чтоб не губить зря время, предпочтет прямой поезд.

Хотя не будет удивительно, если деловой человек по пути заедет в Милан...

Но так как я не в состоянии день и ночь торчать на вокзале, то мне имеет смысл опереться на логику. И здесь меня ждет неизящное и на редкость досадное занятие, раз невозможно держать под наблюдением человека, придется следить за поездами.

Дежурство начинается в тот же день. За двадцать минут до отправления я прихожу на перрон, где уже появились группки встречающих миланский поезд. Среди пассажиров, разместившихся в вагонах, Моранди не видно. Не видно его и среди тех, кто с чемоданами и сумками в руках торопливо проходит по перрону. Поезд, прибывший из Милана, закрывает мне поле зрения - приходится менять перрон. Но Моранди все нет, и поезд отбывает без него.

На другой день все повторяется. С той лишь разницей, что мой наблюдательный пункт переносится к книжному киоску в зал ожидания. Не появляется Моранди и последующие дни, и я с трудом удерживаюсь от того, чтоб не наведаться к проходной "Зодиака" или не заглянуть на террасу "Сирены". Однако искусство ожидания имеет свои законы. Если Моранди уехал каким-то другим поездом, проверкой не установишь, не установишь даже того, что он вообще уехал. Если же он уехал, можно попасть в глупейшую историю.

Часы и дни, свободные от дежурств на вокзале, тянутся без конца, похожие в своей невыразительности один на другой, а мне приходится слоняться по городу среди туристов. Не понимаю, что влечет сюда эти толпы зевак. Когда я гляжу, как они текут непрерывным потоком, у меня возникает такое чувство, будто они провожают покойника. Венеция разрушается. Разрушается вся, медленно и неумолимо, годами - от воды, от этой неубывающей влаги, которой пропитано здесь решительно все.

Может, это от моей серости, но когда я двигаюсь среди этих достопримечательностей, я ощущаю не столько величие прошлого, сколько то, что оно преходяще. Изъеденные сыростью позеленевшие фасады, рассыпающиеся камни, все в трещинах, готовые вот-вот обрушиться стены, искореженные плиты мраморных полов, качающиеся у тебя под ногами. Разрушение и тлен под умопомрачительно красивой оболочкой, смерть угнездилась в этом прекрасном теле и гложет его изнутри, чтоб оставить один скелет. Словом, меня не покидают "веселые" мысли, вполне отвечающие моему "бодрому" настроению.

На восьмой день моего дежурства на вокзале за проявленное терпение я достаиваюсь наконец скромного вознаграждения: за пять минут до отхода поезда на перроне появляется Моранди - легкий элегантный чемодан, гордый вид. В своей дурацкой шляпе он вышагивает вдоль состава, словно обходит почетный караул.

Наблюдение на этот раз ведется из буфета. Дождавшись отправления поезда, ухожу, лишь окончательно уверившись, что мой подопечный не спрыгнул в последний момент на платформу. Моранди - ревнивец. А ревнивцы подчас способны на самые подлые выходки.

Дневная жара спала, со стороны Лидо набегает прохладный морской ветер, и, спускаясь по широкой лестнице к Канале Гранде, я вдруг ощущаю радость жизни. У меня легкая походка, ясная голова, а нараставшее в эти дни напряжение постепенно снижается до нормального. У меня теперь нет желания выходить на пенсию, я даже готов ухватить за руки ребятишек, скачущих вокруг продавца мороженого, и, чтоб удержаться от этого, назидательно внушаю себе, что мне уже без малого сорок.

Главное, я снова обрел способность сосредоточиваться, уходить от навязчивых мыслей, приводящих меня в болезненное состояние, отпугивать смутные тени воспоминаний и страхов, которые наступают именно тогда, когда я в них меньше всего нуждаюсь. Иными словами, я готов к предстоящему.

А предстоит мне установить связь с приятельницей Моранди. Ход мыслей таков: если Моранди оставлен в качестве приманки, то прошедшие без видимых последствий три недели, может быть, убедили кое-кого, что приманка не действует или что действовать ей не на кого. Уже одно то, что Моранди уехал, подтверждает подобную точку зрения. Что касается женщины, то едва ли она постоянно находится под надзором, и потом, флирт с женщиной любому покажется занятием более невинным, чем неотступное следование за мужчиной.

Большой флирт не мое амплуа, но в силу своей принадлежности к мужскому полу я ориентируюсь и в этом вопросе. Итак, отправляясь по соответствующему адресу, я повторяю про себя намеченный план операции. Адрес этот - моя находка, приз, полученный за то, что я битых три часа проторчал на набережной Палаццо Дукале в тот вечер, когда Моранди со своей приятельницей отправились в Лидо. Дама - зовут ее Анна Феррари, как мне походя удалось установить, - живет на Мерчериа, самой оживленной торговой улице города.

До Мерчериа я добираюсь к концу рабочего дня. На узкой длинной улице полным-полно прохожих и зевак. Здесь нет кафе, и я тоже сперва выступаю в роли прохожего, потом перехожу в категорию зевак. Беглые проверки убеждают меня, что я не являюсь объектом чьего-либо внимания. Вначале я прилежно изучаю ассортимент товаров магазина мужской одежды, потом двух магазинов женской, потом витрины с драгоценностями, парфюмерией и бельем. Время от времени бросаю взгляд на одно из окон дома, старого и потемневшего, впрочем как и все остальные. Это полуоткрытое окно находится на втором этаже, ветер колышет белую занавеску. Можно предположить, что в настоящий момент дама у себя. И что, когда ей осточертеет сидеть дома, она выйдет на улицу.

Второй раз изучаю творения парфюмерии "Жак Фат" и "Кристиан Диор", пока не замечаю, что окно закрылось. Немного погодя из дома выходит Анна Феррари в льняном бледно-голубом платье, достаточно коротком и достаточно узком, чтобы не скрывать того, что достойно внимания. Покачивая бедрами, женщина проходит мимо и, не взглянув в мою сторону, замедляет шаг возле витрин. Эти витрины она наверняка видит не менее двух раз в день, что, однако, не мешает ей с неподдельным интересом задержаться снова то у одной, то у другой. "Совсем испорчена", - говорил Любо. Это не так страшно, если у этой испорченной особы такая соблазнительная внешность. Не высокая и не низкая, не полная и не худая, эта женщина привлекает внимание не только гармонией своих пропорций, но и дисгармонией, в частности размерами своего бюста. Ей, вероятно, все время кажется, что окружающие глаз не в силах оторвать от нее. Даже рассматривая витрины, она не упускает возможности стать так, чтобы подчеркнуть достоинства своей фигуры.

Проследовав мимо магазинов готовой одежды, Феррари останавливается перед витриной с драгоценностями. Я подхожу к ней. На меня женщина не смотрит. Взгляд ее прикован к лежащему в центре витрины кольцу с большим топазом.

- Вон тот аметист весьма недурен, - говорю я вполголоса, как бы про себя.

- Топаз куда лучше, - почти машинально возражает женщина и лишь тогда обращает на меня внимание.

Я собираюсь ответить, но в это время у меня за спиной слышится полный радушия мужской голос:

- Анна!

Дама отвечает с тем же радушием:

- Марио!

Марио делает шаг и по-свойски обхватывает ее талию, но она отстраняет его руку, они

проходят чуть вперед и, оживленно разговаривая, останавливаются на углу.

Я захожу в магазин, указываю на кольцо с топазом и деловито спрашиваю:

- Сколько?

Продавец неторопливо достает драгоценность и начинает пространно объяснять ее достоинства.

- Сколько? - повторяю я. - Боюсь опоздать на поезд. Уезжаю.

Торговец подносит кольцо к свету, чтоб я мог лучше видеть блеск камня, и называет астрономическую цифру.

- Сожалею, - говорю я и собираюсь уходить.

Спустя две минуты я покидаю магазин, заплатив лишь половину названной суммы. Дамы с кавалером на углу не видно. Ускорив шаг, иду в сторону Сан-Марко и обнаруживаю далеко впереди фигуру в бледно-голубом. Женщина одна. Я настигаю ее на самой площади, когда она садится за столик в кафе.

- Разрешите?..

Она поднимает глаза и бросает на меня взгляд лишенный всякой симпатии:

- Опять вы?

- Да. Позвольте...

Женщина с досадой вздыхает:

- Спасения нет от нахалов. Не успела избавиться от одного, а тут уже другой.

Я собираюсь объяснить ей, что она не совсем права, но за спиной у меня слышится новое радушное восклицание:

- Привет, Анна!

- Наконец-то! - отвечает женщина.

Нетрудно догадаться, что это тот, кого она ждала. Молодой широкоплечий смуглолицый красавец. Он ограничивается тем, что окидывает меня пренебрежительным взглядом, после чего садится на свободный стул. Я пересаживаюсь за соседний столик позади кавалера, так чтобы можно было видеть Анну и чтобы Аполлон не видел меня. Заказав мартини, я созерцаю даму.

Увлеченно беседуя с красавцем, дама делает вид, что я для нее не существую, хотя держит меня в поле зрения, - наличие лишнего поклонника, несмотря на выказываемую ею досаду, ее не тяготит.

Выпив мартини, я достаю бархатную коробочку с покоящимся в ней кольцом и начинаю небрежно вертеть его в руках. Топаз необычных размеров, он в самом деле очень красив, а сейчас, при дневном свете, кажется особенно привлекательным. Привлекательным для дамы за соседним столиком, разумеется. С того момента, как в моих руках появилось кольцо, Анна обнаруживает все возрастающее беспокойство. Сперва украдкой, потом открыто она бросает через плечо кавалера любопытные взгляды на драгоценную вещицу. Разговор у них явне не клеится. Точнее, он никак не в пользу Аполлона.

- Сегодня не могу, - заявляет Анна.

- Ты же обещала.

- Непредвиденное обстоятельство...

- Разыгрываешь меня...

Наконец кавалер раздраженно бросает на стол скомканный банкнот и уходит.

- Разрешите?.. - повторяю я вопрос, усаживаясь на освободившийся стул.

- Дайте взглянуть, - без лишних слов говорит Анна.

Я подаю ей бархатную коробочку, после чего киваю официанту.

- Вы что пьете?

- То же, что и вы, - отвечает дама, вперив хищный взгляд в камень цвета крепкого чая.

Ответ вселяет надежду на взаимопонимание. Заказываю два мартини.

- Чудный камень, - признает дама.

- На вашей руке он станет еще лучше.

Анна только этого и ждала. Она надевает кольцо на безымянный палец и отдаляет руку, любуясь им.

- Камень действительно прекрасный.

- Как и мои чувства к вам.

- Я не верю во внезапные чувства, - возражает Анна.

Кольцо уже на руке, так что теперь можно и о собственном достоинстве позаботиться. Женщина, пусть даже "совсем испорченная", всегда предпочитает, чтоб ей давали цену выше реальной.

- А мои чувства не внезапные, - возражаю я, подождав, пока официант поставит на стол напитки.

- Знаю, - кивает Анна. - Им уже больше получаса...

- Им уже около месяца.

- О, это что-то новое!

Она выражает удивление совсем как танцовщица из дешевого кабаре; лениво приоткрыв полные губы, показывает два ряда красивых белых зубов.

- Я вас видел в "Сирене". К сожалению, вы были не одни.

- Разве можно побыть одной, когда кругом столько нахалов!

"Скоро месяц, как я брожу по городу в надежде встретиться с вами снова..."

Фраза осталась невысказанной. Излишнее усердие, как я уже говорил, обычно ни к чему хорошему не приводит. Не стоит без меры гладить ее по головке. Иначе кто знает, в какую

сумму может обойтись операция. Поэтому я лишь добавляю:

- А сегодня я вас снова обнаружил...

- Мир тесен, - философски прерывает меня Анна. - Куда вы намерены меня повести?

- Куда желаете. В "Гранд-отель" или "Эксельсиор"...

Дама одобрительно выслушивает наименования фешенебельных ресторанов и задерживает на мне пристальный взгляд:

- Вы влюбчивы?

Мои колебания делятся какую-то долю секунды.

- Скорее щедр.

Опять улыбка одобрения.

- Мне осточертели влюбчивые глупцы. Стоит уделить чуть больше внимания, и уже становятся навязчивыми. Совсем как этот шалопай.

- Парень хоть куда, - великодушно говорю я. - Наверно, неплохой любовник.

- Только голова пустая. Как, впрочем, и карманы.

- Так оно и бывает. У хороших любовников обычно нет денег, а те, у кого они есть, плохие любовники.

- Хм, верно, - вздыхает Анна.

Потом останавливает на мне пристальный взгляд.

- Вы имеете в виду себя?

- Это оцените вы, - скромно отвечаю я.

Она бесстыже усмехается и говорит:

- Пожалуй, мы можем идти.

Ужин на террасе "Гранд-отеля" проходит в атмосфере сближающей интимности. Я приятно удивлен, что женщина гораздо лучше владеет французским, чем я - итальянским. Для сентиментальной увертюры обстановка вполне подходяща: серебро и хрусталь, кельнеры в белых смокингах, романтическое отражение огней в темных водах канала, гондолы и нежные песни, от которых гондольеров уже тошнит, но что поделаешь - надо же как-то добывать хлеб.

Анна оказалась гораздо проще, чем я ожидал. Ее прямота граничит с простодушием, кокетство не выходит за рамки терпимого, и если она порой принимает ту или иную позу, показываю, что стоят ее прелести, то делает это ровно в той мере, чтобы не заскучал собеседник.

- Я спросила, не слишком ли вы влюбчивы, потому что у меня есть приятель, - неожиданно поверяет мне Анна свою тайну к концу ужина.

Я даю понять, что в этом нет ничего удивительного, не проявляя интереса к затронутой теме.

- Может, они и забавны, эти мальчики, только женщине приходится думать и о будущем, - продолжает Анна.

- Постараюсь не вносить осложнений в нашу жизнь, - отвечаю я, поскольку, очевидно, это от меня хотели услышать.

- Мерси.

- Я могу обещать вам только приятные сюрпризы.

Она мило улыбается и выпячивает грудь, давая понять, что в этом отношении и с ее стороны в сюрпризах не будет недостатка.

- И вообще все будет так, как вы пожелаете. Я буду счастлив, если время от времени смогу любоваться вами, когда вы позволите.

- Я сразу поняла, что вы настоящий кавалер, - отвечает Анна, глядя на меня с задумчивым видом.

Должно быть, в данную минуту под пышной прической в этой изящной головке уже зреет идея тайной связи, которая может оказаться в меру надежной и в меру доходной.

Поздно вечером меня принимают на Марчериа, в уютной квартирке. Полуобнаженная хозяйка обнимает меня красивыми руками и ласкает мой слух нежным щебетом:

- Я хочу, чтобы ты был со мной очень мил. Чтобы ты часто делал мне подарки...

Подарки? Почему бы и нет. Только в разумных пределах. Любая операция требует расходов. Важно, чтобы затраты потом окупались. Анна считает, что вполне окупятся, имея в виду свою женскую статью. У меня по данному вопросу есть свои соображения.

Нельзя не обратить внимания на тот отрадный признак, что мы оба проявляем умеренность в наших отношениях. Анну, вопреки ее утверждению, что ей всего двадцать, тридцатилетний жизненный опыт, видимо, научил не требовать больше того, на что можно рассчитывать. Что касается моего дела, то у меня тоже есть некоторый опыт. Поэтому только дня через три я осторожно касаюсь нужной темы.

Эти дни были заполнены до предела. Кроме того, что интересуется эротоманов, мы совершали прогулки в Лидо, валялись на пляжах, обедали в роскошных ресторанах, танцевали под созвездиями парковой иллюминации, дважды ходили в кино и, что обошлось значительно дороже, несколько раз в магазины дамского белья и готовой одежды. Именно дамское белье нас приблизило к теме. Мы сделали покупки, возвращаясь после обеда из ресторана, и, так как жара в это время достигла своего предела, укрылись на квартире у Анны.

Анна, совершенно раздетая, стоит среди множества раскрытых коробок и, примеряя одну вещицу за другой, вертится перед зеркалом, а я курю, вытянувшись на диване, и наблюдаю, как ветерок качает белую занавеску. Я стараюсь не смотреть в сторону зеркала.

- Ты даже не скажешь, что мне больше идет! - капризно замечает Анна, огорченная моим невниманием.

- Тебе все идет. Тебе идет решительно все. Мне только кажется, что твой приятель мало заботится о твоём гардеробе.

- Что и говорить! Так оно и есть.

- В таком случае не понимаю, как ты его терпишь. Наверно, настолько влюблена, что...

Тут я умолкаю, как бы задохнувшись в приступе ревности.

- Влюблена?.. - Анна воркующе хохочет.

- Тогда и вовсе не понятно. Может, я глуп, но мне этого не понять.

- Ох, все вы, мужчины, одинаковы, - вздыхает Анна, расстегивая кружевной бюстгальтер, чтобы заменить его следующим. - Вечно вас гложет ревность. Когда два года назад я познакомилась с Моранди, у него было много денег. А теперь у него их мало. Неужели это так сложно?

- Он переменял профессию?..

- Ничего он не переменял. Но тогда он ездил за границу и ему платили больше. А теперь не ездит - и получает гроши.

Не скрывая досады, она умолкает, затем опять принимается за белье. Я снова разглядываю занавеску. На сегодня достаточно.

Двумя днями позже, после второй разорительной прогулки по Мерчериа, Анна опять стоит перед зеркалом в только что купленном сером платье из кружев.

- Идет оно мне? - спрашивает она, приняв позу из модного журнала.

- Естественно. Тебе особенно идут дорогие вещи.

- Вот, а Моранди этого не хочет понять, - лепечет женщина, принимая другую картинную позу.

- Быть может, и ты этого не понимаешь. Иначе не стала бы так цепко держаться за своего Моранди.

- Он, бедняжка, делает для меня все, что может, - терпеливо заступается за него Анна.

- В том смысле, что бессовестно обманывает тебя. Раньше получал много, а теперь - мало. И ты ему веришь.

Женщина оборачивается и смотрит на меня с досадой. Я курю с невозмутимым видом, лежа на диване.

- Не верю, я знаю. Тогда он получал массу денег за командировки, а теперь их нет, командировок.

- Хорошо, хорошо! Дело твое, - примирительно говорю я. - Только не забывай, я тоже имею отношение к торговле. Ни одно предприятие не выдает денег больше, чем это необходимо для поездки. Если у Моранди прежде были деньги, они и сейчас у него есть. Но по мере того как угасают чувства, уменьшается и щедрость.

- Глупости! - топает ногой Анна. - Моранди от меня без ума. Без ума, понимаешь! Порой он приводит меня в бешенство своей ревностью. Если бы его щедрость зависела от чувств, он бы озолотил меня. Только не может он...

- Ясно: больше не посылают в командировки, - насмешливо замечаю я, пустив к потолку струю дыма.

- Вот именно, - бросает женщина, раздраженная моим упорством. Потому что его командировки были необычные. Он все больше туда, за "железный занавес", ездил... Понял?

Я, разумеется, понял, однако продолжаю поддразнивать ее в надежде услышать все, что она знает.

- Возможно, так оно и есть, - заключаю я с ноткой недоверия. - Но в таком случае не могу понять, какой тебе прок от этого человека.

- Проку никакого. Просто я ему обязана. Два года назад, когда Моранди нашел меня, я работала манекенщицей в третьеразрядном доме моделей и моего заработка хватало только на чулки и бутерброды.

- Хорошо, хорошо.

- И потом, он мне обеспечивает какой-то минимум. Не говоря уже о том, что в любой момент его могут снова послать...

- Хорошо, хорошо.

- Тогда как ты - иностранец. Таить не стану, ты для меня большая роскошь, но сегодня ты здесь, а завтра возьмешь да исчезнешь...

- Я говорю тебе, что буду наезжать сюда - сделки.

- Значит, мы сможем часто видеться. Только Моранди...

- Хорошо, хорошо, - твержу я. - Не думай, что я стану требовать невозможного. Я ведь обещал...

- Тогда прекрати эти сцены ревности. С меня достаточно пыток Моранди.

После этих слов наступает успокоение, и Анна подзывает меня, чтоб я расстегнул ей платье.

Все это не так плохо, однако не выходит за рамки того, что я уже знаю. Временно либо навсегда Моранди изъят из обращения. Какие задачи он выполнял, сколько раз и, самое главное, кто отправлял его - эти вопросы остаются открытыми. Что Анне известно, она сама сказала. Дополнительные, как бы случайные и совсем невинные вопросы, подкинутые в ходе разговора с кем Моранди поддерживает связи, чем он занимается в Женеве, - ничего, в сущности, не дали. Несколько малозначительных подробностей, в целом отвечающих характеристике, которую дал Любо, - кутила, вертопрах, старый волокита, воспылавший чувством к довольно нещепетильной и весьма суетной приятельнице, к тому же не отличающейся верностью.

И все-таки успех налицо. Все это может очень пригодиться. Только бы не случилось какого подвоха и не оборвалась установленная связь.

На седьмой день нашей любовной эпопеи, когда мы вечером возвращаемся в квартиру на Марчериа, Анна предупреждает меня, что на горизонте может появиться Моранди.

- В Женеве он обычно задерживается не больше недели и по возвращении сразу же идет сюда.

К вашему, мол, сведению. Однако то, что сама она никак не обеспокоена грозящей опасностью, представляется мне весьма странным.

- А что, если Моранди нас накроет?

- Ты воспользуешься черным ходом.

- Значит, придется всю ночь быть настороже?

- Глупости. Если до десяти его не будет, то он вообще не придет.

На всякий случай Анна показывает мне коридорчик, ведущий к запасной лестнице, чтобы в случае чего мне было легче ускользнуть. Женщине не пришлось бы брать на себя такой труд, если бы она знала, что несколькими днями раньше, когда она уходила за покупками для наших поздних завтраков, я уже успел обследовать эти места.

Анна снимает платье, то самое, кружевное, и надевает халат. Затем направляется в ванную. В этот момент трижды, притом весьма настойчиво, звонят.

- Моранди, - спокойно говорит Анна. - Ступай.

- Ты не открывай, не убедившись, что я ушел.

- Знаю, - кивает она. - Иди.

Что я и делаю. Но, очутившись на лестнице, я не спускаюсь вниз, я задерживаюсь у двери, чтоб выполнить пустяковую операцию со звонком. Видимо, этот звонок висит здесь без дела с давних пор, потому что пришел в негодность, и вот настало время, когда он снова сможет сослужить службу, хотя и в другом качестве. Корпус звонка укреплен в коридорчике, у самой двери в спальню. В свое время в его металлическое полушарие я вставил крохотный, но довольно чувствительный микрофончик, подсоединив его к проводку. Остается только соединить наружный конец провода с мембраной, чтобы можно было участвовать в предстоящем разговоре, по крайней мере в качестве слушателя. Именно этой операцией я и занялся.

- Тут кто-то был... - слышу тихий, но достаточно ясный голос Моранди.

- Тут и сейчас кое-кто есть... - отвечает голос Анны.

- Я хочу сказать, кто-то посторонний. Это запах не твоих сигарет.

- Верно. Я перешла на "Кент".

- У тебя на все готов ответ, - снова звучит недовольный мужской голос.

- Так же как ты по всякому поводу готов затеять скандал. У тебя, наверно, опять неприятность...

- Неприятностей хоть отбавляй.

Наступает пауза.

- Ну рассказывай же, чего ждешь! - слышится голос Анны. - Я ведь знаю, пока ты не выскажешься, настроение у тебя не улучшится.

- Полная неопределенность. У меня такое чувство, что надо мной сгущаются тучи... Что меня подозревают... Что за мной следят...

- Что у тебя нервы не в порядке и тебе мерещатся призраки... дополняет женщина.

- Вовсе не призраки. У меня большой опыт в этих делах. Я только никак не пойму, откуда все это исходит.

- От тебя самого, и больше ниоткуда. Если ты с кем-нибудь не делился...

- Я - нет. Но, может, ты?

- Глупости, - отвечает Анна.

Однако голос ее звучит не вполне уверенно.

- Ты так много болтаешь со своими приятельницами и парикмахерами, что, пожалуй, сама не в состоянии припомнить, что говорила и чего не говорила.

Анна молчит.

- Отвечай же! Если проговоришься, лучше сознайся. Имей в виду, те шутить не станут.

- Кто "те"?

Я весь обращаюсь в слух, но Моранди сердито бормочет:

- Неважно кто. Важно, что шутить не станут. Да будет тебе известно, Конти пристрелили не ради ограбления, а за то, что болтал.

- Почему ты мне раньше не сказал?

- Об этом я узнал только в Женеве. И не воображай, что, если то, что случилось с Конти, случится со мной, тебя пощадят.

Снова наступает пауза. Потом слышится голос Анны, тихий, изменившийся:

- Карло, я боюсь...

- Чего ты боишься? Говори, что ты натворила?

- Ничего не натворила. Но тут последние дни около меня увивался какой-то тип... Я, конечно, отшила его, но он увивался...

- Что за тип?

- Какой-то бельгиец... выдавал себя за торговца... и все о тебе выспрашивал... Я, конечно...

- Как его зовут, твоего торговца? Где он живет? - грубо прерывает ее Моранди.

Я не дожидаясь ответа. Пора уже посмотреть, куда ведет эта запасная лестница.

Если пессимисты всегда видят впереди самое плохое, я от них не далек. Несмотря на то, что мои отношения с Анной складывались весьма идиллично, я еще позавчера рассчитался с гостиницей и отправил свои вещи на вокзал, в камеру хранения. Таким образом, единственное, что мне остается сделать, самому отправиться на вокзал, чтобы сесть на первый же поезд, отбывающий в западном направлении.

Час спустя я дремлю в пустом купе, покачиваясь под мерный, убаюкивающий перестук колес. Дремлю, просыпаюсь и снова дремлю, то пытаюсь собраться с мыслями, то стараясь их рассеять, ведь теперь все равно ничего не поправишь. Неприятно лишиться взлетной дорожки. Но если она единственная, то это уже не просто неприятность, а катастрофа.

Мне необходимо обсудить все с самого начала. Не сейчас. Завтра или позже, но необходимо. И найти выход. Сменить местожительство. Сменить паспорт. Или, быть может, сменить голову.

3

Напротив меня в черном кожаном кресле сидит генерал. Справа и слева от него

разместились полковник и мой начальник. Все трое смотрят мне в лицо. Их взгляды и затянувшееся молчание угнетают меня.

- Хорошо, - произносит наконец генерал, как бы прерывая какую-то свою мысль. - А сам-то ты как оцениваешь свою работу?

- Оценка ясна, - отвечаю. - Оценка совсем плохая. Однако я включился в действие в тот момент, когда операции грозил провал, и я мог сделать только то, что сделал.

- Ты хочешь сказать, начни ты сначала, ты бы действовал точно так же? - спрашивает генерал.

Я молчу. Генерал посматривает на моего начальника. Тот усаживается поудобнее на стуле, потом изрекает:

- Ты поступил точно так же, как Ангелов. Повторил его ошибку.

- А как я должен был поступить?

- Ждать. Ждать еще.

"Ждать? Чего? Второго пришествия?" - в сердцах возражаю я про себя, но вслух ничего не говорю.

Генерал бросает взгляд на полковника, который, склонив голову, барабанит прокуренными пальцами по обитому красным сукном столику.

- Если учесть ситуацию, создавшуюся после провала, я лично одобряю попытку Боева установить связь с Анной Феррари, - подает голос полковник.

Вступление вселяет надежду. Но только в того, кто не знает полковника. Теперь он поднимает свой желтый указательный палец и направляет его мне в грудь.

- Но зачем тебе понадобилась пускаться в расспросы относительно Моранди?

- Как это "зачем"? - не в силах сдержаться я.

- Очень просто, зачем? Чтобы услышать то, что ты и без того знаешь? Или чтобы связи лишиться?

Я молчу.

- Второе. К чему эта самодеятельность со звонком?

- Даже при наличии самой совершенной аппаратуры я бы не сумел услышать больше того, что услышал, воспользовавшись звонком, - бормочу в ответ.

- Верно. Но ведь это годится только на один раз.

Он замолкает, как бы для того, чтобы я мог сообразить, куда он метит, потом продолжает:

- Тебе следовало установить эту связь спокойно, без всякой спешки, не вызывая подозрения. Чтобы этой связью можно было пользоваться длительное время. Окопаться как следует. Обеспечить для себя безопасное и вполне надежное устройство для подслушивания. Таких устройств сколько угодно даже в магазинах. И - ждать!

Все мне твердят: "Надо уметь ждать!" Как будто я не знаю этого лучше, чем любой другой. А может, все-таки знаю недостаточно?

- Ну а теперь? - генерал смотрит на меня в упор.

- Теперь мне потребуется новое имя. Словом, легенда три.

- Ты знаешь, Боев, чего стоит создать легенду, - мягко говорит генерал.

И в этой реплике собрано все: и оценка моей прежней работы, и горечь неудачи, и предупреждение относительно моих дальнейших действий.

Он на минуту замолкает, словно задумавшись над чем-то, не имеющим отношения к разговору, потом встает.

- Ладно. Легенда три.

Резким движением я отбрасываю одеяло и соскакиваю с кровати. Чтобы размяться, делаю несколько упражнений. Минутная гимнастика. Потом бегу в ванную и становлюсь под душ. А дальше это муторное дело - бритье.

Сцена в генеральском кабинете целиком составлена из моих воспоминаний и представлений. Не сомневаюсь, если бы она состоялась на самом деле, то произвела бы на меня еще более тягостное впечатление. Неудобных вопросов было бы куда больше. Да и резких характеристик. Что ж, видимо, я того стою.

Я недооценил Анну. Не в смысле ее интеллекта. Ее привязанность к Моранди и инстинкт самосохранения - вот чему я не придал должного значения. Не ожидал, что Моранди возьмет ее на испуг. Да еще так быстро. С его стороны было глупо и неосторожно посвящать ее в тайну убийства Конти. Но эта глупость пошла ему на пользу. По крайней мере сейчас.

Заказав по телефону завтрак, я начинаю одеваться. В приоткрытую балконную дверь задувает свежий утренний ветерок. Небо по-весеннему голубое, хотя уже конец июня. И внизу, за зелеными шарами подстриженных деревьев, тоже проступает голубизна. Только это уже не небо, а Женевское озеро. Приехал я рано утром, два часа назад, но вздремнуть мне не удалось. Поэтому недосып компенсирую солидным завтраком. Затем запираю дверь на ключ, спускаюсь вниз и с деловым видом прохожу по залу, но человек в окошке замечает меня.

- Будьте любезны, оставьте ваш паспорт...

- Я иду снимать деньги со счета, - говорю. - Когда вернусь, оставлю.

Человек уступчиво кивает головой. Снимать со счета деньги - это всегда внушает уважение.

В первой же табачной лавчонке приобретаю план города, наспех просматриваю его и направляюсь по ближайшему мосту на противоположный берег. Гранд-рю, вопреки своему названию, оказалось узкой, темной улочкой, круто поднимающейся в старую часть города. Вход в интересующий меня дом тоже узкий и темный. По стершимся каменным ступеням иду на второй этаж, нахожу в полумраке табличку "Георг Росс" и дважды нажимаю на кнопку звонка. Мне открывает пожилой приземистый человек в халате. У него большая голова на тонкой птичьей шее.

- Что вам угодно?

- Господин Георг Росс?

Человек кивает утвердительно.

- Мне бы хотелось узнать, здесь находится детская больница?

При иных обстоятельствах Георг Росс после такого вопроса послал бы меня к чертовой бабушке. Но человек опять кивает головой и, ничуть не смущаясь, поясняет.

- Да. Уже три месяца. Проходите.

Я перескакиваю мрачную прихожую и попадаю в гостиную былых времен мебель неведомо какого стиля со стертой позолотой, огромное зеркало на камине, темное и позеленевшее, как стоячая вода.

- Вам повезло. Я только что сварил кофе, - добродушно заявляет хозяин, указывая мне на кресло.

- Не беспокойтесь ради бога...

Но господин Росс направляется к двери, чтоб через несколько минут появиться снова, с подносом в руках.

- Моя служанка приходит только к десяти, так что позвольте мне за вами поухаживать...

Позволяю. Но, желая напомнить, что я пришел сюда не затем, чтобы за чашечкой кофе поговорить о погоде, добавляю:

- Вы, наверное, догадываетесь, что я к вам от Мерсье. Он прислал меня за диагнозом.

- Знаю, знаю, - кивает человек. - Пейте кофе, а то остынет.

Любезность дело хорошее, только она отнимает подчас массу времени. Я покорно выпиваю кофе, а несколько позже и коньяку, аромат и вкус которого вполне отвечает внушительному созвездию на этикетке. Затем хозяин снова исчезает и после продолжительного отсутствия приносит мне пакет.

Вскрываю. В нем чековая книжка, несколько документов, деньги, перстень с монограммой и паспорт на имя Мориса Роллана родом из Швейцарии, по профессии торговец, а внешне очень похож на меня. Легенда три.

- Чем еще могу быть вам полезен? - услужливо спрашивает человек, глядя на меня своими маленькими светло-голубыми глазами.

- Пустой конверт, пожалуйста.

В конверт я кладу паспорт Альбера Каре вместе с прочими документами на то же имя, запечатываю с помощью услужливо предложенного мне сургуча и прикладываю сверху перстень с монограммой.

- Это для Мерсье, - предупреждаю я, протягивая пакет.

Кивнув, хозяин уносит пакет и снова долго не появляется. Тайник его, должно быть, такой же старомодный, как он сам.

- Чем еще могу служить? - спрашивает он, усаживаясь в кресло.

- Вы, кажется, нотариус?

- Бывший! - поправляет меня господин Росс. - Теперь я всего лишь рантье.

- Вы могли бы дать мне один совет? Это, конечно, не входит в ваши обязанности...

- Ничего. Говорите.

Говорю. Хозяин внимательно выслушивает меня.

- Чудесно! - восклицает он, когда я умолкаю. - У меня кое-что есть на примете, это именно для вас. Такое не каждый день случается. Вам придется зайти к моему приятелю. Его зовут Клод Ришар. Замечательный человек, но неудачник. Я дам вам письмо для него и возьму на себя все формальности...

- Ни в коем случае! - останавливаю я его. - Вы только вкратце скажите мне, что к чему.

Господин Росс несколько разочарован тем, что ему не удастся хотя бы на несколько дней вернуться к своей профессии, однако он не настаивает и терпеливо излагает мне суть дела. Потом все так же любезно провожает меня.

- Скажите, - останавливает он меня в прихожей, - будет война?

Хозяин вообразил, что, поскольку я занимаюсь секретной работой, все тайны мира у меня в кармане.

- Война уже идет, - усмехаюсь я.

- Я имею в виду горячую.

Господин Росс смотрит на меня своими бледно-голубыми глазами так доверчиво, что мне хочется сказать ему что-нибудь утешительное. К сожалению, никакими утешительными сведениями я не располагаю, поэтому бормочу:

- Насчет горячей не знаю. Я, как вы можете догадываться, больше по части холодной. - И чтобы поскорее выскользнуть на улицу, добавляю: - Вы живете в стране, которой эти проблемы довольно чужды.

- Я жил в стране, где вся моя семья погибла, - отвечает старик.

И открывает мне дверь.

Предприятие "Хронос" ближе к Лозанне, чем к Женеве, и, поскольку встреча, назначенная мне владельцем предприятия, состоится только под вечер, у меня есть возможность окинуть беглым взглядом родные места. Потому что Морис Роллан, сиречь я, родом из Лозанны.

В городе с крутыми, раскаленными солнцем улицами, густо движущимися автомобилями и многолюдьем шумно, однако я приехал сюда не ради удовольствия и не ради того, чтобы вспомнить свое детство. Коль уж пожаловал в эти места под чужой личиной, то не лишне иметь зрительные представления о той обстановке, в которой эта личина могла передвигаться, потому что мало ли какой вопрос могут тебе задать. Так что я терпеливо и добросовестно обзираю "родные места", одновременно освежая в памяти многочисленные детали легенды.

В пять часов сажусь в обратный поезд, на второй остановке выхожу и без особого труда отыскиваю предприятие. Это современное фабричное здание с большими окнами, еще два здания поменьше, в альпийском стиле, и гараж всюду чистота, словно перед вами какой-нибудь дом отдыха, затерявшийся в сосновом лесу. Человек, к которому меня вводят, немного старше меня, сухой и отличается явно повышенной подвижностью. Он прекращает свою прогулку между окном и дверью, длившуюся неизвестно сколько времени, хватая меня за руку, сжимает ее крепче, чем следует, предлагает мне кресло и садится сам, однако ему, как видно, нелегко пребывать в этом состоянии относительного покоя.

- С чего начнем?

- Может быть, с конца, - говорю в ответ. - Я уже достаточно осведомлен о вашем предприятии. Единственное, чего я не знаю, - это цена.

- Цена, цена! - ерзает в своем кресле господин Ришар. - Цена последнее дело! Все, что вы тут видите, дорогой господин, - это целый мир, у него своя жизнь, своя логика... мир, созданный мною, плод многих идей и долгих поисков, не говоря уже о том, что он стоил немалых жертв.

- Не сомневаюсь...

Он встает, делает несколько шагов в сторону двери, потом резко оборачивается ко мне.

- Цена! Цена - это функция реальности, денежный эквивалент данного...

- Хорошо, - говорю. - Покажите мне это данное. У меня достаточно времени...

- Сколько? Полчаса, час?

- Сколько пожелаете, - успокаиваю я его.

Однако господин Ришар не успокаивается. Наоборот, с этого момента начинает бить ключом вся его энергия. Он устремляется к несгораемому шкафу, выхватывает из него какие-то бумаги, тут же звонит секретарше, чтобы нашла ему другие, раскладывает передо мной планы и счета, размашисто описывает эллипсы своей костлявой рукой, бегаёт вокруг моего кресла, низвергая на меня водопад слов. Потом хватает меня под руку, тащит во двор и, приказав зажечь свет на уже опустевшем предприятии, начинает показывать мне один цех за другим, станок за станком, вдаваясь при этом в такие детали, что у меня в полной мере восстанавливается головная боль, изводившая меня в Венеции. А под конец, когда весь производственный цикл уже показан мне до последних мелочей, мы снова возвращаемся в кабинет и снова у меня перед глазами мелькают планы, счета, накладные.

Словесный поток, которым меня обдает Клод Ришар, не лишен интереса и здравого смысла. Скверно другое: когда человек считает себя гением, а своего собеседника - идиотом, он становится нестерпимо обстоятельным. А вся история "Хроноса" вкратце сводится к следующему.

Исходная позиция господина Ришара покоится на наблюдении, что хорошие часы очень дороги, а дешевые - плохи. В результате длительных и, надо признать, умелых вычислений он приходит к выводу, что с помощью ультрасовременной техники, перейдя на совершенно новые методы организации труда, можно наладить производство часов, которые по своему качеству смогут конкурировать с наиболее известными марками, а по цене будут лишь немного дороже дешевой продукции массового потребления.

Никакой особой философии в этом нет. Но самое примечательное то, что Ришар действительно сумел реализовать свой план и наладить производство. На заводском складе уже лежит в отличной упаковке солидная партия точных и изящных хронометров - притом нескольких моделей, - готовая для отправки. Только вот отправка пока откладывается и едва ли скоро состоится.

Как это нередко случается с гениями, господин Ришар предусмотрел все до последней мелочи, кроме одного: конкуренцию могущественных фирм. Редкий специалист в области техники, он оказался полным дилетантом в области торговли. Акулы-промышленники столкнулись с акулами сбыта и, нисколько не интересуясь качеством часов фирмы "Хронос", опустили перед ним барьер. Клод Ришар оказался на грани банкротства.

И в тот самый момент, когда Клод Ришар осознал, что ему грозит банкротство, акулы неожиданно сказались золотыми рыбками; они заявили новичку, что готовы купить у него

предприятие по себестоимости. Чтоб он мог спасти свою шкуру. Однако новичок и в этом случае оказался несговорчивым. Господин Ришар относится к той категории людей, у которых ожесточение, достигнув определенного градуса, способно заглушить здравый рассудок. Он не прочь продать предприятие, ибо видит в этом единственный выход из создавшегося положения, но продать его своим убийцам наотрез отказался. Решил дожидаться других клиентов. Но другие не объявлялись, потому что любой другой, оказавшись он на месте Клода Ришара, разделит его участь. Но вот наконец к нему приходит какой-то глупец, невежда и спрашивает о цене.

- Цена?! - восклицает хозяин где-то около девяти часов вечера. - Вы теперь сами можете иметь представление о цене. По самым скромным подсчетам, цена должна быть никак не ниже...

И он называет совсем нескромную, с моей точки зрения, сумму.

- Документы не дают вам основания называть подобную цифру, - коротко возражаю я. - Все расходы, включая зарплату...

- А расход времени? - негодует господин Ришар. - А во что обошлись идеи, находки, бессонные ночи, расшатанные нервы? Не станете же вы определять стоимость предприятия по количеству израсходованного цемента, как не станете оценивать себя по количеству килограммов мяса, из которого вы состоите. Все, что вас тут окружает, дорогой господин, - это живой организм, это пусть небольшой, но целый мир, который, да простит меня господь бог, куда совершеннее большего...

У этого человека незаурядные позиции в области ультрасовременной техники; что же касается красноречия, то он остановил свое развитие где-то на уроке о Цицероне. Кроме того, он не подозревает, что о его затруднениях мне известно гораздо больше, чем можно ожидать.

- Они вас съедят, - спокойно говорю я. - Подождут еще месяц-два, а потом натравят на вас банки. Пока вас лишили только кредита. Завтра последует новый нажим - от вас потребуют возврата средств. Объявят вас банкротом и разграбят ваш маленький мирок до основания, не заплатив даже за кирпичи, из которых он построен.

- А вы желаете меня спасти! - нервно ощеривается Ришар. - Ради того, чтобы спасти меня от их зубов, готовы сами меня проглотить! Ах, как трогательно!..

- Послушайте. Я не филантроп и пришел сюда, разумеется, не затем, чтобы кого-то спасти. Но обстановка такова, что если вы будете поуступчивей, то действительно можете спастись...

- А вы тем временем принесете себя в жертву...

- В каком-то смысле - да, - киваю я. - Во всяком случае, это не исключено. Вы свое определенно получите, я свое - возможно, ведь я иду на риск.

- Как только вы решаетесь?

- Решаюсь, потому что мой капитал куда солидней вашего. Если не интеллектуальный, то финансовый, во всяком случае. Капитал, который позволит выдержать бойкот год, два, а то и больше.

- Тогда давайте приличную цену. Дайте цену, какую я прошу. Она разумна и вполне умеренна для обеих сторон.

- Она станет умеренной после того, как вы сбросите процентов тридцать. Эта уступка на тот

риск, которому я себя подвергаю.

- Этому не бывать!

- Я говорю не ради того, чтоб поторговаться, нет - на другое я не соглашусь.

- Этому не бывать!

Пожав плечами, я встаю. У меня болят колени, голова - тоже.

- Дело ваше. Подумайте хорошенько. Если я вам понадоблюсь, у вас есть мой телефон.

- Да вы что, глухой! - взрывается Ришар. - Вам сказано: этому не бывать!

То, что он так горячится, неплохой признак.

- Я ведь тоже сказал вам: это предел моих возможностей. И еще одно: не слишком тяните с ответом. Я веду переговоры по поводу другой сделки, не столь соблазнительной, зато более надежной.

Хозяин раскрывает рот, чтобы ответить на этот раз, вероятно, бранью, но я жестом останавливаю его.

- Я больше не намерен ни приходить, ни настаивать. Помните, однако, вам представляется единственная возможность не только восстановить свой капитал, но и показать язык шантажистам от крупных фирм.

После этих слов я ухожу, чтобы он мог спокойно взвесить последний мой довод. Впрочем, для такого человека, как господин Ришар, понятие "спокойно" весьма относительное.

В свете моих будущих планов покупка предприятия "Хронос" представляется мне делом весьма удобным. Между прочим, и в том отношении, что, если операция не увенчается успехом, внушительную сумму, израсходованную на эту сделку, всегда можно восстановить. "Хронос" - дело стоящее. Однако господин Ришар не дает о себе знать ни на другой день, ни на третий. Может быть, "этому не бывать" - действительно последнее его слово. Или он ждет, чтоб я к нему пришел. Что ж, пускай себе ждет. Я возьмусь и за другую сделку. Важно войти в роль.

Поскольку я еще не вошел в роль, то использую свободное время для изучения города, а заодно присматриваюсь к фирме "Зодиак". Расположенное на одном из центральных бульваров здание фирмы внушает уважение уже своим массивным фасадом. Моя задача состоит в том, чтобы каким-то образом проникнуть за этот фасад. Тогда я снова смогу делать ставку на Моранди.

Быть может, некоторым это покажется глупым - ради какого-то Моранди покупать целое предприятие. Однако все выглядит в ином свете, если учесть, что ради этого Моранди было организовано сразу два убийства.

Сведения, полученные от Анны, кроме фактов известных, а также не имеющих особого значения, обнаруживают весьма важное обстоятельство: шпионские функции Моранди связаны с его служебными функциями. Деловые командировки плюс шпионаж. Для меня это звучит несколько иначе: "Зодиак" плюс ЦРУ, и если тут замешана не сама фирма, то какая-то важная персона из ее руководящего состава.

"Ночь - добрая советчица", - гласит поговорка. Поэтому я не особенно удивляюсь, когда господин Ришар спустя три дня звонит мне рано утром, чтобы спросить, не смог бы я зайти к нему в "Хронос". В тот день, к обеду, после трех часов словесных фейерверков, чрезмерной

жестикуляции и лихорадочной беготни по кабинету владелец предприятия сдает позиции. Отпраздновать капитуляцию решает в ресторане "У трех бочонков", однако побежденному пиршеству не доставляет удовольствия, и потому он, вместо того чтоб поглощать изысканные, блюда, жует свои бесчисленные фразы о явных и скрытых преимуществах бесподобной фирмы "Хронос".

Я слушаю его терпеливо, можно даже сказать, внимательно - ведь как-никак, с этого момента знать тонкости ремесла мне прямо-таки необходимо. Лишь когда подали кофе, я, улучив момент, прерываю оратора:

- Запомните вашу мысль... Мне бы хотелось сделать вам одно предложение, только что пришедшее мне в голову: вы бы не согласились взять на себя руководство "Хроносом" в качестве директора? Я хочу сказать, на то время, пока вам не подвернется новое дело.

- Меня больше никогда не привлечет никакое новое дело, - возражает господин Ришар; при этом он делает такой категорический жест, что опрокидывает чашку. - Я не желаю состояться с этими гангстерами...

Гангстеры - одна из любимых его тем, поэтому я спешу предупредить тирады против преступного мира:

- В таком случае?

- Я согласен, - резко отвечает господин Ришар. - После покупки "Хроноса" эта ваша вторая разумная идея. Потому что, простите меня, дорогой, если предприятием начнете заправлять вы, то мне уже виден его конец. Не думайте, что, если вы с детства носите ручные часы, этого достаточно, чтобы вы могли причислить себя к асам часового производства.

Неверно, что я с детства ношу ручные часы. Появление у меня часов связано с моей первой зарплатой. Это был огромный будильник с картонным циферблатом и приглушенным звонком, напоминающим шум дрели. А в остальном суждение Ришара не лишено оснований.

В момент расставания новоиспеченный директор доверительно сообщает мне недружелюбным тоном:

- Нанося мне удар, вы воспользовались самым грязным приемом соблазнили меня тем, что я смогу показать акулам язык. Именно ради того, чтоб показать им язык, я и остаюсь в "Хроносе". И покажу, поверьте мне.

Я бы не прочь в это поверить, но не решаюсь... В этом мире акул сардина обычно выступает в роли закуски. Но подобных вещей вслух не говорят. Особенно в присутствии сардины.

Раз у меня теперь есть директор, надо бы подыскать и секретаршу. Владельцу предприятия не пристало самому звонить кому бы то ни было и назначать встречи. Не говоря уже о том, что, возникни необходимость настроичить на пишущей машинке деловое письмо на французском, я бы оказался в тупике. А пока что меня интересует одна-единственная встреча - с директором предприятия "Зодиак", и в роли моей секретарши выступает гостиничная телефонистка за скромное вознаграждение чистоганом.

- Господин коммерческий директор сможет вас принять завтра, между двенадцатью и часом, - сообщает мне телефонистка.

Как ни велико мое невежество в этих делах, слова "между двенадцатью и часом" достаточно ясны, чтобы омрачить мою радость. Вероятно, в этот приемный час директор пускает в свой храм всех подряд. Иными словами, владельцу "Хроноса", этой будущей славе пяти континентов, ноль внимания.

Выходит, меня уже знают. На другой день я появляюсь в установленное время в приемной директора, там полным-полно народу. Вполголоса сообщаю секретарше свое имя, поскольку заказанные третьего дня визитные карточки еще не готовы. Та кивает мне на свободный стул. Закуриваю и окидываю взглядом присутствующих. Ничего достойного внимания, если не считать соседку слева. Слева - это не плохо. Ближе к сердцу.

Женщина заметила, что на нее обратили внимание - такие вещи женщины всегда замечают, - но демонстративно уткнула нос в "Кинообозрение". Меня это не особенно огорчает.

Стол секретарши находится между двумя дверями; за одной, если верить табличкам, директор, за другой - его помощник. Время от времени из той или другой двери кто-нибудь выходит, после чего на столе звонит телефон, секретарша выслушивает распоряжения, машинально произносит слово "да, ясно" и называет имя счастливица. Прием идет в приличном темпе, так что к часу дня здесь остается только нас двое - я и моя соседка слева.

Женщина она заметная, без излишней эффектности, роста почти моего, крупных форм, что, на мой плебейский вкус, не такой уж большой недостаток; она по-прежнему не обращает внимания на мои взгляды, лишь время от времени меняет положение красивых ног.

Женщина поглощена "Кинообозрением". Но вот пробило час. Она закрывает журнал и обращается к секретарше:

- Вы не могли бы напомнить обо мне?

- И обо мне, - говорю я.

Девушка за столом сочувственно смотрит на нас, колеблется какое-то время, потом стучится в дверь помощника, входит и через минуту возвращается.

- Ждать не имеет смысла. Место уже занято, - сообщает она.

- Как же так, вчера мне сообщили, чтобы я сегодня пришла...

Девушка пожимает плечами и заглядывает в комнату шефа.

Второй сюрприз для меня:

- Господин директор очень извиняется, но у него посетитель, а через пять минут он должен присутствовать на важном обеде. Поэтому он предлагает вам прийти завтра в половине одиннадцатого.

Это все же лучше, чем приходиться в приемный час. Нет худа без добра.

- Не могу ли я зайти на минутку к господину помощнику? - спрашивает красавица соседка.

Я ухожу, не дождавшись ответа, тем более что он известен. Медленно спускаюсь по лестнице - торопиться некуда. Меня нагоняет моя бывшая соседка.

- Вы рассчитывали на секретарское место? - сочувственно спрашиваю я.

Кивнув головой, она продолжает спускаться, намереваясь обогнать меня. Этого, однако, не происходит, так как я успел уловить ритм ее шагов.

- Вы огорчены? Место секретаря могу вам предложить я.

- Слишком затасканный прием, - сухо отвечает женщина.

- Тогда позвольте предложить вам вместе пообедать.

- Тоже не оригинально, хотя более реально.

- Пожалуй.

Она окидывает меня взглядом, словно колеблется.

- Только предупреждаю, я не в настроении. Так что не удивляйтесь, если и ваше настроение окажется испорченным.

- Об этом не беспокойтесь, - отвечаю я, и мы направляемся к отелю.

Не помню, говорил я, нет ли, но отель "Регина", где я остановился, вполне соответствует моему положению, то есть не слишком роскошный и довольно хороший. То же можно сказать и о ресторане. Умеренная изысканность обстановки - небольшой зал, обои бледных тонов, зеркала и ослепительная белизна скатертей - действует умиротворяюще. Однако обед действительно начинается скучновато. И все же я не спешу делать на руках стойку с целью оживить свою партнершу. Если у человека хандра, дай ему намолчаться вволю - таков мой девиз.

То, что я не ухаживаю за красоткой, отчасти успокаивает ее, отчасти разочаровывает. Она даже украдкой бросает на меня вопросительные взгляды, надеясь услышать хоть что-нибудь. Нарушаю молчание лишь между рыбой и жарким.

- И все-таки мое предложение не пустые слова.

- А что вас побудило ни с того ни с сего обратиться именно ко мне? спрашивает женщина, точно в соответствии с этикетом положив на тарелку вилку и нож.

- Случай.

- Случай может оказаться плохим советчиком, - предупреждает она.

- Не беспокойтесь, у меня безошибочная интуиция, - нахально отвечаю я, потому что, насколько мне известно, мужчина, у которого была бы безошибочная интуиция в отношении женщин, еще не родился.

Кельнер приносит красное вино и открывает наполненную до половины бутылку с белым. Это тоже этикет. Потом освобождает на столе место и подает мясо.

Заканчиваем обед молча. После мороженого я возвращаюсь к основной теме:

- Вы мне не ответили...

- Так же, как и вы. Не могу понять, почему вы обратились именно ко мне.

- Из-за вашей фигуры.

Она едва заметно улыбается.

- Насколько я вас поняла, вы ищете секретаршу...

- Именно. И я не люблю, чтобы секретарши садились мне на колени, как иной раз можно видеть на карикатурах. Полагаю, что при вашей комплекции риск исключается.

- Почему? - смеется она. - Напротив, риск увеличивается, вашим коленям несдобровать.

Она продолжает смеяться, картина, которую она, вероятно, себе представила, развеселила ее, а смех преобразил. Только что у нее было красивое, но усталое лицо зрелой женщины,

сейчас передо мною добрая шаловливая девушка.

Смех внезапно обрывается, и иллюзия исчезает. Я снова вижу даму с пристальным взглядом и недоверчиво поджатыми губами.

- А что у вас за предприятие? - спрашивает она.

- "Хронос", часовой завод.

- Не слышала о такой фирме.

- Есть люди, которые и про "Омегу" не слышали. Но от этого часы фирмы не страдают.

- Почему вы обижаетесь? Ничего плохого я не сказала.

- Я вовсе не обижаюсь. Кофе будем пить?

Она кивает.

- С коньяком?

- Почему бы и нет?

Наступает пауза.

- Вы регулярно заключаете сделки с "Зодиаком"? - спрашивает женщина, отпив глоток кофе.

- Надеюсь, что регулярно... - следует мой уклончивый ответ.

- Солидная фирма.

- Верно. Только солидные фирмы довольно тяжеловесны как партнеры.

- Как и секретарши той же весовой категории. Кстати, на какое жалование я смогла бы рассчитывать у вас?

- Такое же, какое вам платили бы "Зодиак".

- Вы слишком щедры...

Я пожимаю плечами.

- Характер.

- Вы даже не знаете, на что я способна.

- Раз вы годитесь для "Зодиака", то, полагаю, и для меня подойдете. Впрочем, как могло случиться, что вчера вам обещали, а сегодня последовал отказ?

- Об этом вам лучше спросить помощника директора, если вы с ним знакомы. Вчера он принял меня довольно холодно, равнодушно взглянул на мою рекомендацию, когда узнал, что кроме машинописи и стенографии я в совершенстве владею тремя языками, заявил, что, скорее всего, меня возьмут, но на всякий случай посоветовал зайти сегодня.

- Разгадка простая: нашел более подходящую.

- В отношении фигуры?

- Вероятно. Как бы то ни было, всему свое место. Ваше место у меня.

- Выходит, так. - Женщина улыбается своим мыслям.

- В таком случае могу ли я кое-что узнать о вас дополнительно?

- Например?

- Прежде всего, как вас зовут?

- Эдит Рихтер, двадцать шесть лет, незамужняя, не судилась, последнее место работы - фирма "Фишер и К", о чем имеется справка, - залпом выдает женщина.

- Вы немка?

- Швейцарка. Родом из Цюриха.

Здесь она вспоминает о чем-то и смотрит на часы.

- Надеюсь, я вас не задержал... - замечаю я.

- Нет... то есть... в три часа я должна встретиться с приятельницей.

У меня возражений нет. Приятельницы для того и существует, чтоб на них можно было сослаться в нужный момент. Делаю знак официанту, и он тотчас приносит счет.

В вестибюле Эдит протягивает мне руку.

- Все же разрешите мне сегодня подумать. Завтра утром я вам позвоню.

- Разумеется. Впрочем, я тоже ухожу.

На тротуаре перед отелем Эдит вторично протягивает мне руку, даже не полюбопытствовав, в каком направлении я иду. Навязываться я не намерен. Женщина спокойно удаляется в сторону улицы Мон-Блан. Не знаю, какая она секретарша, но смотрится не плохо. Тонкая талия и крутые бедра при высоком росте несколько компенсируют ее крупные формы. У самого отеля я сворачиваю в пассаж и через проходной двор попадаю на улицу Мон-Блан. Впереди, метрах в пятидесяти, обнаруживаю серый костюм Эдит. Теперь она торопливо шагает в направлении вокзала. Притягательная сила ее стройной фигуры заставляет меня идти за нею следом не приближаясь. Достигнув привокзальной площади, женщина заходит в кафе. Из-за столика на террасе встает худой седоволосый мужчина средних лет, здоровается с Эдит за руку и предлагает ей место рядом с собой. Вот он, недостаток красивых женщин. Вокруг них вечно толпится народ.

На следующий день, точно в десять тридцать, вхожу в приемную директора "Зодиака". Сейчас здесь пусто, и секретарша тут же вводит меня в кабинет коммерческого директора. Кабинет огромный, внушительный. Директор - тоже. Типичный капиталист со старых карикатур - двухэтажный затылок, отвислые щеки, только сигары недостает. Однако выражение лица любезное, насколько это возможно.

Человек делает вид, будто приподнимается со стула, но только делает вид и протягивает свою полную расслабленную руку, затем, пробормотав "прошу", указывает мне на кресло, стоящее у письменного стола. Я сажусь, закуриваю предложенную сигарету и, улыбнувшись в свою очередь, деловито и кратко излагаю предложение, с которым пришел. Директор выслушивает меня не прерывая. Моя краткость явно производит на него впечатление. Это не мешает ему заметить:

- Не знаю, известно ли вам, что мы располагаем почти всей гаммой, от "Филиппа Патека" и "Зенита" до весьма посредственных изделий "Эркера".

- Верно. Однако именно того, что я вам предлагаю, вашей гамме недостает; по качеству это "Зенит", а по цене - "Эркер".

- Понимаю, - кивает директор. - Но это еще надо проверить.

- Проверьте.

- Что касается нас, то мы это сделаем быстро. А вот проверка на рынке требует времени. Покупатель в наши дни недоверчив. Предлагаешь ему дорогую вещь - он воздерживается: дорого. Если предлагаешь что-то подешевле, опять воздерживается, считая, что ему суют низкопробный товар. Нужно, чтоб прошло время, притом много времени, пока он поймет, что ваши часы не только дешевы, но и неплохие.

Я пытаюсь возразить, но человек за письменным столом меня останавливает:

- В общем, ваша выгода от предложенной сделки очевидна. А мы на что можем рассчитывать?

- На обычную прибыль.

- Обычную прибыль нам дают известные марки. Прибыль не так уж велика, зато никакого риска.

- Я бы мог несколько увеличить вам процент... - нерешительно вставляю я. - Но очень немного, потому что мои цены и без того, как говорится, на пределе.

Директор качает своей большой головой.

- Если речь пойдет о каких-нибудь пяти-шести процентах, то я не верю, что это изменит положение.

- На большее не рассчитывайте.

Он кивает.

- Ладно. Шлите нам предложение. Я доложу о нем главной дирекции. Но вы особенно не обольщайтесь...

На простом языке это означает: "вовсе не рассчитывайте". Но я и не надеялся на большее. Куда важнее то, что я вошел с ним в контакт в качестве представителя делового мира и что у меня есть повод заглянуть в "Зодиак" повторно, если возникнет необходимость. Весьма возможно, что в один прекрасный день мое предложение будет извлечено из архива, куда его, несомненно, отправят. В том и состоит положительная сторона пессимизма, что даже маленькие успехи доставляют тебе радость.

Когда я заканчиваю обед, меня приглашают к телефону.

- Здравствуйте, - слышится в трубке голос Эдит. - Простите, что беспокою вас в неурочное время, но это не моя вина - утром вас не было. Если ваше предложение все еще остается в силе, я с удовольствием принимаю его.

- Отлично. Когда вы можете приступить к работе?

- Хоть сейчас, если нужно.

- К чему такая спешка?.. Но, может, вы смогли бы заглянуть в магазин и снабдить себя портативной машинкой и другими нужными для работы мелочами. Счет пускай пришлют в отель на мое имя.

Она обещает сегодня же купить что надо. Затем мы договариваемся относительно работы на завтра. Разговор кончается добрыми пожеланиями.

Вот и секретарша у меня есть. Но, не довольствуясь этим, я сажусь за стол и строчу на листке бумаги объявление: "Владелец предприятия ищет личного секретаря. Английский, немецкий, стенография, машинопись. Телефон такой-то, с такого-то часа по такой-то". И отправляю его с рассыльным отеля в "Журналь де Женев" для однократной публикации.

Если Эдит полагала, что я беру ее к себе главным образом из-за ее фигуры и что наши служебные взаимоотношения будут сводиться к флирту, то уже на следующее утро она имеет возможность убедиться, что ошиблась. Я принимаю ее у себя в номере и после коротких приветствий предлагаю сесть за небольшой письменный стол, где уже разложены бланки и конверты, только что доставленные из типографии. Затем без лишних слов начинаю диктовать:

"Господин директор, настоящим письменно подтверждаю условия, изложенные в нашем разговоре относительно..."

Составление письма отнимает около получаса. Эдит пишет быстро и грамотно. Так что, если у меня возникали сомнения по части ее квалификации, я тоже имею возможность убедиться в ее достаточном профессионализме. Когда письмо подписано и аккуратно вложено в конверт, я заказываю кофе. И мы начинаем оформлять назначение. Женщина подает мне свою трудовую книжку, и я, как работодатель, в соответствующем месте ставлю подпись.

- В сущности, у "Фишер и К" вы работали только шесть месяцев, замечая я, бегло просмотрев книжку. - А до того где вы служили?

- Нигде. Изучала французскую литературу, а когда закончила, поняла, что французской литературой мне не прожить, и пришлось поступить на курсы секретарей-машинисток, так как родителей у меня нет, а мои близкие не выказывали желаний содержать меня дальше.

- Понимаю. У Фишера, как я вижу, вас сократили. И вы решили покинуть родной город?

Она кивает головой.

- Цюрих - город красивый, - продолжаю я. - Там тоже есть дивное озеро. И вообще виды изумительные.

- Да, но одними видами сыт не будешь.

- А разве у людей вашей специальности наблюдается кризис?

- И еще какой.

Она тянется к сумочке, но я угадываю ее намерение и услужливо предлагаю ей пачку "Кента". Женщина закуривает, пускает густую струю дыма и смотрит на меня, как бы ожидая, о чем я еще спрошу. Взгляд у нее спокойный, открытый, хотя несколько выдает ее напряженное состояние.

- Где вы испытывали свою судьбу, прежде чем идти в "Зодиак"?

- Нигде. Первое, о чем я узнала по приезде сюда, было вакантное место в "Зодиаке".

- Должно быть, от вашей приятельницы...

Она кивает, глазом не моргнув.

- Значит, вы здесь недавно?

- Дней десять.

Хотя разговор ведется в духе дружеской беседы, оттенок допроса в нем неизбежен. Имеет же право работодатель кое-что знать о своем служащем.

В это время раздается телефонный звонок. Знакомый голос телефонистки сообщает, что меня спрашивала какая-то женщина по моему объявлению в газете.

- Я действительно дал объявление, но место уже занято. Так что, будьте добры, говорите об этом всем, кто станет меня спрашивать.

На другом конце провода слышится отчаянный вздох: "Но ведь они будут теперь звонить целую неделю!"

- Не беспокойтесь. Я распоряжусь, чтоб объявление больше не помещали.

- Вы давали объявление насчет секретарши? - вскидывает брови Эдит, когда я кладу трубку.

- В сущности, я его дал три дня назад, только непонятно, почему они медлили с ним. Плохой из меня ясновидец, не подозревал, что встречу вас. Но почему вы так на меня смотрите?

- Просто так. До сих пор мне казалось, что мое назначение не что иное, как случайный каприз.

- Это заблуждение. По крайней мере что касается каприза. А случайность пошла мне на пользу. Вы просто чудесная. Как машинистка, я хочу сказать.

Она едва заметно улыбается, без тени теплоты.

- Надеюсь, и мне будет польза от этой случайности.

- Не надейтесь, а будьте уверены. Первое преимущество службы у меня состоит в том, что от работы вы преждевременно не состаритесь. Сейчас, к примеру, вы можете быть свободны. Оставьте только номер вашего телефона. Если вы будете мне нужны, я позвоню вам завтра до десяти утра.

Поняв, что ее рабочий день окончился, она встает, а я, не провожая ее, на прощанье лишь поднимаю руку. Не хватало еще провожать свою секретаршу.

Последующие дни проходят в разнородных занятиях: изредка наведываюсь в "Хронос" к этому сумасшедшему, моему директору; дважды захожу затем к нотариусу, чтобы окончательно оформить сделку; полдня просиживаю в библиотеке с целью самообразования; затем скитания по городу и размышления. Женева в целом красивый город, но есть у него своя особенность, которую с одинаковым успехом можно считать и преимуществом, и недостатком: и тут, как в Венеции, многовато воды, но, в отличие от итальянского города, здесь она собрана в одно место - Женевское озеро. Это вынуждает по десять раз в день переходить с одного берега на другой по бесконечно длинным мостам, которые наводят меня на мысль о пользе автомобильного транспорта. Весь вопрос в том, что сейчас у меня нет времени возиться с машиной. Хватит с меня забот о секретарше. Верно, пока что мои дела не требуют ее присутствия, и я стараюсь ее не беспокоить. А вот она меня беспокоит, притом основательно.

Помимо того, что ее роскошные формы вызвали у меня смущающие видения, мысли об Эдит не оставляют меня и по ряду других причин. Например, из-за ее манеры смотреть тебе в лицо и беззастенчиво лгать, глазом не моргнув. Сомнения насчет этой женщины возникли у меня в

первые же часы нашего знакомства и с тех пор все углубляются.

Кроме невинной, казалось бы, лжи по поводу своей встречи с "приятельницей" Эдит лихо лгала мне и в более важных случаях. Впрочем, это нетрудно объяснить, если принять во внимание определенную гипотезу о роли и характере моей секретарши. Но поскольку, как говорит мой шеф, в нашем деле надо не фантазировать, а опираться на глубокий анализ фактов, я сторонюсь гипотез, хотя это ничуть не мешает мне принимать их в расчет.

Второе, что я не выпускаю из виду, - это расписание поездов. Хотя в последнее время я весьма стремительно поднимался по иерархической лестнице, мне снова приходится заниматься черновой работой, состоящей в том, что я подолгу торчу на перронах и слежу за движением поездов. Правда, от полуденного зноя на сей раз я не страдаю, так как объект моего наблюдения - ночной поезд Венеция - Лозанна - Женева. Ночные дежурства имеют и другое преимущество - позволяют мне заполнить некоторые пробелы в моем эстетическом воспитании, главным образом по части киноискусства. Вечерние сеансы кончаются за полночь до прибытия поезда и служат удобной, не бросающейся в глаза формой времяпровождения. Так что в течение трех недель я успеваю посмотреть две дюжины шедевров, в том числе целую серию "шпионских". Впрочем, должен сознаться, что именно шпионские фильмы больше всего повергают меня в недоумение, потому что, хотя в глазах моего шефа я фантазер, фантазия должна во всем присутствовать в разумных пределах.

Просмотром двух дюжин шедевров мое кинообразование в основном завершается. Однажды вечером, после фильма "Опасная встреча", я почти сталкиваюсь на вокзале с Моранди. Со спесивым видом он бойко вышагивает все в той же своей смешной шляпе, сдвинутой на затылок. Этот человек, должно быть, очень плешив, раз никогда не снимает шляпу, а если не плешив, то неизбежно оплешивеет в скором времени, день и ночь таская ее на затылке.

Преследование длится три минуты. Моранди пересекает привокзальную площадь, сворачивает на Рю дез Альп и заходит в отель "Терминюс".

Стучусь, жду, как приличествует, приглашения "Войдите!" и резко распахиваю дверь. Я не ошибся, человек этот в самом деле плешив, дальше некуда.

Вначале Моранди глядит на меня с недоумением, полагая, что я попал не в тот номер. Но когда я закрываю дверь и даже поворачиваю ключ, недоумение сменяется страхом, смешанным с яростью.

- Кто вы такой, зачем запираете дверь? - непроизвольно спрашивает он на своем родном языке.

- Терпение, - отвечаю я по-французски, чтоб напомнить ему, что мы не в Италии. - И потише. Это в ваших интересах.

Положив ключ в карман и пододвинув телефон, чтоб был у меня под рукой, я располагаюсь в кресле.

- Но как вы смеете! - кричит человек, теперь уже по-французски.

- Тихо! - останавливаю я его. - Я буду краток. Речь пойдет о вашей работе. Имеется в виду разведывательная работа.

Моранди понимает, что здесь аффектация не поможет, и опускается на стул. Тонкие усики над полуоткрытым ртом оглуляют его. Некоторые суетные плешивцы, желая показать, что они не лишены такого природного дара, как волосатость, отращивают усы.

- Вы неоднократно совершали поездки в социалистические страны, где под видом торговых

операций устанавливали связи с местными агентами иностранной разведки. Во время последней поездки в Болгарию вами восстановлена связь с агентом по имени Ставрев, при этом вы снабдили его рацией и соответствующими инструкциями. Ваша шпионская деятельность в социалистических странах доказана, и я уполномочен сообщить вам об этом.

- Мерси, - с иронией говорит Моранди, видимо успокоенный таким развитием событий.

- Но эта одна сторона вопроса, а человек вроде вас обязан не выпускать из виду обе стороны: где он шпионит и кто послал шпионить.

Лицо усатенького напряглось.

- С целью выяснения кое-каких деталей соответствующей организацией в Венецию был направлен человек по имени Альбер Каре: он вошел в контакт с вашей приятельницей Анной Феррари и получил от нее исчерпывающие сведения, касающиеся ваших, с позволения сказать, коммерческих командировок...

- Это ложь! - кричит Моранди.

- Это подтверждает магнитофонная запись. Документированы и ваши разговоры с упомянутой Феррари. Разговоры, в ходе которых вы доверяли ей сведения секретного порядка, не предназначавшиеся для нее. В одном из таких разговоров, недели три назад, она вам сообщила, как познакомилась с Каре, а вы в свою очередь уведомили ее, что убийство вашего приятеля Артуро Конти было совершено не с целью ограбления, а за его болтливость.

- Приоткройте окно, - просит Моранди.

В комнате в самом деле душно. На лице усатого появились капельки пота.

- Открою, успеется! - отвечаю я, закуривая сигарету. - Продолжим. Вы прекрасно понимаете, если документация об упомянутых разговорах вместе со сведениями о провале вашей миссии в Болгарии попадет в руки тех, кто вам платил, вас постигнет участь Артуро Конти.

- Что вы от меня хотите? - спрашивает Моранди, вытирая носовым платком пот на голом темени.

- Чтобы вы рассказали все: сжато, конкретно и правдиво. С указанием имен и дат.

- Чтобы вы потом отправили меня ко всем чертям?

- Те, кого я в данный момент представляю, не имеют ни малейшего намерения отправлять вас ко всем чертям.

- Что может служить мне гарантией?

- Здравый рассудок. Ваше убийство явилось бы лишним осложнением. Вы раскрыты, следовательно, безопасны. А что касается вашей дальнейшей участи, то это уже ваше дело.

- Где гарантия, что и этот разговор не записывается?

- Такой гарантии нет.

- И что упомянутые записи будут мне возвращены?

- Таких обещаний я не давал. И потом, записи вам ни к чему. Мне ничего не стоит послать их вам, чтобы вы утешились, но, сами понимаете, вы получите копии.

- Вот именно. Тогда какую же выгоду я буду иметь? Любая сделка основывается на взаимной выгоде.

- В торговле. Но только не в вашей профессии.

- Это не моя профессия.

- Кто же вы? Любитель?

- И не любитель. Но когда мне, с одной стороны, суют деньги, а с другой - угрожают увольнением, я, за неимением иного выбора, хватаю деньги.

- Верно. Сейчас вы в таком же положении. С той разницей, что угрожают вам не увольнением, а пистолетом.

- Но поймите же, ради бога, что я вне игры. Я уже вне игры. Давным-давно никто никаких заданий мне не дает. Мало того, меня подозревают. Особенно после истории с Конти. Они меня оставили в покое. Оставьте же и вы. Я вне игры, понимаете?

Моранди разгоняет рукой табачный дым, от которого он задыхается, и снова вытирает пот.

- Видите ли, Моранди, в таком деле, раз уж человек в него включился, он никогда не может оказаться вне игры. Шпионил, шпионил и отошел в сторону - это невозможно. Не позволят. Совсем как в покере. Не участвуешь в игре только тогда, когда тебе досталось четыре туза. Но, играя в покер, ты хранишь некоторую надежду на выигрыш, тогда как здесь это исключено ты связан. И вот сейчас я предлагаю вам откупиться. В отношении ваших шефов я вам гарантий дать не могу. Сами выкручивайтесь. Что касается людей, которые меня послали к вам, то они оставят вас в покое. Раз и навсегда. При единственном условии: вы расскажете все.

- Но скажите, где гарантия, что завтра вы снова не припрете меня к стенке и не станете требовать еще каких-то сведений? Или не используете рассказанное мною мне во вред? - снова принимается он за свое.

- Я уже сказал: здравый рассудок. Новых сведений никто от вас требовать не станет, потому что вы больше никогда не будете располагать интересными сведениями. А выдавать вас не имеет смысла. Это может случиться лишь в одном-единственном случае: если проговоритесь вы. Будете хранить молчание вы, и мы будем молчать. Сболтнете - подпишете себе смертный приговор.

Я смотрю на часы: без пяти час.

- Ну говорите, время не ждет.

Моранди пыхтит и бросает на кровать мокрый платок.

- Странный вы человек! Другие хоть деньги предлагали...

- Будут и деньги, - успокаиваю я его. - В этом отношении мы без труда договоримся. А теперь начинайте: сжато и конкретно.

- Нельзя ли начать с вопросов?

- Вопросы - потом. Рассказывайте.

Рассказ не очень богат фактами, но длится он около часа. Всплывает ряд существенных моментов: становится известным имя того, кто давал задания, имена людей на местах;

проясняется характер заданий - всего их было шесть, выполнявшихся в различных странах социализма во время командировок.

Затем идут вопросы. Они касаются пробелов, даже самых ничтожных, в рассказе Моранди; с учетом смысловой связи ставятся новые вопросы, обрываются ответы, возникают вопросы, подсказанные услышанным.

- Откройте окно, ради бога! - умоляет Моранди упавшим голосом.

Лицо его залито потом, веки отяжелели. Куда девалась его спесь? Ни колебаний, ни страха - весь его вид говорит только о смертельной усталости.

Вопросы заканчиваются к половине пятого. В комнате покачиваются пласты табачного дыма - не продохнешь. У меня адски болит голова - совсем как в Венеции. Я подхожу к окну и распахиваю его. Моранди, откинувшись на спинку стула, какое-то время жадно вздыхает льющуюся в комнату прохладу, шеверя, как рыба, толстыми губами.

- А теперь по части финансов, - говорю я после небольшой паузы, когда окно снова закрыто. - Должен вам сказать, что дело, которым мы только что занимались, является для меня совершенно случайным. Гораздо более случайным, чем для вас. Я мирный гражданин и если дал согласие оказать кое-кому услугу, то лишь в силу того, что меня примерно так же зажали в тиски, как и вас. По профессии я фабрикант.

Моранди поднимает свои сонные глаза и смотрит на меня с некоторым удивлением.

- Фабрикант?

- Именно. Часы "Хронос". В настоящее время моя продукция не находит сбыта. Моя судьба целиком зависит от рынка. Предложил сделку "Зодиак", но мне ответили весьма уклончиво. А вы там работаете.

- Я в "Зодиаке" мелкая сошка.

- Но поддерживаете связи с теми, что покрупней.

- Чисто служебные. И вам не мешает знать, что "Зодиак" - тяжелая машина. Пока раскрутится...

- Мы могли бы предложить комиссионные лично директору.

Моранди скептически усмехается:

- Не настолько вы богаты. А мне что вы предлагаете?

- В зависимости от вашей услуги.

Он слегка морщит лоб и смотрит на меня задумчиво, как бы соображая что-то.

- Давайте мне пять тысяч, и ваша сделка обеспечена. С "Зодиаком", но без участия его людей.

- Пять тысяч франков?

- Пять тысяч долларов.

- Это выше моих возможностей. Но если согласитесь на три тысячи...

- Вы злоупотребляете тем, что я в ваших руках, - бормочет Моранди. Так и быть, четыре

тысячи.

- А где гарантия, что сделка состоится?

- Странный человек! - устало вздыхает усатый. - Вы мне жизнь не гарантируете, а хотите, чтобы я гарантировал вам сделку.

- Ладно, - уступаю я и достаю бумажник. - Кто он?

- Рудольф Бауэр, экспортно-импортная контора, Мюнхен. Сейчас я напишу вам письмо.

- Только не вздумайте писать, что и ему перепадет четыре тысячи.

Моранди снова страдальчески вздыхает, затем встает, вынимает из ящика стола бумагу, конверты со штампом отеля и принимается за письмо, исторгая время от времени мучительные вздохи. Неврастеник.

4

- Последний раз, помнится, у вас были каштановые волосы...

- Да, а теперь я брюнетка. Вам нравится?

- Наоборот. Так вы кажетесь экзотичней... и более зрелой.

Разговор ведется между мною и моей секретаршей, происходит он на вокзале, где мы только что встретились. В этот вечер Эдит, судя по всему, не в лучшем настроении, и замечание по поводу зрелости едва ли нравится ей.

- Да и вы не кажитесь юношей, - отвечает женщина, не считаясь с тем, что имеет дело со своим шефом.

Очевидно, она права. После того как ты провел бессонную ночь и целый день на ногах, не так-то просто казаться молодым, особенно в моем возрасте. Зато самочувствие у меня превосходное.

- Что ж, будем садиться. Для приятных бесед у нас времени хватит, в нашем распоряжении целая ночь.

И, желая умилостивить экзотическую брюнетку своей галантностью, я беру у нее чемоданчик.

Наши купе рядом. Притом сообщаются дверью. Это обстоятельство, вероятно, рождает в голове Эдит кое-какие предложения, но она молчит. Мы стоим в коридоре, возле окна, давая возможность проводнику приготовить постели. На перроне оживление - через три минуты поезд трогается.

- Вы бывали в Мюнхене?

- Никогда.

- Жалко.

Однако она не спрашивает почему и рассеянно глядит в окно.

- Вы не в настоении.

Эдит бросает на меня острый взгляд.

- Заметно?

- Не очень, но догадаться можно.

- Я редко бываю в настроении. Хорошее настроение у человека, как мне кажется, бывает не без причин.

- Так могут рассуждать только алкоголики, - возражаю я. - Женщине вашего возраста нужна причина лишь для того, чтобы быть не в настроении.

- Я могу быть не в настроении и без особых причин. С меня хватает постоянных. Впрочем, оставим это.

Помолчав, она снова бросает на меня взгляд и добавляет:

- Завидую людям вроде вас.

- Почему? Потому что я владелец "Хроноса" или...

- Потому что вы не унываете даже в тех случаях, когда дела ваши далеко не радуют вас.

- Мои дела идут отлично.

- Вы имеет в виду переговоры с фирмой "Зодиак"?

Ирония ясна и без шестого чувства.

- Да, и это, - спокойно отвечаю я.

Женщина смотрит на меня недоверчиво, но возражать не намерена.

- Дорогая Эдит, - миролюбиво говорю я. - Поскольку нам с вами вместе работать, мне хочется, чтобы вы уже сейчас уяснили для себя некоторые вещи: обычно чем выгоднее сделка для тебя, тем она менее выгодна для другого. Следовательно, тем больше усилий нужно потратить для того, чтобы эту сделку заключить. С фирмой "Зодиак" я могу начать работать с завтрашнего дня. Имеется в виду работа, рассчитанная на продолжительное время. Но такая поспешность чувствительно отразится на моих прибылях и отнюдь не в мою пользу. Поэтому я предпочел потерять еще несколько недель и получить больше денег. Я понимаю, что время тоже деньги, а вот время или деньги - это уже вопрос вкуса.

С перрона доносится приглушенный свист локомотива. Две девушки, стоящие под окном, машут руками, только не нам. Лично меня никто никогда не провожал. Поезд мягко трогается, и лента перрона уползает назад, чтобы уступить место цепочке товарных вагонов, семафорам и ночным призракам.

- Спасибо за урок, - благодарит Эдит. - Тем более что я вас о нем не просила. У меня не было намерения вмешиваться в ваши дела.

- Почему же? Это куда лучше, чем если бы вы заботились только о своем жалованье. Ваше участие послужит мне доказательством, что я могу на вас рассчитывать.

Она смотрит на меня испытующим взглядом, потом говорит:

- В таком случае наградите меня сигаретой.

Проводник закончил возиться с постелями в наших купе и ушел. Эдит курит и смотрит в окно, хотя за окном непроглядная темнота: ночь и массивы Альп закрывают все небо. Выкурив сигарету до половины, женщина бросает ее в пепельницу.

- У меня ужасно болит голова. Можно, я лягу?

- Разумеется. Покойной ночи.

Я тоже уйду в купе. Закрывая за собой дверь, слышу, как в двери, соединяющей купе, осторожно перемещается задвижка. Такое недоверие, да еще со стороны личного секретаря... Хотя я могу и не обидеться - сейчас у меня другие заботы.

Сняв пиджак, надеваю пижаму, закуриваю предпоследнюю в этот день сигарету и вытягиваюсь на постели. Меня занимают вопросы, которые преследовали меня весь день, пока длилась суэта, связанная со сборами в дорогу. Их два, и оба они жизненно важные. Первый: правдивы ли показания Моранди? Второй: станет ли Моранди молчать?

Ответ на второй вопрос с практической точки зрения для меня особенно важен; кажется, я сделал все необходимое, чтобы он был положительным. Заставить человека заговорить в иных случаях очень нелегко, но куда трудней заставить его продолжительное время хранить молчание. Хитрость не в том, чтобы, размахивая у человека перед носом пистолетом или пачкой банкнотов, вырвать у него какие-то сведения и чтобы на следующий же день поставили крест и на тебе, и на всей операции. Важно создать вокруг этого человека такую обстановку, чтобы он не мог делать ничего другого, кроме того, что ты пожелаешь, - в данный момент и в дальнейшем. Моранди будет молчать, потому что отныне его безопасность находится в прямой зависимости от моей. Он понимает, если уберут меня, решительно ничего не изменится, однако это явится прелюдией к тому, что уберут его самого. Ведь компрометирующий материал существует и будет пущен в ход.

Компрометирующий материал в данном случае был, разумеется, чистейшим блефом. У меня не было записи разговора между Моранди и Анной Феррари, теперь же я располагаю записью разговора куда более важного - между Моранди и мной. И запись эта уже находится в надежном месте, так что моя возможная смерть бременем с плеч Моранди не снимет, если не считать бременем его собственную голову.

Моранди должен осознать и другую истину: он больше не может рассчитывать на своих хозяев. Ничего хорошего ждать ему от них не приходится. Об этом красноречиво говорит не только убийство Конти, но и то, что за ним самим была установлена слежка, и если его пощадили, то не столько из особого доверия к нему, сколько из желания использовать его как приманку. Теперь шефы убедились, что приманка не сработала, и махнули на Моранди рукой. Но если кто-то снова проявит к нему интерес, как тут же исчезнет и этот кто-то, и сам Моранди, и пусть грубо, зато надежно следы будут замечены.

Следы, ведущие куда? Эта мысль снова возвращает меня к вопросу, самому важному для дальнейшего развития операции: правду ли рассказал Моранди или он преподнес мне некое рукоделие, связанное из полуправды и чистейшей лжи? Пока что у меня не было времени тщательно обдумать данные, полученные от него. Однако периодические раздумья и прежде всего прояснившиеся в ходе самого допроса факты дают основание полагать, что Моранди рассказал правду, и, вероятно, всю правду, какую знает. К сожалению, он знает лишь незначительную часть из того, что меня интересует. И все же впервые с момента моего вступления в игру, за два месяца выжидания, топтания на месте, неизбежного риска я добрался до чего-то существенного, до чего-то, что стоит за Моранди и позволяет проникнуть глубже в эту усложненную систему.

Мне известно, кто давал Моранди инструкции и материалы. Так же как Конти и усатый, человек этот работает в "Зодиак". Эта крупная, пользующаяся хорошей репутацией фирма слишком уж пронизана пользующимися не столь хорошей репутацией шпионскими системами, что подтверждает мою изначальную гипотезу: "Зодиак" плюс разведывательное управление, хотя я в свое время твердо решил избегать поспешных гипотез.

Так или иначе, налаживание деловых связей с фирмой "Зодиак" становится сейчас моей первоочередной задачей; Моранди - карта битая. Надо искать подходы к очередному трамплину.

Одним из неизвестных в задаче по-прежнему остается человек в зеркальных очках. Бледное продолговатое лицо, нагоняющее страх своим спокойствием, преследует меня, словно навязчивая идея. Моранди, по его словам, понятия не имеет, кто это может быть, хотя я дал ему подробнейшее описание. Вообще о Конти Моранди знает немного: шеф познакомил его с этим делом, явно шантажируя.

"Нашего Конти, - сказал шеф, - безнадежно испортили карты. Он все связывал с карточной игрой, даже самые серьезные вещи. О предложении фотографа он мне, конечно, сообщил, но всего лишь за час до решающей встречи. Он, как видно, струсил в последний момент и подумал укрепить свой тыл. Даже из этой информации пытался извлечь выгоду - просил вознаграждения. И, как ты знаешь, мы ему не отказали. Сработали мы, конечно, грубовато, обычно это делается чище, но виноват в этом опять-таки сам Конти. Согласно инструкции, он должен был привести фотографа к себе домой и там передать ему сведения. Они сами уничтожили бы друг друга и разделили бы между собой ответственность за двойное убийство. Но Конти оказался подлецом. Он, видимо, так повел разговор, что собеседник усомнился и сказал "до свидания". Благо, поблизости оказались наши люди. Вообще-то нам порой приходится менять план действия. Но только не решения. Потому, что отказ от решения означал бы отказ от принципа. А принцип установлен раз и навсегда, и тебе он хорошо известен: за честную работу деньги, за нечестную - пуля".

Для дальнейшего хода операции это уже не имеет значения. Но мысли человека нельзя втиснуть только в операцию, как бы ни велики были ее масштабы. Что-то неизбежно останется вне ее - какие-нибудь частности, утратившие всякое значение, воспоминания, картины, которые давно следовало бы выбросить из головы, вроде той, на мосту: скорчившееся возле парапета тело с раздавленными, подрагивающими ногами и с разбитой головой, скомканная белая панاما, пропитанная кровью.

"Довольно, пора спать!" - бормочу я, надеясь трезвым приказом прогнать видение, отвлекающее от реальности. Однако чем больше я устаю, тем труднее мне уснуть; чем больше меня одолевает усталость, тем упорнее продолжает работать моя голова, правда на холостом ходу, затуманенная смутными видениями прошлого, неприятными картинами настоящего и всякого рода предчувствиями.

"День был весьма напряженным, но прошел не без пользы", - подвожу я итог. Кроме беготни, связанной с оформлением визы, надо было отобрать образцы товара, подготовить ценники, пришлось позаботиться о собственном гардеробе - должен же я хоть немного походить на бизнесмена, черкнуть несколько строк на родину близким и еще раз навестить господина Георга Росса, хотя подобные визиты в принципе запрещены и допускаются лишь в исключительных случаях.

Случай оказался исключительным. Приобретенный в свое время миниатюрный магнитофон убедил меня, что он стоит больших денег. Вообще-то я не люблю иметь дело с такого рода техникой: носить микрофон вместо галстучной булавки, устраивать проводку под рубашкой, продырявливать карман, чтоб просунуть в него тонюсенький кабель, а потом шарить по карманам, как бы в поисках чего-то, включая и выключая аппарат. Но подчас без подобных ухищрений не обойтись. Крохотная катушка, сунутая в конверт и предназначенная для дорогого Мерсье, в состоянии сделать мою возможную безвременную кончину не столь пагубной для дела, а то и вовсе отложить эту кончину до более подходящего возраста.

- Извините, ради бога, что я снова беспокою, господин Росс. - Я понимаю, это не совсем по правилам.

- О, что вы, что вы, - улыбается хозяин. - Я человек старый. Мне бояться нечего.

"И тебе тоже, - говорю я себе. - Так что уймись и спи. И вообще следуй примеру своей секретарши". Удивительно, как эти видения другого порядка до сих пор не подчинили меня к себе и не заставили сломить хрупкую преграду, противоестественно отделяющую мужчину от женщины.

Напряженные размышления и попытка вызвать более приятные образы незаметно сменяются сновидениями, и я очень смутно слышу словно издали стук в дверь.

- Подъезжаем! - оповещает проводник.

Спустя четверть часа, гладко выбритый и благоухающий, я выхожу в коридор. У окна стоит Эдит - волосы ее цвета воронова крыла безупречно уложены - и рассеянно наблюдает, как пролетают мимо унылые серые здания, склады и пустыри, предвещающие скорое прибытие в Мюнхен.

- Как спалось? - спрашиваю я в соответствии с правилами хорошего тона.

- Прекрасно, мерси, - отвечает она.

Однако лицо, несмотря на свежий грим, говорит о другом. Оно усталое и бледное.

- Вы и тайны косметики успели постичь. До сих пор, если не ошибаюсь, вы не пользовались косметикой.

- Вы хотите мне запретить?

- Почему же? Только позвольте дать вам совет: не слишком злоупотребляйте зеленью и синевой под глазами. Художники считают, что эти краски больше годятся для пейзажа, чем для портрета.

- Вы и в искусстве разбираетесь?

- Да. Я читал книга "Ван Гог - художник солнца и безумства". Читал тоже вот так, в пути - кто-то забыл ее в купе. К сожалению, за всю дорогу я едва добрался до пятой страницы. Подобные книги весьма поучительны, только трудновато читаются.

Явно пропуская эти глупости мимо ушей, женщина продолжает смотреть в окно. Замедлив ход, поезд въезжает на станцию, о чем свидетельствуют вереницы вагонов.

- Ну, какие же планы на сегодня? - обращается ко мне Эдит, когда поезд подходит к перрону.

- Сейчас скажу. Первым делом надо найти отель.

- Я была бы вам очень признательна, если бы мы остановились где-нибудь поближе к вокзалу. Я и в самом деле неважно себя чувствую.

Отель, в котором мы остановились, вполне современный, приветливый и совсем близко от вокзала.

- Один номер? - спрашивает человек в окошке.

- Два, - торопится ответить Эдит.

- Два отдельных номера, - подтверждаю я. - Дама - мой секретарь.

Чуть позже, в лифте, она говорит мне:

- Вы никогда не упустите случая подчеркнуть, что вы мой шеф.

- Я это делаю лишь в тех случаях, когда хочу дать вам понять, чтобы вы не забежали вперед.

Мы разместились в соседних номерах. Выждав для приличия полчаса, я вежливо стучусь в дверь Эдит.

- Зайдите ко мне, если вы отдохнули. Нас ждет небольшая работа.

Работа состоит в том, что мы звоним Рудольфу Бауэру в экспортно-импортную контору. Эдит набирает соответствующий номер и от имени своего шефа церемонно обращается к секретарше на другом конце провода; та, соответственно, докладывает своему шефу, и в итоге этого ритуала я непосредственно связываюсь с нужным мне человеком.

- Доброе утро! Я обращаюсь к вам от имени вашего друга. Мне необходимо кое-что передать вам от него.

- Очень приятно, - отвечает энергичный молодой голос. - Когда вы могли бы зайти?

- Когда вам будет угодно.

- В двенадцать вас устроит?

- Отлично.

Эта оперативность и удачно закончившийся разговор вызывают у моей секретарши некоторое удивление. Чтобы это ее чувство не иссякло, я достаю из чемоданов тщательно упакованные образцы, деловые бумаги и кладу все это в элегантный кожаный портфель; смотрю на свои ручные часы - естественно, "Хронос" - и говорю:

- Время позволяет нам совершить прогулку по городу.

- Если это не в порядке служебной обязанности, я бы попросила отложить прогулку до следующего раза.

- Как вам угодно, - холодно бросаю я и, взяв портфель ухожу.

Мюнхен, быть может, чудесный город, но только не в летний зной. Поэтому, вместо того чтобы знакомиться с городом, я после некоторого колебания принимаю решение познакомиться с его пивом. Пиво отличное. Особенно в жару.

В двенадцать без одной минуты я предстаю перед секретаршей Бауэра, а минутой позже - перед сами Бауэром. Пусть знает, не только немцам свойственна точность, но и другим народностям, таким, скажем, как швейцарцы.

Как ни молодо звучит его голос, Бауэр далеко не молод, во всяком случае ему не меньше пятидесяти. Но в лице его и в стройной фигуре есть что-то, что ассоциируется с военными парадами, студенческими поединками и казарменным плацем. Прочитав за полминуты письмо Моранди, он приступает к делу:

- В чем состоит ваше предложение?

Говорит он твердо и чеканно, так же как ходит.

Сжато, в общих чертах излагаю свое предложение, совсем как я это делал перед директором "Зодиака". Для большей убедительности выкладываю на стол образцы вместе с подробнейшими описаниями.

Внимательно выслушав меня, Бауэр бросает беглый взгляд на образцы и кивает головой.

- Думаю, я смогу кое-что сделать для вас. Что именно и как, об этом вы узнаете не раньше чем через два дня. Вы сколько пробудете здесь?

- Сколько потребуется.

- Отлично. В таком случае давайте договоримся...

Он перелистывает настольный календарь и назначает день и час следующей встречи, затем подает мне твердую, как дерево, руку и провожает меня до двери.

Преимущество пессимиста не только в том, что он предвидит самое плохое. Ведь когда самое плохое не случается, это для него сюрприз, доставляющий ему удовольствие. Только пессимисту свойственно радоваться, когда ожидания обманывают его.

Именно такой сюрприз преподносит мне Бауэр при нашей второй встрече. Конечно, не сразу, а после довольно томительных маневров.

- Часы у вас качественные, - без лишних слов говорит представитель местной экспортно-импортной конторы. - Но у них есть слабое место: их трудно продавать.

Подобные замечания мне уже знакомы по встрече в "Зодиак", и я спешу возразить. Бауэр терпеливо выслушивает меня, потом продолжает:

- Мы не поняли друг друга. Трудно продавать не в силу недоверия покупателей, а из-за противодействия продавцов. Вашему товару повсеместно объявлен бойкот, и вам бы не мешало об этом знать.

- О, бойкот! - Я пренебрежительно машу рукой. - Эти интриги некоторых швейцарских фирм. Никто не властен распространять бойкот на весь мировой рынок.

- Вы слишком самоуверенны, - качает головой Бауэр. Потом, как бы между прочим, спрашивает: - Вы, должно быть, не так давно владеете фирмой "Хронос"?

- Совершенно верно.

- А до этого чем занимались?

- Все тем же. Только не как производитель, а как коммерсант.

- У вас был свой магазин?

- Да.

- Где?

- В Лозанне.

- Торговля, видимо, шла неплохо, раз вам удалось накопить на целое предприятие.

- Деньги накопил мой отец. Мои сделки тут ни при чем. Отец был человек старомодный и остерегался рискованных операций. Большую часть средств он хранил в наличных деньгах, а в оборот пускал лишь незначительные суммы, чтобы хватило на повседневные нужды.

- Вы, значит, нарушили это золотое правило?

- Если правило не приносит золото, значит, оно не золотое. Приходится делать крупные

ставки, иначе какой смысл играть.

- А вам не кажется, что вы слишком рискуете? - спрашивает Бауэр и настороженно смотрит мне в лицо.

Я выдерживаю его взгляд спокойно, без вызова.

- Риск учтен, - говорю в ответ. - На худой конец, продам все и внакладе не останусь; напротив...

- Если найдется покупатель... - возражает Бауэр. - И если конкуренты не прибегнут к более жестким мерам. Существуют и жестокие меры, господин Роллан!

- Никакие меры меня не пугают, - отвечаю я. - Риск с трезвым расчетом все равно риск, но кто нынче не рискует?

Бауэр опять пристально смотрит на меня, потом спрашивает:

- А что вас заставило обратиться именно к фирме "Зодиак"? Часы не ее профиль.

- У "Зодиака" нет определенного профиля. Зато это солидная фирма. Чтобы парировать бойкот, мне нужна солидная фирма.

- Солидных фирм много.

- Но такие, как "Зодиак", можно перечесать по пальцам. "Зодиак" заключает множество сделок по ту сторону "железного занавеса". А это такой рынок, где бойкоты не помеха.

- А вы сами не можете наладить связи там, за "железным занавесом"?

Вопрос подброшен как бы между прочим.

- Каким образом?

- Не знаю. Я просто спрашиваю.

Он продолжает все так же "просто" задавать вопросы еще часа два. Надо признать, допрос он ведет умело, хотя и не слишком гибко. При этом заботится, чтоб у меня не пересохло во рту: секретарша приносит бутылку шотландского виски и дважды пополняет запасы льда и содовой.

- Надеюсь, я вас не слишком утомил, - говорит он наконец, глядя на часы.

- Нет, но вы меня озадачили, - отвечаю я, добродушко улыбаясь.

Хозяин тоже улыбается, хотя и не столь добродушно.

- Вы сами понимаете, прежде чем о чем-то договариваться, надо знать, с кем имеешь дело. А моя фирма, господин Роллан, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, не отказывается от намерения с вами поработать.

Вот он, приятный сюрприз.

- Нам, конечно, трудно прорвать блокаду, созданную вокруг вашей продукции. Но у нас есть кое-какие рынки сбыта в Африке, и мы склонны для начала заключить сделку на десять тысяч пар часов, чтобы посмотреть, как пойдет дело.

Если исходить из чисто корыстных интересов, тирада эта звучит довольно приятно, однако

меня волнует другое. Поэтому я с трудом удерживаюсь, чтоб не спросить: "А "Зодиак"?"

- Что касается "Зодиака", то здесь все обстоит сложнее. Как вы могли слышать от Моранди, я в какой-то мере связан с руководством фирмы, однако я не всемогущ. Впрочем, вам придется подождать еще несколько дней, пока станет известно, что покажет мой зондаж. Надеюсь, вы сможете подождать.

"Подождать? Так ведь я же мастер этого дела!" - можно бы сказать в ответ, но я говорю:

- Разумеется. Оставьте вам мой телефон?

- Будьте так добры. В следующий раз оформим документацию.

Я делаю вид, что эта проволочка не очень мне по вкусу, однако молчу, как того требует приличие. Вскоре мы расстаемся.

Узнав о том, что нам придется задержаться в Мюнхене еще на несколько дней, Эдит не пытается скрыть огорчения. До сих пор она не покидала своей комнаты, если не считать того, что спускалась в ресторан поесть, - все ссылаясь на простуду, на головную боль, на усталость и прочее. Мне она пока совершенно не нужна, и я предоставляю ей возможность оставаться наедине со своей хандрой. Сам же сосредоточиваю все свое внимание на достопримечательностях Мюнхена, и прежде всего на той из них, которая пребывает во втором агрегатном состоянии, то есть в жидком, и покрыта обильной ценой.

В ожидании проходит целая неделя. Наконец в одно прекрасное утро звонит секретарша Бауэра и приглашает на долгожданную встречу.

- Весьма сожалею, что отнял у вас столько времени, - вместо приветствия говорит Бауэр. - Но, надеюсь, не напрасно. Насколько мне известно, ваша сделка с "Зодиак" состоится. Наш маленький контракт также готов.

Он передает мне экземпляры контракта, и я, как приличествует трезвому, недоверчивому дельцу, внимательно перечитываю его. Все в порядке.

Бауэр берет у меня документ, но, вместо того чтобы приступить к церемонии подписания, кладет на листы бумаги свою деревянную руку, и его неподвижный взгляд задерживается на моем лице.

- Тут есть одна деталь...

"Только бы не та, из-за которой все рухнет", - мелькает у меня в голове.

- Контракт, равно как и сделка с "Зодиак", могут быть реализованы, принести вам солидные прибыли и могут оказаться лишь прекрасной иллюзией. Все зависит от вас.

- А именно?

- Как вы понимаете, обе сделки сулят выгоду главным образом вам, а не фирме. Эта услуга, которую мы вам оказываем. Вы же, разумный человек, не можете не знать, что существует правило: услуга за услугу.

- Конкретно?

- Моей фирме вы не можете быть особенно полезным. Однако в силу ряда обстоятельств, кроме своей фирмы, я представляю еще один институт. И вот этому институту вы бы могли оказать услугу. Вероятно, вы догадываетесь: речь идет о разведке.

Он умолкает, не отрывая пристального взгляда от моего лица.

Удивление, которое я изображаю на своем лице, не слишком сильное, но и не слабое. Оно именно такое, каким должно быть удивление несведущего и не такого уж дотошного человека.

- Да, как будто понимаю, - говорю я, выдержав взгляд Бауэра. Только, вы ведь знаете, у меня совсем другая специальность, и мне не совсем ясно, чем бы я мог быть полезен вашему... институту.

- Вам станет ясно, когда мы договоримся о главном. А что касается специальности, то об этом тревожиться не стоит. Разведчики не какая-то особая каста. Ими могут быть и коммерсанты вроде вас, и врачи, и адвокаты, и ученые - словом, обыкновенные граждане.

- Послушайте, господин Бауэр, - обращаюсь я к нему, ерзая на стуле. А нельзя ли, чтоб услуга, о которой вы говорите, была несколько проще: ну, скажем, комиссионные или какой-то процент в вашу пользу, и вообще, вы понимаете, мне не хочется впутываться во что-то такое, что не связано с моей работой, да еще в такой момент, когда мои собственные дела не так уж блестящи.

- Ваши дела могут быть блестящи лишь в том случае, если вы займетесь другими. Притом должен вас предупредить, никаких особых подвигов требовать от вас не станут, и вообще, вы ничем не рискуете, разве только тем, что можете набить себе карман...

- Благодарю, - бросаю в ответ. - Только я не ребенок и понимаю, что никто не станет набивать тебе карман за какие-то пустяки.

- Речь идет не о пустяках, но о вещах, которые ни в коей мере не нарушат вашего спокойствия и ничем вам не грозят, - уточняет Бауэр. Сделки, прибыли - все это дело весьма приятное, но не забывайте, если верх возьмет коммунизм, ничего не останется не только от наших прибылей, но и от нас самих. У людей свободной Европы есть гражданский долг, господин Роллан!

Наш торг продолжается еще какое-то время, при этом Бауэр живописует мне то туго набитый деньгами карман, то коммунистическую опасность, пока я в конце концов не капитулирую, и не столько оттого, что напуган призраком коммунизма, сколько от страха перед лицом финансовой катастрофы.

- Так и быть, - уступаю я. - Выкладывайте, что вы от меня хотите.

- Вы это узнаете самым подробным образом. Но первое, что вы должны сделать, - это продать "Хронос".

- Как?! - восклицаю я на этот раз без притворства. - Продать мою жемчужину техники?

- Именно, - спокойно кивает Бауэр. - Продать свою жемчужину. Незамедлительно и без колебаний.

И вот мы снова в поезде - я и моя секретарша. Если в Мюнхене ей на глазах с каждым днем становилось все хуже, то сейчас я с удивлением замечаю, что лицо женщины посвежело, хотя к румянам она на этот раз не прибегала. Я не говорю о каком-то опьяняющем воодушевлении. Эдит едва ли способна на это - просто у нее исчезли признаки мигрени и меланхолии. И это так сказывается на ней, что она даже не против погостить в моем купе и выкурить сигарету.

Эдит садится у окна и закидывает ногу на ногу, отчего ее бедра обрисовываются под юбкой в обтяжку предельно выразительно.

- Все еще не могу понять, зачем вам понадобилось до последнего момента скрывать от меня, что из Мюнхена мы едем не в Женеву, а в Амстердам.

- Но причина, заставившая нас ехать в Амстердам, появилась в последний момент, - с ходу возражаю.

Не люблю прибегать к мелкой лжи, но подчас в этом находишь единственный способ избежать долгих и бесполезных пререканий.

- И вы храните эту причину в тайне?

- Отнюдь. Имеются в виду переговоры с главной дирекцией фирмы "Зодиак". Вообще имеется в виду именно то, в чем вы так глубоко сомневались.

Она смотрит на меня испытующе, но не отвечает на мои слова.

- В Мюнхене вас изводила мучительная боль! - сочувственно, хотя и без всякой связи, говорю я.

- Вы не можете себе представить, как это было ужасно! - подтвердила она.

- Другой бы на вашем месте, пожалуй, отдал бы концы. Неделю не выходить из комнаты - да от одного этого не то что голова разболится, до самоубийства дойти можно.

При этих словах я протягиваю руку и закрываю дверь.

- Оставьте ваши пресные шутки, и не надо запира́ть дверь, - бросает Эдит, не теряя, однако, самообладания.

- Ужасный сквозняк. Головная боль может вернуться так же просто, как исчезла. И потом, нам надо поговорить.

Карие глаза Эдит не в состоянии скрыть тревогу.

- О чем?

- О многом. Можно, к примеру, начать с того пустяка: кого вы боялись в Мюнхене?

- Боялась?

Она звонко смеется, даже слишком звонко, как смеется женщина в надежде уйти от ответа на неудобный вопрос.

- Ладно, в таком случае начнем с другого конца: чем вас привлекает "Зодиак"?

Она обрывает смех и смотрит на меня холодно, почти с неприязнью.

- А третий вопрос будет?

- Будет и третий, и четвертый, и пятый. Не считая того, что вам придется дать объяснение по поводу лжи, которую вы мне столько раз преподносили.

- Что именно вы имеете в виду?

- Многое. Должен вам заметить, что ваша ложь ни разу не достигла цели. Возможно, я не специалист в живописи, но и не такой уж профан, кроме того, я не из тех сладострастных патронов, выбирающих себе секретаршу по принципу, у кого пышные формы...

Она молчит и по-прежнему смотрит на меня с неприязнью.

- Я отнесся к вам вполне доброжелательно; когда вы нуждались в работе, предложил вам место при сказочно высокой зарплате, если учесть степень вашей занятости по службе, а вы отвечаете мне ложью и неискренностью.

- Никак не могу понять, о чем вы толкуете, - говорит женщина, как бы только что пробудившись ото сна. - Я делала все, что вы мне поручали. Что касается остального, то я не подряжалась раскрывать перед вами душу, хотя мне непонятно, какая воображаемая ложь до такой степени вас расстроила.

- Видите ли, Эдит, в вашем распоряжении целая ночь, но у меня нет ни малейшего желания тратить ее на то, чтоб упражняться в красноречии. Раз вы и сейчас уклоняетесь от прямого ответа на прямой вопрос, закончим на этом наш разговор. Завтра я выплачиваю вам все, что предусмотрено соглашением, и вы свободны.

Неустойка сулит ей кругленькую сумму, так что мои слова должны были прозвучать не как угроза, а скорее как приятное обещание. Однако Эдит волнуется совсем другое.

- И все-таки в чем, собственно, вы меня обвиняете? Когда я вам лгала? Что я от вас скрывала?

- Я вам уже задал два вопроса.

- Ну хорошо. Я отвечу. С Мюнхеном вы действительно не ошиблись. В этом городе живет человек, с которым мне не хотелось встречаться. Ни с ним, ни с его близкими. Человек, который в свое время обошелся со мной некрасиво, а потом вдруг вздумал меня преследовать. Но это сугубо личная история, и мне непонятно, почему я должна была делиться с вами этим. А вот насчет "Зодиака" вы не правы. Никакого особого интереса к этой фирме я не проявляла; единственное, на что я рассчитывала, - это устроиться там на постоянную работу и время от времени иметь возможность поехать куда-нибудь за счет фирмы - вот и все.

Подобным же образом Эдит могла ответить и на все прочие вопросы. Поэтому, памятуя о правиле "берегите наше время", я вынужден взять инициативу в свои руки.

Я закуриваю и закрываю на мгновение глаза, чтобы собраться с мыслями и дать женщине возможность преодолеть страх, затем говорю:

- Вы закончили изучать французскую литературу четыре года назад. Установить этот факт было нетрудно. Из четырех лет год прошел на курсах машинописи и полгода - у "Фишера и К". Остальные два с половиной года как в воду канули; трудно представить себе, чтоб вы провели их в безделье, принимая во внимание вашу энергичную натуру и ваши слова о том, что у вас не было близких людей, готовых содержать вас.

Она пытается что-то возразить, но я останавливаю ее:

- Погодите, это только начало. Второй момент: оставшись без работы и будучи не в состоянии найти подходящее место, вы покидаете Цюрих. Но самый беглый просмотр местной периодики, в особенности тех колонок, где даются мелкие объявления, убеждает нас в том, что в Цюрихе в это время ежедневно искали по пять-шесть секретарей и машинисток. Третье: вы приезжаете в Женеву, чтобы попытаться счастья, и первое, что вы узнаете от одной своей приятельницы, - новость относительно вакантного места в "Зодиаке". А ведь, в сущности, там вакантное место появилось лишь за два дня до нашей с вами встречи, что так же легко установить по объявлениям в газете. Вы же приехали за десять дней до этого и просидели все эти десять дней сложа руки, хотя упомянутые колонки ежедневно пестрели

объявлениями о вакантных местах на других предприятиях.

Эдит молча глядит перед собой, словно то, что я говорю, ее не касается. Я же все время гляжу на нее, по опыту зная, что взгляд оказывает свое действие даже в тех случаях, если на тебя не смотрят в упор.

- А о вашей лжи относительно воображаемой приятельницы вообще говорить не приходится; впрочем, может, вы так называли мужчину, с которым встречались в Женеве.

- Это вас тоже злит?

- Перестаньте ловчить. Это меня не злит в том смысле, какой вы хотите вложить, но приводит к определенным выводам. Однако давайте вернемся к "Зодиак". Вы имели несчастье упустить столь желанное место. Но вам чертовски повезло - в тот же самый момент вам было предложено другое, к тому же равноценное. Вместо того чтоб радоваться такой удаче, вы проявляете необъяснимое колебание, тянете с ответом до следующего дня...

- Жизнь меня приучила не доверяться каждому встречному...

- Минуточку! И даже вопреки договоренности вы звоните лишь под вечер...

- Я уже объяснила вам, что искала вас с утра...

- И говорили неправду. Потому что с утра меня не было в отеле лишь то время, пока я ездил в "Зодиак", а вы слышали об этой встрече еще накануне, и было бы глупо искать меня, когда вам заведомо известно, что я отсутствую.

Она молчит. Я протягиваю руку над ее плечом. Разумеется, не для того, чтобы ее обнять, а чтобы выбросить в окно окурк.

- Потребовалось больше суток, чтобы ваша необъяснимая нерешительность сменилась столь же необъяснимым энтузиазмом, с которым вы выражали свое согласие...

- Может, и мне понадобилось навести кое-какие справки, как это делали вы.

- Спору нет. Но вам понадобились справки не только для того, чтоб убедиться, что я действительно владелец "Хроноса", и узнать, что это за предприятие, - для вас было важно установить, какие у меня связи с "Зодиаком". Вопросы, которые вы мне задаете время от времени, тоже говорят об этом. Иными словами, ваша настоящая работа интересна для вас постольку, поскольку вы это связываете с фирмой "Зодиак".

Чтоб предоставить женщине возможность ответить, я неторопливо затягиваюсь сигаретой, однако она предпочитает молчать, глядя перед собой. Мне не следует спешить. Может быть, Эдит обдумывает свою очередную ложь и, как только обдумает, любезно предложит ее моему вниманию.

- В ваших обвинениях кроме изрядной дозы мнительности есть некоторые верные моменты, - признает она наконец. - Разгадка всех моих поступков интерес к "Зодиак", и вы это поняли. В сущности, не столько к самой фирме, сколько к человеку, работающему там. Но это чисто личная история.

- Послушайте, Эдит. Вы уже тонете в личных историях. Одна в Мюнхене, другая в "Зодиаке"... Только я не намерен тонуть в вашей лжи. Ваши поступки говорят о том, что в данном случае ни о какой личной истории речи быть не может. Ваши поступки продиктованы вам другими лицами, и всякий раз, прежде чем приступить к действию, вы дожидаетесь инструкций. Когда я предложил вам место, ваше колебание длилось ровно столько времени, сколько вам потребовалось для получения нужных указаний. Ваша встреча с "приятельницей" была

вызвана той же необходимостью. Я не могу заставить вас доверять мне больше, чем вы считаете нужным, но я также не желаю, чтоб вы досаждали мне своей глупой ложью. Вы уже слышали мое решение: завтра получите расчет, и мы с вами распрощаемся.

- Но я не хочу с вами расставаться... вы мне нужны... - протестует вполголоса Эдит, обернувшись в мою сторону.

- И вы мне нужны... - бормочу я.

В тот момент, когда женщина обернулась ко мне, ее лицо оказалось в одной пяди от моего. Я чувствую ее взволнованное дыхание, вижу вздымающуюся грудь - на мой взгляд, ей нет нужды прибегать к такому средству, грудь у нее и без того впечатляющая.

- Я охотно рассказала бы вам все, но не смею... - шепчет она, ловя меня за руку.

- Почему? Вы косноязычием не страдаете.

- Потому, что здесь тайна... как вы сами догадались... эта тайна не только моя... она вообще не моя...

- Ладно. Не стану вас неволить. Однако согласитесь, я не могу быть связан с человеком, у которого есть тайные намерения в той области, которая меня кормит.

В неясном для меня порыве Эдит жмет мне руку и говорит с мольбой в голосе:

- Обещайте хотя бы, что вы никому не расскажете... Обещайте, что будете молчать.

- В этом отношении можете быть спокойны. Лишь бы, разумеется, ваши интересы не противоречили моим.

- Морис... - взволнованно говорит женщина, неожиданно называя меня по имени. - Я шпионка...

- Ах, шпионка... - Я тоже перехожу на шепот... - Только этого мне не доставало.

Не выпуская моей руки, она с тревогой заглядывает мне в глаза, словно ужасаясь собственного признания.

- И какой же разведке ты служишь?

- Никакой... Служу "Фишер и К"...

- Но что же это за шпионаж?

- Экономический.

- Есть и такой?

- В некоторых областях "Зодиак" очень ущемляет интересы "Фишер и К". Кроме того, "Зодиак" разрабатывает кое-какие проекты, рассчитанные на поглощение отдельных предприятий и создание чего-то вроде монополии. "Фишер и К" хочет быть в курсе этих проектов, вообще хочет знать все, что происходит в "Зодиаке".

Она излагает это голосом автомата и с лицом самоубийцы.

- Я никому не должна была об этом говорить, никому, понимаешь?

"Это все равно что ты никому не говорила. Одна моя приятельница так и называла меня:

господин Никто", - мелькает у меня в голове.

- Ясно. Успокойся. Я не из болтливых. К тому же твоя секретная миссия меня не затрагивает. При одном-единственном условии: что ты не натворишь глупостей и тем самым не испортишь мне.

Мы незаметно перешли на "ты", да иначе и быть не могло, раз уж завязался такой интимный разговор, полный шпионских признаний.

- Я не стану ничего делать без твоего ведома, - обещает Эдит, только с твоего согласия. Хорошо?

- Хорошо. - Но чтоб было еще лучше, мне следует довести процесс успокоения до конца. Это побуждает меня чуть подвинуться вправо и обнять Эдит за талию.

- О Морис, если бы ты знал, как я тебя ненавидела всего несколько минут назад!

Я не спешу со взаимным признанием, к тому же от близости этой роскошной женщины у меня дух захватывает. Да и дальнейшие разговоры излишни. Эдит в моих руках в прямом и переносном смысле слова.

5

Похоже, должности в "Зодиаке" раздаются в зависимости от живого веса. Если в Женеве директор толст, то главный коммерческий директор в Амстердаме в дверь не проходит. У этого исполина с остатками рыжих волос на голове добродушное багровое лицо и огромное брюхо - не иначе как от обильного потребления пива. Его фамилию - ее я узнал еще от Бауэра выплюнуть не так-то просто: Ван Вермескеркен.

Великан лениво опустился в кресло за дубовым письменным столом. Казалось, этого человека только что вынули из раскаленной печи - того и гляди, где-нибудь на темени вспыхнет пламя.

- Очень интересно, - рокошет Ван Вермескеркен, когда я заканчиваю свой рассказ. - Очень интересно.

Он созерцает меня какое-то время и вполне благодушно добавляет:

- Только ваш вариант для нас совершенно неприемлем.

Исполин нажимает кнопку и отдает распоряжение появившейся секретарше:

- Принесите, пожалуйста, что-нибудь попить.

"Раз найдется что попить, значит, еще не все потеряно", - решаю я и достаю из кармана сигареты.

- Прошу вас! - спохватывается Ван Вермескеркен и, пыхтя, протягивает мне внушительную коробку с сигарами.

Я беру сигару, и, пока освобождаю ее от упаковки и откусываю щипцами конец, секретарша приносит и ставит на край столика бутылки. Как и следовало ожидать, это пиво. Исполин ленивым жестом приглашает меня к столику, и мы устраиваемся в массивных, но удобных креслах. Ван Вермескеркен привычными движениями откупоривает две бутылки "Тюборг" и наполняет кружки. Выпив свою кружку до дна, причмокивает и со вздохом откидывается на спинку кресла.

- Интересно, но неприемлемо, - резюмирует он уже сказанное. - Вы спросите: почему? Потому, дорогой мой, что, согласившись на ваше предложение, мы тем самым порываем с некоторыми солидными швейцарскими фирмами, с которыми работаем уже длительное время. Не знаю, чем вы навлекли на себя такую беду, но ваше предприятие бойкотируется.

- Этих бойкотов хватает не больше чем на три дня. Достаточно, чтоб такая фирма, как "Зодиак", заключила с нами сделку, и всякому бойкоту конец.

- Ваше мнение о "Зодиаке" мне приятно, - рокочет директор. - Боюсь, что вы переоцениваете наши возможности. И в то же время недооцениваете своего противника.

Исполин выговаривает французские слова с английским акцентом, что для голландца не так уж плохо. Он умолкает, поглядывает на еще не откупоренные бутылки и с видимым усилием удерживает себя. "И поменьше жидкости", наверно, говорил ему домашний врач во время последнего визита. Однако Ван Вермескеркен такой красный, что лично я предписал бы ему побольше жидкости, если он не хочет, чтобы в один прекрасный момент его голова воспламенилась.

- Когда я давал вашему Бауэру положительный ответ, то имел в виду другой вариант, - возвращается к прерванной теме директор. - Мы готовы купить. Только не отдельные партии товара, а все предприятие целиком.

- Вы мне предлагаете продать "Хронос"? - изумленно спрашиваю я, чуть не вскочив на ноги.

- Именно, - невозмутимо кивает рыжий великан. - И полагаем, что наше предложение вас очень обрадует!

- Обрадует? Меня? Вы меня толкаете на самоубийство и еще хотите, чтоб я этому радовался.

- Спокойно, спокойно, - поднимает руку директор. - Ничего ужасного в нашем предложении нет...

Поднятая рука повисает в воздухе, потом как бы ненароком опускается на одну из бутылок. Вскоре крышечка мягко падает на ковер. Ну конечно, если во всех случаях следовать советам врачей...

- Мы предлагаем вам не самоубийство, а спасение, - поясняет исполин после того, как осушил и вторую кружку одним духом. - Самоубийство вы сами себе уготовили. У нас есть сведения, что бойкот окончится вашим банкротством...

И он излагает все те аргументы, которые мне хорошо известны, поскольку не так давно с их помощью я сам ставил в тупик несчастного основателя "Хроноса". Очевидно, люди "Зодиака" уже навели справки, потому что директор располагает довольно полными сведениями относительно моего предприятия.

- У вас один-единственный выход: продать. И редкая возможность: продать не какому-нибудь вымогателю, а весьма почтенным, я бы даже сказал щедрым, покупателям, вроде нас.

Все это время я нахожусь в естественном для подобных случаев подавленном состоянии духа, забыв даже выпить налитую исполином вторую кружку пива, хотя, между нами будь сказано, право утолять жажду дано не одному Вермескеркену. Наконец устрашающие аргументы директора исчерпались, и я, желая растрогать собеседника, говорю, что "Хронос" для меня не просто источник прибылей, что это моя первая и, может быть, последняя любовь, что часы для меня что родовой герб, они у меня в крови и так далее, походя вставляя в свою дущещипательную исповедь куски, позаимствованные из тирад Клода

Ришара.

- Чудесно, - произносит директор, когда я замолкаю. - Если эта сделка состоится, мы откроем у себя отдел по производству и сбыту часов и нам потребуется начальник отдела.

- А мой директор? А секретарша? А все те люди, которые так заботливо подбирались, чтобы создать живой работоспособный организм?..

- Но послушайте, - рокошет Вермескеркен. - Вовсе не в наших интересах разрушать этот организм. Напротив, мы его расширим, чтобы получилось мощное конкурентно-способное предприятие. Ваши люди не ощутят никаких перемен. Так же как и вы... разве только с ваших плеч свалятся бесчисленные заботы. - Для большей убедительности его рука делает решительный жест и хватает последнюю бутылку.

Я продолжаю какое-то время метаться в буре глубоких душевных переживаний. Потом как бы между прочим справляюсь о цене. На этот вопрос исполин отвечает вопросом:

- Сколько вы дали бывшему владельцу?

- Я вам скажу, хотя это тайна, касающаяся только меня и Ришара.

И называю точную цифру.

Люди "Зодиака" и без того уже докопались до этой цифры, в чем я тут же убеждаюсь по довольному виду исполина.

- Чудесно, - кивает он. - Следовательно, такую цену вам полагалось бы дать, чтоб вы не оказались внакладе. - Но... - Я вспыхиваю от возмущения.

Директор снова поднимает свою пухлую руку.

- Погодите! Я сказал: полагалось бы дать, но это не означает, что так и будет. Вам удалось купить "Хронос" очень дешево, а мы проявим к вам большую уступчивость, чем проявили вы по отношению к прежнему владельцу. Вы получите пять процентов сверх общей суммы сделки.

- Скажите десять, - говорю, - чтоб было над чем подумать.

Ван Вермескеркен тихо смеется, издавая при этом булькающие звуки, совсем как при полоскании горла.

- Не предавайтесь мечтаниям, господин Роллан. Мы с вами деловые люди. Пять процентов - это окончательное условие. И позвольте вам заметить, вполне приемлемое, если принять во внимание, в какой сумме это выразится.

Я, конечно, настаиваю на своих десяти процентах, потом снижаюсь до восьми, однако добродушная акула не собирается уступать.

- Пять процентов, - повторяет он до тех пор, пока не приходит время прощаться. - И не особенно тяните с ответом. Мы редко решаемся на подобные сделки, но, если уж решились, медлить не любим.

На улице идет дождь. В этом городе часто идет дождь и уж обязательно, если ты забыл взять зонт. Главная дирекция "Зодиака" находится на тихой улице, недалеко от центра. В сущности, это не улица, а набережная - с одной ее стороны мерно текут воды глубокого канала, чья темная поверхность изрешечена сейчас каплями дождя. Вообще, мне везет - нигде не испытываю недостатка в воде. Сперва Венеция, потом Женева, теперь Амстердам.

Кутаюсь в плащ и шагаю по набережной, занятый своими мыслями. Пять, восемь ли процентов - это меня меньше всего волнует. Прибыли - вещь неплохая, но я не состою на службе во Внешторге и очутился тут не в погоне за прибылями. Меня беспокоит то, чему, казалось бы, следовало радоваться: операция разворачивается чересчур стремительно, сделка может состояться тотчас же, стоит только дать согласие. Конечно, "Зодиак" не прочь присвоить такое предприятие, как "Хронос". Однако то, что директор изъявил готовность взять меня в придачу, вызывает у меня недоумение. Если бы подобное предложение исходило от какой-нибудь заурядной фирмы, преследующей лишь коммерческие интересы, это выглядело бы вполне естественно, но в данном случае, когда фирма представляет собой закамуфлированный шпионский центр, такая готовность трудно объяснима. Получается, что моя гипотеза "Зодиак" плюс разведывательное управление слишком поспешная. Быть может, в "Зодиаке" служит кто-нибудь из сотрудников этого управления?

Так или иначе, придется доделывать то, что уже начал. Другого пути нет.

Эдит я застаю на том самом месте в кафе на Рембрандт-плейн, где я ее оставил. На столе чашка из-под кофе и несколько иллюстрированных журналов, уже освоенных, если судить по скучающему виду женщины.

Она смотрит на меня испытующе, стараясь понять, с чем я пришел, но, ничего не разгадав, нетерпеливо спрашивает:

- Все хорошо?

- Это с какой стороны посмотреть, - уклончиво отвечаю я. - Для меня не совсем хорошо, а вот тебе, видимо, есть чему радоваться.

Она так и дрожит от нетерпения.

- Сведения твоих шефов подтверждаются, - сообщаю я наконец, закуривая сигарету. - "Зодиак" и в самом деле намерен поглотить некоторые предприятия. И первым в списке, вероятно, окажется "Хронос".

Через два дня - срок не слишком велик, но и не так уж мал - меня снова ввели к рыжему исполину, чтобы я мог известить его, что принял условия.

- Отлично, - кивает головой довольный директор. - Я так и предполагал. Вы с самого начала произвели на меня впечатление разумного человека. Формальности будут выполнены без проволочек. А тем временем вас не мешало бы представить нашему председателю, господину Эвансу. Я уже говорил ему о вас.

Секретарша Вермескеркена ведет меня по пустынному коридору со множеством дверей, затем мы попадаем в маленькую приемную, где она передает меня в руки другой секретарши, охраняющей вход в святилище самого председателя. Она предлагает мне сесть и услужливо подносит утренние газеты. Я успеваю не только просмотреть прессу, но и рассмотреть эту хорошенькую женщину с приветливым лицом. Звонит телефон, и секретарша после нескольких односложных слов в трубку указывает мне на двери святилища.

Стоило мне окинуть беглым взглядом кабинет, как в моей голове родилось подозрение, что, пока я ждал за дверью, председатель тоже читал газеты. Они в беспорядке лежали на его письменном столе. Господин Эванс счел нужным встать с кресла и, встречая меня, снисходительно протянуть мне отяжелевшую длинную руку.

Председателя солидных фирм, как английские короли, - царствуют, но не управляют. Поэтому я ожидал увидеть музейную развалину, некоего отпрыска знатной семьи, который вместо богатства унаследовал только имя, обеспечивающее ему почетную должность и

хорошее жалование. Но встречающий меня человек, хотя ему уже за пятьдесят, в расцвете сил. Худой и очень высокий, он слегка сутулится, что характерно для высоких людей передвигаясь, они словно боятся стукнуться обо что-то головой.

- По-французски я говорю скверно, - отвечает он на мое приветствие. Хотя все понимаю.

- Почти то же я могу сказать о своем английском.

Так что мы объяснимся на двух языках. Это, оказывается, не столь уж трудно, потому что разговора, в сущности, нет. Если не считать коротких реплик, время уходит на длинные монологи. Мой - о том, какие возможности открываются перед проектируемым новым отделом, если иметь в виду бесценные качества часов "Хронос". И его - о характере предприятия "Зодиак", о маленьких колесиках секторов, образующих большую машину, о преимуществах этой машины, на которую почти не влияют эпизодические кризисы отдельных секторов, и так далее, и так далее. У меня создается впечатление, что он повторяет истины, заготовленные специально для таких случаев, но я на большее не претендую, потому что мой собственный монолог тоже не блещет оригинальностью.

Эванс говорит монотонно, не проявляя особого интереса к тому, как я на это реагирую, лишней раз подчеркивая, что исполняет скучный и неизбежный ритуал. Его красивое, мужественное лицо говорит о сильном, волевом характере и напоминает физиономию знаменитого голливудского актера, который благодаря этой своей физиономии стал миллионером. Только у актера взгляд был полон сердечности, а под наплывом возвышенных чувств становился даже нежным. А серые холодные глаза Эванса смотрят на тебя отсутствующим взглядом, как у человека, думающего совсем о другом, и кажется, будто за этими глазами вовсе нет человека.

Я наблюдаю за своим собеседником без видимого любопытства, так же как без видимого любопытства рассматриваю комнату. Огромный кабинет скорее похож на морской музей. Передо мной макеты старинных кораблей, хранящиеся под стеклянными колпаками, мореходные карты, рулевое колесо парохода, компасы и барометры, морские раковины всевозможных видов и размеров. В глубине комнаты две двери. Одна чуть приоткрыта, ровно настолько, чтоб было видно, что, кроме умывальника, ничего другого за нею нет. Сверкающие чистотой окна глядят на высокие деревья набережной.

- Нет ли у вас каких-либо пожеланий? - закончив свой монолог, спрашивает Эванс, немного помолчав.

Это означает: "Не пора ли тебе уходить?", но я решаю воспользоваться случаем.

- Мне бы хотелось сохранить свою секретаршу.

- Она настолько красива? - поднимает брови Эванс.

Вот и все, к чему он проявил интерес, его единственная шутка, если эта банальность может сойти за шутку.

- Дело вкуса. Но она отличный работник, я к ней привык и...

- Хорошо, хорошо, - соглашается Эванс. - Обратитесь от моего имени к Уорнеру, пускай он уладит вопрос о ее назначении. Впрочем, вам следует зайти к Уорнеру и по поводу своего назначения.

И он встает с явным намерением дать мне понять, что на приеме у председателя не принято засиживаться.

Мною перебрасываются, как футбольным мячом, - Ван Вермескеркен Эвансу, Эванс -

Уорнеру. "Зайдите к Уорнеру" - звучит невинно и просто, вроде "закурите сигарету". Однако на деле все выглядит совсем иначе.

Адам Уорнер, администратор, ведающий персоналом, - человек моего возраста и, вероятно, не более доверчивый, чем я. Равноценного противника всегда быстро узнаешь, потому что без труда улавливаешь нечто общее, существующее и в мыслях, и в поступках. На Уорнере безупречный, но не броский серый костюм. И лицо у него серое, невыразительное, лишенное каких-либо отличительных черт. То же можно сказать и о глазах, этих окошках души, если бы не их необыкновенная подвижность и глубоко затаенная подозрительность.

Он предлагает мне сесть возле письменного стола и, не глядя, вытаскивает из ящика какие-то формуляры. Комната у него маленькая, я бы даже сказал убогая, в сравнении с шикарными кабинетами коммерческого директора и председателя.

- По-французски я говорю довольно скверно, - предупреждает меня Уорнер.

- В таком случае наберитесь терпения слушать плохой английский...

- Это отнюдь не затронет моих национальных чувств, - отвечает шеф. Я американец.

Американцы, заметим попутно, воображают, что, испортив английский, сделали из него новый язык.

- Вы из Лозанны, не так ли?

Я киваю.

- Швейцарец по происхождению?

Снова киваю.

- Впрочем... - тут он делает вид, что заглядывает в лежащие перед ним документы, - мать у вас, кажется, болгарка.

- Армянка, - поправляю я его.

- Но родом из Болгарии?

- Да. Из Пловдива. В сущности, она покинула эту страну еще в молодости.

- Понимаю. И больше туда не возвращалась?

- Единственный раз, насколько мне известно.

- А вы когда бывали в Болгарии?

- Специально туда я не ездил. Побывал однажды, проездом в Турцию.

- Когда именно?

И завертелась карусель. Карусель из вопросов и ответов, вопросов на вопросы, отклонений то в одну сторону, то в другую, случайные реплики как бы для красного словца, и снова неожиданные повороты - совсем так же, как если бы я был на месте Уорнера, а Уорнер на моем. Потому что это форменный допрос, настойчивый и обстоятельный, и человек за столом особенно не старается придать ему вид дружеской беседы. Это проверка, имеющая для меня решающее значение, проверка легенды, всех ее швов и стежков, проверка, которая не только держит меня в напряжении, но и пробуждает во мне скрытую радость от того, что наши люди все обмозговали, каждый из вопросов, которым Уорнер рассчитывает прижать

меня к стенке, предусмотрен заранее, и когда я слышу эти вопросы, то мне чудится, что я слышу голос полковника там, далеко, за тысячи километров отсюда, в генеральском кабинете, и в эти минуты мне особенно приятно, что на свете есть педанты вроде него, которые не успокоятся до тех пор, пока не проверят все до последних мелочей.

Сходство между мною и Уорнером, которое, как мне кажется, я уловил в самом начале, облегчает в какой-то мере мое положение. Своей тактикой он не в состоянии застать меня врасплох, и самые неожиданные и самые провокационные его вопросы я слышу именно тогда, когда я уверен, что они последуют. Но от этого мое положение не перестает быть критическим. Опыт и проницательность человека, сидящего за письменным столом, служат гарантией тому, что ни один каверзный вопрос мне даром не пройдет. В такие минуты я благословляю свою готовность вести разговор по-английски. Недостаточное владение языком всегда может служить оправданием того, что ты медлишь, замолкаешь, останавливаешься на середине фразы, подыскивая нужное тебе слово.

Это игра. А в игре существует риск. Мои ответы при всей их неуязвимости могут звучать так, что сидящий напротив человек придет к мысли: "У тебя приятель, непоколебимая легенда, однако это все-таки легенда. Так что убирайся-ка ты со своим враньем подальше". И потому игра должна вестись в двух планах - убедительность фактов и убедительность психологии. Иными словами, ни на мгновение не вылезать из шкуры изображаемого искреннего человека, каким ты не являешься, но каким должен казаться. В одних случаях тебе следует остерегаться излишней медлительности, в других - чрезмерной торопливости. На одни вопросы следует отвечать тотчас же, другие обязывают тебя поразмыслить, хотя ответ заранее заготовлен. Все должно быть естественно, спонтанно; каждому ответу должен соответствовать свой жест, взгляд, выражение лица. Как на сцене и в то же время не совсем так. Потому что едва ли хоть один артист играл в пьесе, где любой неуместный или фальшивый жест стоил бы ему жизни.

- Ваш интерес к моему прошлому начинает меня беспокоить, - вставляю я с улыбкой на лице.
- Невольно начинаешь думать, уж не подложил ли мне свинью кто-нибудь из моих конкурентов...

- О, не беспокойтесь, - в свою очередь усмехается Уорнер. - Мы не дети, чтобы слушать всякий вздор. И вообще то, что я вас расспрашиваю, в порядке вещей. Мы все тут, в "Зодиаке", одна большая семья. Дорожим своими людьми, заботимся о них, а потому нам представляется, что мы обязаны знать о них решительно все.

Он бросает на меня свой короткий взгляд, безучастный, но смущающий своей неожиданностью, и спрашивает:

- Когда вы закрыли в Лозанне магазин?

- В мае прошлого года. Сразу после смерти отца.

- Почему?

- Видите ли, это довольно сложный вопрос. Отец мой в сделках был очень робок и принимался за что-нибудь, лишь бы не сидеть без дела; предприятие влачило жалкое существование. Я просто не видел смысла держать его...

- Но ведь кончина вашего отца явилась как раз счастливой возможностью - извините за такие слова - оживить дело.

- Сомневаюсь. У меня, во всяком случае, не было такого убеждения. Магазины, знаете, они как люди. Если уж испорчена репутация, трудно что-нибудь изменить. Наша фирма в течение десятилетий считалась мелким заурядным предприятием, товар предлагала

посредственный...

- Может быть, вы правы, - уступает Уорнер. - Итак, вы опустили железные шторы в мае прошлого года?

- Да.

- А вошли во владение "Хроносом" в июле этого года?

Подтверждаю кивком, напряженно ожидая, что последует за этим.

- А что вы сделали в промежутке между этими двумя событиями?

Это вопрос, которого я жду давно. Магазины, они как люди, добавим, и как легенды. Самая разработанная легенда не может быть совершенной. Как бы легенда ни была хороша, у нее найдутся слабые места.

- Путешествовал.

- Где именно?

Бывают вопросы, на которые можно запросто ответить чем-нибудь вроде "не помню". Увы, этот не из таких.

- Почти все время провел в Индии: Бомбей, Хайдарабад, Мадрас, Калькутта...

- В Индии? Зачем так далеко?

- Именно затем, что далеко. Мой отец был не только посредственным торговцем, он отличался тираническими наклонностями. Не считался ни с моими взглядами на торговлю, ни с личными желаниями. Сколько я ни говорил ему, что мне хочется поехать по свету - а я всегда мечтал о путешествиях, - он отделялся одной и той же фразой: "Товары ездят. Людям лучше сидеть на месте".

На минуту замолкаю, будто слышу голос покойного родителя. Потом снисходительно добавляю:

- Что вы хотите - человек старого пошиба. Горе горем, но, как только я остался один, я почувствовал себя школьником, отпущенным на каникулы.

- И отправились в Индию... Понимаю. Вы даже упомянули тут некоторые города. А не могли бы несколько подробнее осветить свою поездку: гостиницы и прочее...

И я начинаю детально описывать места и достопримечательности, которых никогда в жизни не видел и знаю разве что по снимкам.

Адам Уорнер слушает меня внимательно, но пометок никаких не делает, хотя ручка у него в руке и формуляры лежат перед ним. Вероятно, все фиксирует магнитофон...

Проходит час, и директор решает наконец представить мне отдых. Я говорю "отдых", потому что данные будут проверены и последует новая серия вопросов. Тут все предельно просто: предварительный зондаж, затем обстоятельный допрос, потом прощупывание наиболее уязвимых мест, дополнительные расспросы - пока тебя совсем не выпотрошат или не оставят в покое.

- Надеюсь, я вас не слишком утомил.

Говорить такие вещи после трехчасового допроса по меньшей мере бессовестно, однако я

лишь устало усмехаюсь.

- Не слишком, но основательно.

- Что касается вашей секретарши, то вопрос будет улажен немедленно. Пришлите ее ко мне.

Несколько позже я сижу с Эдит в одном из уютных ресторанов на Дамраке. Уорнер до такой степени выжал из меня жизненные соки, что пришлось выпить три кружки пива, чтобы восстановить нормальное орошение организма.

- Ты еще долго намерен наливаться? - любопытствует Эдит.

- Кончаю. И уже готов сообщить тебе первую новость: тебя зачисляют в штат "Зодиака".

- Ты чудесный!..

- Второе тоже заслуживает твоего внимания: ты остаешься моим личным секретарем. Так что веди себя поучливей.

- Я буду твоей рабыней.

- Пока не вижу в этом необходимости. Куда важнее не делать чего-нибудь очертя голову. Короче, ничем не заниматься, кроме исполнения прямых служебных обязанностей. У меня такое чувство, что у этих людей болезненная мнительность и солидный запас магнитофонов.

- Ты меня пугаешь.

- У меня нет подобного желания. Просто хочу напомнить тебе о первом и единственном условии нашего с тобой уговора.

Я замолкаю - подошел кельнер и раскладывает по тарелкам еду. Бифштекс с жареным картофелем и зеленым салатом. Скромное, но обильное блюдо в рабочий день. В интересах внутреннего орошения заказываю еще две бутылки пива и, отослав официанта, заканчиваю мысль:

- Потому что для тебя, дорогая Эдит, служба в "Зодиаке", быть может, всего лишь эпизод, а для меня - мое будущее...

- Ладно, - останавливает она меня, принимаясь за сочный бифштекс. Можешь приберечь свои тирады. Заранее знаю, что ты хочешь сказать.

- Сомневаюсь. Я хочу сказать, что по поводу твоего назначения тебе придется зайти к господину Адаму Уорнеру, директору-администратору фирмы.

- Зайду.

- Имей в виду, хотя его зовут Адамом, вопросы, которые он задает, совсем не те, какие можно было бы услышать от нашего прародителя.

Она перестает есть и смотрит на меня.

- Я бы даже сказал, что и задает он их необычайно ловко. А любопытен сверх всякой меры. Если ты подашь ему свою легенду в таком виде, в каком поначалу подала мне, то я тебе не завидую.

- Спасибо, что предупредил. Но я приготовилась.

- А если речь пойдет о твоем устройстве в "Зодиаке"? Уорнер не пройдет мимо факта, что

после неудачной попытки поступить в их женевский филиал ты пожаловала в главную дирекцию в качестве моего секретаря.

- Он не может знать о моей первой попытке. Я ни документов не оставляла, ни заявления не подавала.

- Но ты назвала себя.

- И не называла. Когда я пришла впервые, претендентов набралось много, а помощник директора принимал наспех, лишь бы окинуть взглядом каждую из нас. Этот тип - известный бабник.

- Странно, как это он тебя не взял.

- Увы, Морис, не всем присущ твой здоровый плебейский вкус. В сущности, вопрос уже был почти решен в мою пользу, но после меня к нему вошла претендентка; увидев ее, я сразу почувствовала, что она меня вытеснит.

- Должно быть, она была настоящей богиней.

- Ничего подобного. Длинноногое тощее существо с огромными искусственными ресницами и толстыми бесцветными губами, какими славится сословие манекенщиц.

- Дело вкуса, - говорю я. - А "Фишер и К"?

- Что "Фишер и К"?

- Если "Фишер и К" проявляет к "Зодиак" особый интерес, Уорнер не может не знать об этом. И как только ты сообщишь, где работала...

- Понимаю, - останавливает она меня.

Словно собравшись с мыслями, говорит нерешительно, глядя мне в лицо:

- Морис, мне не хотелось доверять тебе свою последнюю тайну, но я это сделаю, раз это необходимо, и тебе я верю. "Фишер и К" - промежуточное звено. Проектами "Зодиака" интересуется совсем другая фирма.

К столу приближается кельнер с живительной влагой, и Эдит принимается за свой бифштекс.

Эдит возвращается в отель лишь вечером, вид у нее измученный. Она раскрывает рот, желая что-то сказать, но я опережаю ее:

- Пойдем ужинать? Я умираю от голода...

Понимая, что я имею в виду, она только кивает головой и уходит в ванную.

- Ты думаешь, нас подслушивают? - спрашивает женщина, когда мы выходим на Кальверстрат.

- Я в этом уверен. Могу даже сказать, кто именно этим занимается.

- Тот старик, что третьего дня поселился в соседней комнате, догадывается Эдит.

- Точно. У тебя довольно зоркий глаз.

- Да по его виду нетрудно догадаться, что он филер. Но, Морис, подслушивать в отеле, тебе не кажется, что это уж слишком?

- Какое это имеет значение?

- Как "какое значение"? Мы в торговую фирму поступаем или в центр атомных исследований?

- Не знаю, - говорю я задумчиво, делая вид, что именно это меня беспокоит. - Во всяком случае, голландцы известны на весь мир своей шпиономанией. И потом, эти торговые фирмы, даже самые порядочные, подчас торгуют не совсем порядочным товаром, например оружием.

- Наверное, так и есть. Иначе объяснить нельзя.

- А как тебя принимал Уорнер?

- Ужасно! - вздыхает она. - Единственное, о чем он забыл спросить, это о номере моего бюстгальтера.

- Ну и?..

- Думаю, что справилась, - скромно отвечает женщина.

- Об этом ты узнаешь при втором допросе.

Она бросает на меня испуганный взгляд.

- Ты хочешь сказать?..

Мой второй допрос состоялся десятью днями позже и прошел значительно легче первого. Вообще у меня создалось впечатление, что проверка пошла мне на пользу. Как ни странно, документы о продаже, до сих пор неизвестно почему лежавшие без движения, после моего повторного визита к Уорнеру сразу были переданы на подпись и сделка оформлена одновременно с моим назначением.

Таким образом, я теперь член большого семейства, имя которому "Зодиак", и пользуюсь отдельным уютным кабинетом - светлым и благоухающим чистотой. Подведомственный мне персонал хотя и не столь многочисленный, но не плохой. Он состоит из мадемуазель Эдит Рихтер, которая устроилась напротив меня за небольшим столом и, закидывая ногу на ногу, не упускает случая продемонстрировать несравненные качества своих чулок.

Когда мой блуждающий взгляд падает куда не следует, я бросаю как бы невзначай:

- Не отвлекай меня от работы.

- А что я должна делать, если у меня такая короткая и узкая юбка? Не могу же я все время сидеть, как школьница в классе?

- Купи себе другую, пошире и подлинней! - возражаю я. - Хочешь, подарю тебе шотландскую, плиссированную, в синюю и зеленую клетку? Такие сейчас модны.

- Не люблю плиссированных юбок. Они меня полнят.

- Тогда я куплю тебе рабочий халат. Непременно куплю халат, если ты не прекратишь эти свои фокусы.

И в свободные минуты наши разговоры носят примерно такой же характер, поскольку нам стало ясно, что ни в отеле, ни здесь о серьезных вещах говорить не приходится. Хотя мы поступили на работу недавно, свободных минут у нас немного. Ежедневно приходится писать по несколько писем в адрес возможных клиентов, поэтому предложения излагаются подробно и формулируются всякий раз применительно к случаю. Для популяризации всякой новой

продукции необходимо подумать, что может сделать реклама. Предприятие расширяется, надо поднимать его производительность, и я часто связываюсь по телефону с Клодом Ришаром, чтобы обратить его внимание на то или иное важное обстоятельство.

К моему счастью, вернее, к счастью "Зодиака", Ришар со свойственным ему стремлением к усовершенствованиям уже в самом начале предусмотрел возможность подобной перестройки, поэтому расширение можно было осуществить легко, хотя и не без затрат. Кстати сказать, новость о переходе "Хроноса" к "Зодиаку" вызвала у Ришара порыв активности. Только теперь мне стало ясно, что во мне он видел могильщика его детища, хотя и не говорил мне об этом. Неожиданный поворот в судьбе его фирмы вселил в негу веру: торжествовать победу над акулами, пусть даже без особой выгоды для себя, будет он. В своей одержимости бедняга даже не дает себе отчета в том, что именно теперь он целиком и полностью покорился этим самым акулам.

Мое появление в большом семействе "Зодиака" ничуть не похоже на семейный праздник. Кабинет мой почти изолирован в конце коридора, противоположном тому, которые ведет к святости председателю. Ко мне никто не заходит, да и сам я лишен поводов ходить к кому бы то ни было, поскольку для служебных справок существует телефон. Люди, которым меня представили как начальника нового отдела, встречаясь со мной в коридоре, ограничиваются репликами холодной любезности. Вообще говоря, стиль "Зодиака", судя по всему, стиль деловой замкнутости: всяк знай свое дело. Холодность в обращении так же характерна для этого учреждения, как легкий запах паркетина, пропитавший комнаты. Верно, некоторые чиновники ходят в обеденное время в кафе на углу, чтоб там поболтать за чашкой кофе или кружкой пива, но болтают они о пустяках, а внимание их ко мне ограничивается вежливыми кивками. Я в свою очередь не кидаюсь на поиски знакомств, а усваиваю стиль предприятия, "здравствуйте" и "до свидания". Рудольф Бауэр, человек неглупый, предупредил меня при нашем последнем разговоре:

- Главное: никакой горячки и предельная осторожность. Это весьма неподатливая и труднопроницаемая среда, иначе не было бы нужды посылать вас туда. Пусть люди к вам привыкнут, почувствуют вас своим человеком. А до тех пор смотрите и слушайте, но чтобы это не бросалось в глаза.

- И все же я должен располагать хоть какими-то данными. Надо же знать, на чем сосредоточить особое внимание...

- Данные? Мы ими тоже не располагаем, если не считать того, о чем я с вами говорил: подозрительно тесные связи с Востоком, подозрительно сильное стремление расширить их, хотя особых выгод это и не сулит. Впрочем, никаких дополнительных данных вам и не потребуется. Поймите, мы вас посылаем не для того, чтобы вы предпринимали какие-то действия, по крайней мере в настоящий момент, а просто ради того, чтобы иметь там свои глаза и уши.

Потом он объяснил мне, как установить связь в случае необходимости. Способ не особенно оригинальный, зато учтены меры крайней предосторожности. И вообще весь наш разговор можно было назвать уроком о мерах предосторожности, и у меня не было намерения забывать этот урок, тем более что он каким-то странным образом совпал с единственным указанием, полученным мною от нашего Центра.

В главной дирекции "Зодиака" работает несколько десятков служащих, и должен же найтись среди этих людей хоть один общительный человек. Я, чтобы его обнаружить, никаких специальных усилий не прилагаю, будучи уверен, что, если такой человек действительно существует, он сам отыщет ко мне дорогу. Так и случилось. Этим общительным человеком оказался руководитель отдела рекламы Конрад Райман.

Эдит до того быстро вошла в курс дела, что уже нет надобности диктовать ей письма. Достаточно сказать, о чем речь, и она сама составит их, притом значительно лучше меня.

Последнее письмо, отстуканное на машинке под мою диктовку, было адресовано, если мне память не изменяет, одной экспортно-импортной фирме в Болгарии. В нем в иносказательной форме я наложил все, что требовалось, или по крайней мере самое главное. Остальное - по установлении постоянной связи или в случае необходимости. Так как теперь я лишь подписываю корреспонденцию, у меня появилась возможность заняться вопросами рекламы. Одним из своих проектов я делюсь с Вермескеркеном.

- Нечего вам ломать голову над этим, - говорит он в ответ. Посоветуйтесь с Райманом, он настоящий магистр по части рекламы.

С магистром по части рекламы мы уже познакомились, и все же всякий раз, заходя к нему, я не упускаю случая сказать, что пришел по поручению коммерческого директора, - пусть не воображает, что мне так дорого его общество. Человек средних лет, с виду довольно тщедушный, бледное конопатое лицо, очки в золотой оправе, Райман своим обликом напоминает рассеянного профессора или чудака. Меня он встречает весьма любезно, терпеливо выслушивает мои проекты, затем отмечает, что идеи мои интересны, однако дело, мол, это очень сложное, над ним еще придется как следует подумать, и что он, Райман, возможно, тоже предложит кое-какие идеи и вообще заглянет ко мне при первом удобном случае. Все это звучит для меня примерно так: "Ты, милый мой, ни черта в этом деле не смыслишь, но я достаточно хорошо воспитан, чтоб тебе это прямо сказать". Мне ничего не стоит на любезность ответить любезностью, потому что фальшь в отношениях между людьми не бог весть какое искусство.

Признаться, я приятно удивлен, когда на следующий день Райман приглашает меня на дружеский разговор, притом не к себе в кабинет, а в один из ресторанов на Рембрандт-плейн. Он обстоятельно обсуждает меню, советуясь то с услужливо склонившимся официантом в голубом смокинге, то со мной. Я рассеянно разглядываю пустую площадь с мокрыми от дождя тротуарами, темную, взъерошенную порывами ветра листву деревьев и блестящий от влаги памятник. Прославленный Рембрандт чем-то напоминает мне парижского бакалейщика, у которого я одно время покупал продукты.

За обедом Райман, как подобает благовоспитанному человеку, ведет разговор только на общие темы, интересуется, удобная ли у меня квартира, не испытываю ли я чувства одиночества и прочее. Лишь после коронных блюд их названий я уже не помню - и после того, как нам подали кофе, конопатый подходит к вопросу, ради которого мы встретились.

- Я много думал над проектами, которые вы мне вчера изложили. Их одухотворяет достойное симпатии стремление прославить ваши часы. Это вдвойне мило, если принять во внимание, что часы эти уже не ваши в прямом смысле слова. И все же... вы позволите быть искренним?..

Тут мой собеседник замолкает и с минуту выжидающе смотрит на меня поверх очков, так что я вынужден кивнуть; мол, разумеется, почему бы и нет, будьте искренни, насколько вам угодно.

- Ваш план мне кажется трудноосуществимым, преждевременным и, что особенно важно, малополезным.

Райман снова смотрит на меня поверх очков, желая прочесть на моем лице выражение протеста или разочарования. Но поскольку ничего подобного прочесть ему не удастся, он продолжает:

- Быть может, моя прямота покажется вам грубостью. Однако прямота это мой стиль, и, хотя

она доставляет мне массу неприятностей, я не собираюсь с нею расставаться. Вообще мне представляется гораздо воспитаннее говорить правду в глаза, нежели беззастенчиво лгать собеседнику только ради того, чтобы создать о себе впечатление как о воспитанном человеке.

- Совершенно верно, - киваю в третий раз, потому что взгляд конопатого в третий раз перепрыгивает через золотую оправу очков. - Тем более что я вообще не вижу причин уклоняться от прямого разговора, поскольку вопрос этот не затрагивает ни моего кармана, ни вашего.

- Вот именно. Главный порок вашего проекта состоит в несколько устаревшей концепции рекламы. В наши дни дело идет к тому, дорогой господин Роллан, что рекламу скоро уничтожит реклама. Чтобы вобрать все поступающие объявления, газеты начали выходить на восьми, на шестнадцати, а потом и на тридцати двух страницах. Однако на прочтение газеты в тридцать две страницы люди тратят столько же времени, сколько тратили, когда газета выходила на восьми страницах. По мере увеличения количества полос возрастает объем непрочитанного материала. Поэтому перед вашими глазами все чаще мелькают страницы, на которых красуется одна-единственная фраза, набранная крупным шрифтом: "ОПТИМА - прогресс столетия", или что-нибудь в этом роде. Такова ныне ситуация. И согласитесь, при подобной ситуации ваши длинные рассуждения о преимуществах изделий фирмы "Хронос", несмотря на железную аргументацию, останутся набором ничего не значащих слов.

- Но позвольте! Если реклама не читается, то лишь потому, что уже заведомо имеет вид рекламы. А моя информация может быть воспринята как сообщение о технической новинке.

- Ни одна редакция не согласится помещать это как некое сообщение. Подобная информация всегда носит обозначение "реклама".

- В таком случае можно подумать над тем, как синтезировать все самое существенное в четырех-пяти фразах, - уступаю я.

- В одной фразе! - поправляет меня Райман.

- Но, простите, одной фразой ничего не скажешь. Ваши рекламы, состоящие из одной фразы, - пустые слова. "Чтобы не испытывать разочарований, возьмите ТРИУМФ" или "О МИНЕРВЕ говорить нечего, она сама о себе говорит!" Эти перлы до такой степени бессодержательны, что, если бы не рисунок, никто бы даже не догадался, о чем идет речь - о холодильнике или одеколоне.

Мой монолог Райман слушает с легкой усмешкой. Потом замечает:

- Мне очень приятно, что вы познакомились с нашей скромной рекламной продукцией, хотя оценка ваша не в меру строга. Как вы могли понять, в нашем разговоре сталкиваются два враждующих взгляда на рекламу, таких же старых, как сама реклама. Не взять ли нам еще по коньяку?

Я машинально киваю, удивленный тем, что незаметно для себя стал представителем нового идейного направления в области рекламы. Официант с почти религиозным послушанием принимает заказ Раймана и через минуту приносит рюмочки коньяку, такие миниатюрные, что, по-моему, из-за этих двух капель не стоило огород городить. Мое пренебрежение к подобной утонченности настолько очевидно, что мой собеседник говорит с улыбкой официанту:

- Чудесно... Не могли бы вы подать нам бутылку?

Новое пожелание официант принимает с таким энтузиазмом, словно он только того и ждал,

хотя зал заметно опустел. После того как на столе червонным золотом засверкала откупоренная бутылка "Энси", а на месте наперстков появились более приличные рюмки, Райман возвращается к теме нашего разговора.

- Содержательная реклама, которую вы отстаиваете, все еще имеет много сторонников, однако это не мешает ей оставаться устаревшей. Ныне никто не читает рекламу ради того, чтоб узнать о преимуществах тех или иных товаров. Почему? Потому что каждому известно, реклама только тем и занимается, что подчеркивает эти преимущества, воображаемые или преувеличенные, следовательно, никто в них не верит. И напротив: одна-единственная фраза, если она эффектна, производит впечатление. И запоминается...

Разговор продолжается, и я по мере сил поддерживаю его уже как признанный представитель одной из враждующих школ. Тема, по существу, исчерпана, коньяк на исходе, но тут Райман дает новый толчок нашей беседе, заявляя доверительно:

- Главное не в том, дорогой мой Роллан, какой вид рекламы избрать. А в том, что изделия вашего "Хроноса", по крайней мере сейчас, вообще не следует рекламировать!

- Ваш эпилог, дорогой маэстро, меня прямо-таки удивляет, - отмечаю я, изображая легкое опьянение.

- И все же то, что я говорю, чистейшая правда! - твердит Райман, заметно возбужденный коньяком. - Рекламная тактика, дорогой друг, неотделима от коммерческой стратегии. А правильная стратегия, если хотите знать, исключает в данный момент всякий пропагандистский шум вокруг ваших "хроносов".

Он тянется к бутылке, желая дать мне запить горькую пилюлю, но в бутылке остались лишь капельки, не заслуживающие внимания.

- Что вы скажете, если мы переменим обстановку? - предлагает конопатый. - Тут уже становится слишком однообразно.

- Вы меня искушаете... хотя, признаться, у меня есть маленькое обязательство...

- Наверно, перед женщиной?

- Обещал секретарше сходить с ней в кино... Она, понимаете, еще как-то не прижилась в этом городе...

- Кино?.. Презираю заведения, где ничего не подают...

- Подаю фильмы.

- А, фильмы! Я сам их произвожу и знаю, какова им цена. Давайте-ка возьмем вашу секретаршу и поищем заведение повеселей. Так и обещание сдержите, и беседу сможем продолжить.

- Отличная идея, - соглашаюсь я. - Только при условии, что по дороге вы мне объясните вашу концепцию рекламной стратегии.

Райман оплачивает счет, прибавляя к сумме чаевые, от которых раболепная физиономия официанта до ушей расплывается в сияющей улыбке. Мы выходим на улицу и поворачиваем к центру, но дождь усилился и, поскольку при подобной погоде серьезный разговор невозможен, мы вынуждены нырнуть в ближайшее кафе и вернуться к французскому коньяку.

- Ваши конкуренты - крупные и солидные предприятия, - разъясняет мне Райман после того,

как нам подают по двойной порции солнечного напитка. Они, конечно, в состоянии стереть в порошок "Хронос", что с удовольствием сделали бы и с вами. Но не делают этого. И потому у вас нет основания попусту их дразнить. Главное, они свыклись с мыслью, что "Хронос" существует и - пока они хотят этого - будет существовать, и особого значения этому факту уже не придают, так как на него никто не обращает внимания.

- А куда девать продукцию? И на кой черт сейчас расширять предприятие?

- Рынок, дорогой мой, найдется для любого товара. Важно знать, где рынок выгодней. И направлять товар именно туда, а не в другое место. Ну и уметь его подать.

Конопатый несколько побледнел от выпитого, хотя заметить это не так просто при его естественной бледности, и голос его стал чуть громче. Мысли же моего собеседника текут вполне логично, как, впрочем, и мои, но я больше не вижу смысла выражать их вслух.

- Ваш товар, хотя он и не пользуется популярностью, добротный и недорогой. Следовательно, мы будем размещать его там, где интересуются не столько маркой, сколько качеством. Прежде всего в странах по ту сторону "железного занавеса".

Вопрос достаточно серьезный, и, чтобы его обстоятельно проанализировать, приходится заказать еще коньяку. Уходя, мы уже называем друг друга по имени, и ноги у нас слегка пружинят.

Эдит встречает нас без особой радости, а на меня бросает такой взгляд, что другой на моем месте с более чувствительными нервами так бы и рухнул на пол. Я действительно обещал секретарше прогуляться с нею после обеда, а "после обеда", как ни растяжимо это понятие во времени, давно прошло, в окнах уже горит свет.

Эдит, проявив такт, какого я в ней и не подозревал, старается не портить нам настроение своими капризами и быстро включается в общую атмосферу предпраздничного веселья. Ей не неприятны изысканно-банальные комплименты Раймана, зато она слегка озадачена тем обстоятельством, что конопатый запросто называет меня Морис.

- И вы до сих пор не нашли себе хорошую квартиру? - удивляется Райман, небрежно осматривая гостиничную обстановку, кстати сказать вполне современную и уютную.

- Чтобы найти хорошую квартиру, нужно иметь хорошие знакомства, замечает Эдит, поправляя прическу перед зеркалом.

- Но ведь "Зодиак" - неисчерпаемый кладезь хороших знакомств! восклицает Райман с подчеркнутым радушием.

- Неужели? - выражает сомнение секретарша. - А у меня создалось впечатление, что "Зодиак" - холодильная камера, да еще похолодней других.

- Холодильная камера? Ха-ха, неплохо сказано. Хотя это не отвечает истине. Во всяком случае, исключения есть.

- Да, - вставляю я. - Есть исключения. Конрад к холодильной камере не имеет никакого отношения.

- Верно! Никакого отношения, - подтверждает Райман. - И я это докажу. Что касается квартиры, можете рассчитывать на меня.

Эдит уже собралась, в сущности, она собралась уже несколько часов назад, так что мы без лишних проволочек уходим на поиски ночных развлечений. Развлечения начинаются с ресторана, где каждое блюдо и каждая новая бутылка вина подаются на стол после долгих и

углубленных дискуссий между метрдотелем и Райманом. Затем конопатый предлагает новую программу "Евы", и мы перебираемся в "Еву" как раз в тот момент, когда полуголая мулатка посредством сложного ритуального танца, в котором участвуют главным образом руки и тазовая часть, сбрасывает с себя остатки одежды. Прочие номера отличаются от этого только сменой исполнительниц.

- Надеюсь, стриптиз вас не шокирует, - говорит Райман после второй бутылки шампанского, заметив, что Эдит отвернулась от зрелища.

- Нет, но вызывает чувство досады.

- И неудивительно, - соглашается конопатый. - Стриптиз имел бы смысл только в том случае, если бы перед вами раскрывалось нечто такое, что увидеть не так-то легко. А тела этих вот дам...

- Не настолько они плохи, - снисходительно замечает я.

- Особенно для тех, кто не отличается вкусом, - вставляет Эдит, все еще не забывшая, как я перед нею провинился.

- Если это намек, то я не нахожу, что он слишком уместный, добродушно похихатывает Райман. - После того как наш друг выбрал себе такую секретаршу...

- Не надо столько комплиментов. Меня шампанское достаточно пьянит.

- Комплиментов? Да вы не знаете себе цены. Как тебе удалось напасть на такой бриллиант, Морис?

- О, бриллиант! К чему громкие слова, - спешу я возразить. - Во всяком случае, она страшно привязана ко мне.

Эдит бросает на меня убийственный взгляд, но я делаю вид, что поглощен спектаклем, в процедуре раздевания намечаются некоторые отклонения.

- Вы недооцениваете себя, и он тоже недооценивает вас, - говорит Райман заплетающимся языком. - Мне бы следовало вызвать у тебя ревность, дорогой Морис. К сожалению, я по своим калибрам не гожусь для этого.

- Вам его не запугать. Он ведь уже сказал, что не сомневается в моей верности, - отвечает Эдит вместо меня.

Характер беседы почти не меняется и в двух других заведениях, куда приводит нас Райман, чтобы показать нам нечто менее вульгарное. Зрелища и тут сводятся к раздеваниям, индивидуальным или коллективным, и если между этими и предыдущими в самом деле есть какой-то нюанс, то я лично уловить его не в состоянии.

Шеф рекламного отдела героически поддерживает разговор, не считаясь с тем, что теперь составление слов и фраз дается ему нелегко. Он обращается то ко мне, то к Эдит, но чаще к ней. Секретарша держится хорошо, в душе я ее одобряю - без рисовки, без излишнего кокетства, ее прямота подчас граничит с грубостью, и это создает впечатление искренности.

Мы расстаемся с Райманом поздно ночью у входа в отель. Я провожаю Эдит и, ощутив внезапную слабость, вытягиваюсь на ее постели.

- Твой стриптиз милее всякого другого! - негромко говорю я, наблюдая за тем, как моя секретарша меняет свой вечерний туалет на ночной.

- На большее ты не рассчитывай, - бросает она. - Я извелась сегодня в ожидании.

- Да, но зато обрела друга. Дружба - нечто священное, дорогая Эдит. Особенно в условиях холодильной камеры.

Женщина не возражает. Это дает мне смелость встать и попытаться улучшить наши несколько омрачившиеся отношения. Эдит не особенно противится моим братским объятьям. Это и хорошо и плохо, потому что всякий раз в момент близости я не испытываю чувства обладания ею - она коварно ускользает.

Случайная попойка не всегда служит увертюрой к такому священному союзу, как дружба. Нередко бывает так, что тот, кого вы в порыве задушевных чувств хлопали по плечу, встретившись с вами на другой день, ограничится холодным "привет". Поэтому я вижу приятную неожиданность в том, что два дня спустя Конрад Райман заходит ко мне в кабинет, отпускает комплимент Эдит, по-свойски жмет мне руку и сообщает, что нашел для нас квартиру.

- Мне только что звонили... я сам ее не видел, но меня уверяют, что квартира чудесная. Если желаете, под вечер наведемся туда вместе.

- С удовольствием, - отвечаю я, - но при одном условии: в этот раз вы будете нашим гостем.

Райман, разумеется, заявляет, что это вовсе не обязательно, что это мы должны пользоваться правом гостей и прочее в этом роде, но в конце концов соглашается, и мы договариваемся о встрече.

- Ты с ума сошел, - говорит мне Эдит, когда мы идем обедать. - Этот твой приятель - артист, притом второразрядный. Он подослан следить за тобой, и его чудесная квартира наверняка полна микрофонов.

- Очень может быть... - соглашаюсь я. - Но какое это имеет значение? Где бы и как бы мы ни сняли квартиру, все равно из предосторожности надо вести себя так, как будто они есть. А отказаться от хорошей квартиры, не имея никакой, - вот это действительно может вызвать подозрение.

Квартира и в самом деле чудесная, если не думать о возможных микрофонах. Это почти отдельный дом - довольно высокий, изящный, эдакий сказочный домик - из красного кирпича, окна и двери белые, а главное, всего в двух кварталах от "Зодиака", у самого мостика, перекинутого через канал с зелеными спящими водами. Нижний этаж занимает пожилая хозяйка рантье доброго старого времени. Второй этаж состоит из спальни, холла, кухни и ванной, а самый верхний - из спальни, ванной и утопающей в цветах террасы. Много света, пастельные обои хорошо сочетаются с мебелью, тоже спокойных тонов. Помещения изолированы, если не считать общей лестницы, так что секретарша не станет надоедать своему шефу - и наоборот. Только спяну можно отказаться от подобной квартиры, а я не могу постоянно выступать в роли пьяного.

- Ну, как вам нравится? - спрашивает Райман с ноткой торжества в голосе.

- Чудесно! - отвечает Эдит. - Впрочем, решать не мне.

- Чудесно! - подтверждаю я. - Дорогой Конрад, ты оказал нам неоценимую услугу.

- О, эта услуга мне ровно ничего не стоит, - отвечает конопатый скромно-торжественным тоном.

Затем мы отправляемся в ресторан, чтобы отпраздновать эту удачу.

Наша дружба с Ройманом незаметно становится чем-то обыденным. Она сводится к тому, что перед обедом мы вместе выпиваем по чашечке кофе на углу, там же встречаемся после обеда. Но и это не так мало, если ты живешь в большом городе, заселенном сплошь незнакомыми людьми. Райман - человек в общем-то тихий и серьезный, склонный скорее отвечать на вопросы, чем задавать их. И все-таки это единственный человек в "Зодиак", кому я рискнул бы подкинуть кое-какой вопрос. Конрад Райман - это то имя, которое мне удалось вырвать из уст Моранди. Единственное звено, связующее Моранди с разведкой.

С тех пор как мы приехали в Амстердам, прошел целый месяц. Проверки и допросы остались позади, неудобства незнакомого города - тоже. Потянулись будни - раскрыв зонты, мы двигаемся вдоль каналов, ходим на работу, выезжаем за город, у нас есть свой дом, свои кафе и предостаточно времени для скуки.

Голландия - страна богатая. Особенно влагой. Тут все брызжет влагой небо, и тучные луга, и густая зелень деревьев, и бесчисленные каналы, и озера, и камышовые заросли, и мокрый ветер, и подлый дождь, который то притворяется, что не идет, то вдруг польет как из ведра. Если бы здешние люди стали бегать от дождя, им бы пришлось бегать всю свою жизнь. Но они тут спокойные, не имеют обыкновения расстраиваться по мелочам. На тротуаре под дождем играют дети, у парадных под дождем сплетничают женщины, о чем-то спорят и весело смеются под дождем молодые люди, не говоря уже о влюбленных, которые и здесь, как на всем белом свете, целуются на улице независимо от погоды.

Влага и свинцовое небо делают все унылым и серым. Может быть, именно поэтому голландцы питают страсть ко всему пестрому, яркому, сверкающему, будь то клумбы, горшки с цветами, начищенные до блеска латунные предметы, голубой дельфтский фарфор, красочные уличные шарманки, трубы духового оркестра, картины или витражи. Может быть, именно поэтому фасады домов облицованы красным и желтым кирпичом, а все деревянные части выкрашены в белый цвет; может быть, поэтому всюду ослепительно блестит бронза, а фарфоровые трубки стариков украшены веселыми цветными рисунками и даже шарообразный голландский сыр всегда ярко-красный, как помидор.

А вообще, если у кого есть время заняться географией, Голландия - это очень приятная страна с тихими благоустроенными селениями и дремлющими водами, по которым плывут белые перистые облака и белые утки, обаятельно старомодная страна, где не перевелись велосипеды, а люди сравнительно редко страдают от этого бича современности - психических расстройств.

Со стороны может показаться, что, став чиновником "Зодиака", я приблизился к разгадке туманной истории. Я теперь лично знаком и часто соприкасаюсь по службе с большинством здешнего начальства. А такой человек, как Райман, мало сказать, знаком мне - мы с ним на дружеской ноге. И все-таки реальная польза от этого пока что равна нулю. Не могу же я, сидя за столом кафе напротив конопатого, с теплой улыбкой спросить у него, к примеру:

- Дорогой Конрад, а что ты скажешь насчет разведки? Как тут у вас поставлено дело?

Мне порой чудится, будто я стою перед герметически закрытым стальным сейфом, на котром значится: "Зодиак". Я абсолютно уверен, что в сейфе хранятся прелюбопытные вещи, однако я не то чтобы открыть его прикоснуться к нему не могу, если не хочу разбудить сразу все бесчисленные звонки и поднять тревогу. Остается сидеть и ждать. Сидеть и ждать неизвестно чего, и неизвестно, до каких пор.

Пребывающие в тихой спячке каналы начинает покрывать сухая листва. По утрам становится все прохладнее, улицы заволакивает прозрачно-белый туман. Внезапные проливные дожди сменяются более устойчивым, морозящим; он идет еле заметно, зато по целым дням. Словом, наступает золотой сентябрь.

Как-то среди дня меня вызывают к исполину с трудной фамилией. Столик в углу загроможден пустыми бутылками "Тюборг", из чего следует, что я здесь не первый посетитель. Ван Вермескеркен встречает меня с присущим ему радушием и указывает на кресло у письменного стола. Он весь в поту и, как всегда, красный - того и гляди, воспламенится.

- Райман знакомил вас с нашими проектами относительно "Хроноса"?

- Был какой-то разговор насчет восточных рынков.

- Именно. Выход на эти рынки будет вашей первой победой.

- Предложения мы уже разослали.

- Знаю. И это, конечно, очень хорошо. Но, если хотите, чтоб сделка состоялась, добивайтесь личных контактов. Это самый верный путь.

И, добродушно глядя на меня своими светлыми влажными глазами, исполин переходит к делу.

- Что бы вы, к примеру, сказали, если бы мы вам предложили съездить в Болгарию?

- Почему бы и нет? - без промедления отвечаю я. - Плохо только, что я не знаю как следует обстановки.

В светлых глазах, которые продолжают глядеть на меня, проскакивает веселая искорка.

- Не бойтесь. С вами поедет Райман. Ему обстановка знакома.

- Очень хорошо, - с готовностью соглашаюсь я. - Кому отдать паспорт для оформления визы?

- Никому, - отвечает исполин с той же искоркой веселости. - Сейчас в Болгарии безвизовый режим. - И чтобы окончательно огорошить меня, добавляет: - Уезжаете завтра утром.

"Чудесно", - думаю я, выходя из кабинета. "Чудесно", - повторяю, шагая по длинному коридору. Поистине всем проверкам проверка. Генеральная и окончательная. А гора розового сала откровенно смеялась мне в лицо. Уезжаем завтра утром. В обед будем там. И конечно, уже на аэродроме я услышу чей-нибудь голос: "Смотри, Эмиль! Где это ты пропал, дружище?"

6

Мы летим на самолете компании "КЛМ" в безоблачную погоду и в безоблачном настроении. Райман, видимо, несколько шокирован моей беззаботностью, хотя он это скрывает. Он понятия не имеет, во что она мне обошлась, эта беззаботность.

Неделю назад я установил связь. Безотказную, какой прежде не пользовался. Но уже в обед, выходя из "Зодиака" в сопровождении своей верной секретарши, я вполне отдавал себе отчет, что с этой минуты за мной будут следовать по пятам, неотступно. И не ошибся. Конвой был в меру деликатен, но не настолько, чтоб его не заметила Эдит.

- Мне кажется, за нами следят, - обеспокоенно шепнула она, когда мы вышли из ресторана и, как обычно, направились домой, чтобы отдохнуть полчаса.

- Ты случайно не пускалась в расспросы и вообще не совершила ли какую-нибудь глупость? - также шепотом спросил я.

- Перестань, ради бога. Я не ребенок.

- Тогда нечего волноваться. А главное, делай вид, будто ничего не замечаешь.

Она именно так и делала. Я все больше убеждался, что Эдит принадлежит к тому типу женщин, у которых неврастения проявляется в сравнительно тихих, терпимых формах.

Вытянувшись на кровати в просторной светло-голубой спальне, я разглядывал нависшее пасмурное небо за окном, пребывающее в нерешительности: выдать очередную порцию дождя или подождать. Время от времени я посматривал на циферблат, но большая стрелка настолько обленилась, глядя на маленькую, что, пока пробило два, прошли, казалось, не считанные минуты, а целые часы.

Подняв трубку, я набрал номер.

- Позовите, пожалуйста, Франка.

- Здесь нет таких.

- Это парикмахерская?

- Какая парикмахерская!

И на другом конце провода положили трубку.

"Ошибка, значит, - сказал я себе. - Хотя и сознательная". И снова набрал номер. На сей раз я попал именно в парикмахерскую, и мы договорились с Франком, что в пять он меня пострижет и сделает помоложе.

Когда мы с Эдит возвращались в "Зодиак", следом за нами опять плелся человек, но уже другой. И без двадцати пять, когда я зашагал в парикмахерскую, позади меня тоже кто-то шел.

Встреча должна была состояться в кафе, по пути в парикмахерскую. Мой человек был на месте, я его издали заметил, да и он меня, хотя и не показал виду. Я сунул в рот сигарету и, держа ее в правом углу, продолжал рассеянно шарить в карманах в поисках спичек. Когда я нашел их наконец, кафе осталось позади. Порой незажженная сигарета может означать многое. Моя в данный момент означала: "За мной следят. Через час встреча в условленном месте".

Пока Франк делал все, чтоб меня подмолодить, наблюдение велось сквозь витрину расположенной напротив кондитерской. Стоило мне выйти на улицу, как постовой тут же покинул кондитерскую и последовал за мной. Я бросил взгляд на часы. Самое время отправиться не спеша к условленному месту.

Ровно через час, проследовав опять мимо знакомого кафе, я вошел в универсальный магазин на Кальверстрат. Пока я пересекал густой поток выходивших из магазина, у меня в руке был маленький клочок бумаги. Когда я пробился к прилавку, где торговали принадлежностями мужского туалета, записки в руке не оказалось. Встреча состоялась. Мне осталось только купить в дорогу кое-какие вещи.

За тобой могут следовать не двое, а пятеро, и они могут приблизиться к тебе вплотную, окружить тебя со всех сторон, но, если ты достаточно ловок, они не помеха для подобной встречи. Потому что твои соглядатаи наверняка знают, где, с кем и когда состоится встреча, и в толпе, где ты неизбежно сталкиваешься со столькими людьми, невозможно различить, случайно ты столкнулся с тем или иным человеком или нарочно, чтобы в какое-то мгновение что-то сунуть ему в руку. И вот теперь мне остается только слушать, откинувшись в кресле, приглушенный рев моторов и с легким злорадством наблюдать плохо скрываемое недоумение Раймана.

Когда самолет, описывая широкий круг, начинает снижаться, конопатый говорит мне на ухо:

- У тебя руки свободны, а у меня, кроме вот этого, - он показывает мне портфель, - два чемодана. Ты бы мог взять его, пока мы пройдем через таможню?

- Ну, разумеется, Конрад. Почему бы и нет.

И вот мы уже в аэропорту. В руке у меня портфель Раймана, довольно-таки тяжелый, если учесть небольшие его размеры. Зал, где осуществляется таможенный досмотр, проходим без особых формальностей. Ожидая, пока доставят наши чемоданы, конопатый зорко следит за мной, но я по-прежнему сохраняю безоблачное настроение и если поглядываю по сторонам, то из чистого любопытства, присущего всякому попавшему в незнакомое место. Естественное любопытство позволяет мне убедиться, что нужные мне люди здесь. Правда, они виду не показывают, что знакомы со мной, а это достаточно красноречиво говорит о том, что мое сообщение получено.

В момент прибытия чемоданов в дверях появляются встречающие, среди них представители, знакомые Райману со времени его прежних приездов; они, вполне естественно, свое внимание посвящают ему, я для них мало что значу.

- В принципе, нас известили еще две недели назад о вашем приезде, говорит главный из трех встречающих, - но кто мог подумать, что вы нагрянете внезапно. Так что не обижайтесь, если окажется, что мы не приготовились должным образом.

- О, не беспокойтесь! - отвечает Райман. - Мы приехали не ради приемов и официальных церемоний, а по делу.

- Сколько вы намерены пробыть у нас?

- Я полагаю, дня три нам хватит, верно? - приличия ради обращается Райман ко мне.

Я киваю головой, тоже ради приличия, потому что эти вещи решает он, а не я.

- Вот и чудесно, - объявляет главный.

Шоферы берут наши чемоданы, один из них пытается взять из моих рук портфель, однако, поймав многозначительный взгляд Раймана, я оставляю портфель при себе.

Не знаю, как приготовились внешторговцы, но мои люди, очевидно, все уладили наилучшим образом. Из аэропорта нас в мгновение ока доставляют в отель "Рила", размещают на разных этажах и объявляют, что через полчаса нас будет ждать обед. Как только ушли встречающие, я спускаюсь к Райману и отдаю ему портфель. Он кладет его в один из своих чемоданов, снабженный слишком солидными и хитрыми для обычного дорожного чемодана замками.

- Что там в нем, золото в слитках? Руку мне отянул.

- Золото не золото, но и валяться где попало он не должен, - отвечает шеф рекламы.

И чтобы не обидеть меня, добавляет:

- Потом я тебе все объясню.

Обед нам подают в небольшом зале, защищенном от взглядов любопытных дверями и шторами. Кроме нас двоих, за широким столом разместились четыре болгарских внешторговцев. Ни с одним из них я не знаком, и это очень кстати, потому что нет ничего хуже сидеть перед знакомыми людьми и делать вид, что ты их не знаешь.

Двое болгар весьма сносно говорят по-французски, и это дает мне возможность, с благосклонного согласия Раймана, сделать кое-какие предварительные замечания относительно достоинств часов фирмы "Хронос". Мои замечания явно заинтересовывают внешторговцев. А Райман тем временем беседует с двумя другими о возможных закупках некоторых болгарских товаров, но это, однако, не мешает ему пристально следить за тем, что говорю и делаю я. Мой разговор с незнакомыми соотечественниками ничего двусмысленного не содержит.

После обеда предусмотрен получасовой отдых, а затем должно состояться первое деловое совещание в министерстве. Райман пытается намекнуть, что мы немного устали в дороге, но это ничего не дает - совещание уже назначено. Мы поднимаемся в свои номера, и, хотя отдых длится всего полчаса, конопатый успевает за это время дважды позвонить мне по телефону по совсем глупым поводам и дважды подняться ко мне в номер - первый раз, чтобы попросить одеколон, и второй, чтобы условиться о совместной поездке в министерство. Все же я воспользовался паузой и вышел на балкон подышать свежим воздухом.

На соседнем балконе, облокотившись о перила, стоит человек и рассеянно смотрит на бассейн перед отелем. Оказывается, это мой сослуживец и друг.

- А твой слишком тебя прижимает.

- И не намерен оставить в покое.

- Ты должен в течение дня найти способ написать то, что хочешь сообщить, чтобы у нас было время все продумать. Послезавтра вечером тебя вызовут.

- Но он следит за мной неотступно.

- Пусть это тебя не беспокоит. Под вечер, когда подготовишь отчет, выйдешь сюда и передашь его мне. Может, еще есть что сказать?

- Любо убили.

- Мы так и думали. Уж не этот ли?

- Этот - организатор.

Мой собеседник снова переводит взгляд на бассейн. Знаю, о чем он думает, потому что и я думаю о том же, но не все, о чем думаешь, имеет отношение к делу. В мою дверь стучат, и я возвращаюсь в комнату.

- Мы можем пойти пешком, - предлагает Райман, пока мы спускаемся по лестнице. - Министерство в двух шагах отсюда.

- Почему бы и нет! Нам не мешает немного поразмяться, - охотно соглашаюсь я, мысленно посылая его ко всем чертям.

Однако машина уже подана.

- Совещание будет не в министерстве. Мы выбрали для этого более уютное место, - объясняет приехавший за нами представитель.

Под вечер после совещания у нас появилось полчаса свободного времени, потому что программа без единой паузы могла бы показаться слишком подозрительной. Как и следовало ожидать, конопатый тут же предлагает мне прогуляться с ним по городу - ему не терпится узнать, есть ли у меня знакомые в Софии.

А они, к сожалению, есть. Когда мы проходили мимо кафе "Болгария", еще издали я заметил шедшего нам навстречу моего соседа, большого любителя потрепаться; мы с ним не настолько близки, чтоб он знал, где я работаю, но и не настолько чужие, чтоб ему не заговорить со мной. Я достаточно хорошо знаю этого болтуна и уверен, что он, увидев меня, начнет с радостью махать рукой, непременно остановит и уж обязательно, хлопнув по плечу, спросит: "Где ты пропадаешь, Боев?"; сам того не подозревая, он запросто провалит операцию, которая вынашивалась столько времени, столькими умами и с таким напряжением.

Болтун еще довольно далеко от нас, но он так и шарит глазами по лицам прохожих, и едва ли мне удастся пройти незамеченным, хотя уже спускаются сумерки. Я внезапно останавливаюсь у витрины магазина иностранной литературы спиной к улице.

- Ты заметил что-то интересное? - подозрительно спрашивает Райман.

- Да, только не на витрине. Думаю, за нами следят, - отвечаю я.

- У тебя галлюцинации, дорогой мой, - бросает мне конопатый, порываясь идти дальше.

- Не галлюцинации. Пстой пару секунд и убедишься сам.

"Ну пстой, пускай пройдет этот болтун", - заклинаю я его; как раз в этот момент мой сосед медленно проходит за нашими спинами, и, вполне отчетливо видя в витрине его отражение, я благодарю бога, что этого человека интересует все что угодно, только не книги немецких авторов.

Впрочем, за нами действительно следят, и эта не столь важная мера предусмотрена на то время, пока я здесь, - пусть Райман не воображает, что может пользоваться полной свободой. Человек, на которого возложена эта задача, ведет себя сообразно инструкции, то есть довольно неловко. Он останавливается позади нас, потом, видя, что мы задерживаемся, проходит вперед и принимается разглядывать витрину соседнего магазина.

- Ты прав, - соглашается Райман. - Вон тот тип в самом деле следит за нами. Однако, если ты заметил, дорогой Морис, что за тобою следят, самое разумное делать вид, что ты ничего не замечаешь.

Этот мудрый совет свидетельствует о том, что конопатый готов причислить меня к разряду безобидных глупцов; признаться, в данный момент это меня несколько не огорчает. Мы идем обратно, сопровождаемые все тем же спутником.

- Этот человек начинает действовать мне на нервы, - бормочу я, когда мы пересекаем в полумраке городской сад.

Райман Бросает на меня снисходительный взгляд.

- Я полагал, что ты хладнокровнее.

- Хладнокровие годится в сделках. А когда за тобой тянется хвост...

- Может, это всего лишь проверка, - успокаивает меня конопатый. Завтра станет яснее.

И все же наш ужин прошел в более или менее приподнятом настроении, чему способствовало обилие напитков и многократные порции коньяка после десерта. Райман пьет наравне с другими, но у меня уже есть представление о его выносливости, так что, вернувшись в гостиницу, я не сразу принимаюсь за перо. Лучше подождать. Минут через десять после того, как мы расстались, директор отдела рекламы вырастает на пороге моего номера пришед спросить, нет ли у меня таблетки саридона; поскольку у меня не оказалось

саридона, он решает заменить его продолжительной беседой на самые различные темы. Я охотно включаюсь в нее и вообще не подаю никаких признаков досады - пускай Райман сам дойдет до изнеможения и скажет, что пора ложиться спать, потому что завтра нас ждет работа.

Лично меня работа ждет сегодня. Я предельно кратко записываю все, что было со мной, начиная с Венеции и кончая Амстердамом. Затем выхожу на балкон и вручаю манускрипт своему сослуживцу, который стоит, облокотившись на перила, с таким видом, будто и не уходил оттуда в течение всего дня.

Остальная часть программы выполняется в весьма напряженном ритме: два заседания уходят на то, чтоб обсудить условия сделки и поторговаться вокруг продукции "Хроноса", другие три совещания посвящены выяснению заинтересованности болгарских партнеров в экспорте, затем поездки на предприятия, осмотр машин, включенных в ассортимент, несколько визитов к начальникам средней руки с целью прощупать возможности дальнейших сделок, ну и, разумеется, неизбежные обеды и ужины.

Райман все-таки умудряется выкроить время даже при этом напряженном ритме. Около часа понадобилось ему для еще одной прогулки по городу. На сей раз это происходит среди бела дня, и, несмотря на относительное затишье, которое обычно наблюдается в послеобеденную пору, несмотря на то, что, по-видимому, приняты соответствующие меры, мне приходится мобилизовать весь свой артистический талант, чтоб сойти за беззаботного иностранца, порхающего, как птичка божия, по улицам незнакомого города.

Этот бессовестный Райман ведет меня, словно обезьяну, на самую оживленную артерию столицы - на улицу графа Игнатьева, потому вынуждает повернуть на улицу Раковского, потом - на Русский бульвар, к парку. Инквизитор готов даже усадить меня на террасе перед "Берлином", но, к счастью, свободного стола не нашлось, и мы вынуждены идти дальше. Мы уже дошли до моста и собираемся повернуть обратно по дороге испытаний, как появляется еще один мой знакомый, на этот раз женщина.

Это моя бывшая пассия. Та самая, от которой я мог иметь сына лет пяти, а то и старше. Мы с нею не порывали окончательно наших отношений, дипломатических я имею в виду, так что при обычных обстоятельствах ей ничего не стоит меня остановить просто так, из женской суетности, чтоб лишний раз измерить температуру моих чувств. Но сейчас обстоятельства не совсем обычные, и я издали настойчиво сверлю ее мрачным взглядом, чтоб она это поняла. Она меня видит, перехватывает мой взгляд и странное дело - эта женщина, которая никогда ничего не способна была понять, оказывается удивительно догадливой - она отводит свой взгляд. Ей отлично известно, где я работаю, и, вероятно, она сообразила, в чем дело, хотя, возможно, я переоцениваю ее способности, возможно, ничего она не сообразила, а лишь прочла в моем взгляде выражение неприятия.

На следующий, последний день нашего пребывания свободного времени нам не предложили. Его с трудом приходится отвоевывать Райману - с обеда до самого вечера он симулирует недомогание. Конопатый, очевидно, жаждет любой ценой уединиться, и попытки болгарских фирм протолкнуть побольше товаров "Зодиаку" начинают вызывать у него раздражение. Наконец хозяева оставляют нас в покое, чтобы мнимый больной мог полежать в постели.

Под вечер, как только сопровождающий нас представитель министерства покинул комнату, Райман поманил меня пальцем.

- Слушай, Морис, - шепчет он мне, - я хочу попросить тебя об одной услуге.

- Если это мне по силам.

- Вполне. Суший пустяк, с которым я и сам бы справился, но ты ведь понимаешь, после того

как я изображал больного, мне неудобно расхаживать по улицам. А ты новичок в этом городе и не вызовешь подозрений. Так что...

Он торопливо и все так же вполголоса излагает характер ожидаемой от меня услуги. Взять портфель и выйти на улицу. Найти бульвар Толбухина после памятника первая улица направо, - такой-то дом, такой-то этаж. Три непродолжительных звонка. Спросить такого-то и сказать ему: "Извините, вы не знаете французский?", на что тот должен ответить: "Я пойму, если вы будете говорить помедленней". Когда меня введут в дом, я должен сообщить, что прибыл от Бернара, а на вопрос, от которого Бернара, младшего или старшего, ответить: "От Бернара-отца". Затем оставить портфель и обратно.

- Как видишь, все предельно просто.

- А если кто будет идти следом?

- Если кто увяжется за тобой, сделай небольшой круг и возвращайся обратно. Вчера за нами никто не ходил. Сегодня тем более не станут. Конечно, надо смотреть в оба, не показывая виду.

- А если меня схватят?

- Глупости. Я считал тебя смелей.

- Дело не в смелости. Все надо предвидеть. Как при обсуждении сделки.

- Ну, а если тебя схватят, чего, конечно, не случится, ты первым делом расскажи такую небылицу: некий старый старый клиент, прослышав, что ты едешь в Болгарию, всучил тебе портфель, чтобы ты кому-то там передал его. Ты даже не знаешь, что в нем такое...

- Так оно и есть, - вставляю я с наивным видом.

- Вот именно. Придерживайся этой версии, и больше ничего. Я тебя освобожу, даю гарантию. Но чтобы я мог тебя освободить, ты не должен меня впутывать в это дело. Иначе как же тогда мне тебя освободить. Не забывай, что "Зодиак" - это сила и дрожать тебе нет оснований.

Распоряжение выполняется точно по инструкции и в рекордно короткий срок - в течение получаса. Оказывается, выполнять шпионские задания в родной стране не составляет никакого труда, при условии, что соответствующие органы обо всем заранее предупреждены.

Я возвращаюсь в отель и захожу в комнату конопатого, впопыхах забыв даже постучать в дверь. Стоящий у окна Райман вздрагивает от неожиданности и оборачивается.

- А, это ты? Наконец-то!

- Почему "наконец-то"? Все получилось молниеносно.

- Да, но мне показалось, что прошла целая вечность. Не подумай, что я тебя не дооцениваю, Морис, но у тебя все же нет достаточного опыта в этих делах. Стоит мне представить, как ты озираешься на перекрестках, как я заливаюсь холодным потом.

- Может, у меня и нет опыта, но я не озибался, хотя это не мешало мне установить, что никакого наблюдения нет.

- Чудесно. Ты оказал мне большую услугу.

- О, это мне ничего не стоило, - скромно отвечаю я. И здесь я не далек от истины.

Последнюю часть своей миссии я выполняю тоже без особых усилий, и заслуга в этом принадлежит Райману, правда сам он этого даже не подозревает. Врач, посетивший конопатого, устанавливает, что его недомогание объясняется легкой простудой, и несколько таблеток оказывают положительное воздействие если не на организм, то на сон больного. Вскоре после визита врача Райман засыпает мертвым сном, а я отправляюсь в соответствующее учреждение.

И вот картина, я столько раз рисовал в своем воображении, но теперь она не воображаемая, а вполне реальная: в освещенном тяжелой люстрой кабинете - генерал, полковник и мой непосредственный начальник; все пристально смотрят на меня, тщательно взвешивают каждое мое слово, каждый шаг. В сущности, они уже в курсе дела и теперь интересуются лишь разного рода деталями, притом такими, объяснение которых заставляя меня время от времени доставать платок и вытирать лоб.

Полковник, разумеется, не может воздержаться от критических замечаний, касающихся, правда, частных. В качестве одной такой частности выступает моя секретарша. Не в нынешней своей роли, а в первоначальной. Ее назначение полковник называет "прыжок во мрак".

- А разве не прыжок во мрак расхаживать по улицам Софии, рискуя в любой момент услышать что-нибудь вроде "Здорово, старина"? - отвечаю я, зная, что руководство операцией целиком лежало на полковнике.

- Зря ты волновался, - спокойно замечает он. - Все было так устроено, что ни у кого бы не нашлось времени с тобою поздороваться.

"Ты бы мог раньше сообщить мне об этом", - само собой напрашивается фраза, но я ее не произношу, потому что в этот момент раздается голос генерала:

- Давайте не отвлекаться...

Замечание адресуется полковнику, хотя поводом послужил я. Как оценить такую любезность, равно как и следующие слова:

- Я считаю, что до сих пор Боев справлялся с задачей неплохо.

На языке школьника это означает "отлично", "пять".

- Продолжим работу. Слово имеет Боев.

Иметь-то я его имею, только не знаю, как мне с ним быть. Потому что тщательно продуманного плана, которого от меня ждут, у меня попросту не существует. Я пребываю в полной неподвижности, в положении человека, оказавшегося перед герметически закрытым сейфом, которого не то что открыть - к нему даже прикоснуться нельзя. Следовательно, мне не остается ничего, кроме как обрисовать перспективу со всеми ее трудностями, наметить продолжительные действия, если, если, если...

Как это ни странно, мои скептические суждения и прогнозы вызывают видимое одобрение. Даже мой начальник, который в иных случаях не упустит возможности напомнить мне о вреде фантазерства, в этот раз воздерживается от употребления ненавистного слова.

- Совершенно верно: терпение, умение выжидать, предельная осторожность, - соглашается он.

- Тебе следует сжиться с мыслью, что ты действительно переменял профессию, - смеивается полковник.

Затем мы ведем подробный разбор обстановки со всеми вероятными и маловероятными изменениями, пока черное небо в широких окнах не обретает предрассветную синеву.

В Амстердам мы приезжаем как раз в обед, так что, когда я врываюсь в ресторан, Эдит есть от чего растеряться. Я застаю свою секретаршу на ее обычном месте, у окна, в ту самую минуту, когда она раскрывает меню.

- Здравствуй и заказывай, пожалуйста, на двоих, - говорю я, усаживаясь напротив.

На ее лице появляется слабая улыбка, а это не так мало, если учесть, что лицо ее редко выражает что-нибудь, кроме сдерживаемой досады.

- Я только что подумал о тебе, - признается Эдит, отослав официантку. - В сущности, я не переставала думать о тебе.

- И я о тебе думал. Все беспокоился, как бы ты не наделала глупостей.

- Что ты имеешь в виду? - с невинным видом спрашивает Эдит, хотя прекрасно понимает, что я имею в виду. - В последнее время тут возле меня увивается кое-кто из мужчин.

- Меня не касается твоя личная жизнь. Только бы эти мужчины были не из "Зодиака".

- А откуда же они могут быть?

- Вот тебе и нет. Кто же особенно выделяется из твоего окружения?

- О, окружение - это слишком громко. Но тут фигурирует первый библейский человек Адам Уорнер и первый человек "Зодиака" мистер Эванс.

- Для начала не так плохо. Только...

Официантка приносит запотевшие кружки пива и тарелки с супом; как я и подозревал, это оказывается ненавистный мне томатный суп, хотя в меню он значится под другим названием.

- Что "только"? - напоминает Эдит, когда девушка удаляется.

- Я хотел сказать, что в любой карьере чем стремительнее взлет, тем скорее наступает падение - раньше возможности иссякают.

Эдит с удовольствием ест суп. Я только пробую и кладу ложку. Удивляют меня эти англо-саксонские расы, что они находят в этом жидком и распаренном томатном пюре.

- Ты случайно не ревнуешь? - любопытствует Эдит.

- Может быть. Только совсем немного. Если хочешь, чтоб я ревновал больше, тебе придется поделиться подробностями.

- С подробностями пока не густо. Мистер Эванс дважды встретил меня в коридоре, смотрел на меня очень мило, а во второй раз даже остановился и спросил, давно ли я тут работаю и где именно. Слушая мои ответы, он продолжал рассматривать меня со всех сторон и все повторял "прекрасно, прекрасно", так что я толком и не поняла, к какой части моей фигуры относится это "прекрасно".

- Только и всего?

- По-твоему, этого мало?

- А супруг Евы?

- Адам Уорнер? Тот зашел дальше: пригласил меня поужинать.

- И ты, конечно, согласилась!

- А как же иначе? Ты ведь сам внушал мне, если отказываешься от хороших вещей, это внушает подозрения.

- Я не делал обобщений. Имелся в виду конкретный случай с квартирой.

На этот раз официантка приносит филе из телятины, как обычно, с обильным гарниром в виде жареного картофеля. Банальное блюдо, зато вкусно и питательно, что подтверждает многовековая практика. Какое-то время едим молча - точнее, до тех пор, пока от филе почти не остается и вновь не подходит официантка, чтобы узнать, что мы возьмем на десерт.

- Так речь шла о подробностях, - напоминаю я.

- О, в сущности, это был второй допрос, правда сдобренный устрицами, белым вином и индейкой с апельсинами. У этого человека нет вкуса. Индейку, так же как устрицы, он запивает белым вином.

- Ты не могла бы комментарии гурмана оставить на потом?

- Я же тебе сказала: это был второй допрос, хотя и в форме дружеской беседы. Начал он с меня, чтобы закончить тобой. Главная тема: наши с тобой отношения.

- Для этих людей нет ничего святого, - тихо говорю я.

- Особенно их интересует момент нашего знакомства.

- Надеюсь, ты не прибегала к своим вариациям?

- Какие вариации? Изложила ему все так, как мы с тобой условились: прочла объявление и явилась. "А почему он остановился именно на вас?" "Откуда я знаю, - говорю. - Возможно, потому, что остальные были менее привлекательными". Тут он, может быть, впервые внимательно осмотрел мой фасад. "Да, - говорит, - ответ представляется убедительным".

- А дальше?

- И дальше в том же духе. Хотя он раз пять повторил: "Я не хочу вникать в ваши интимные отношения" и "Надеюсь, я вас не слишком задеваю". Спросил еще, не была ли я с тобой в Индии. В сущности, с этого вопроса он начал. Я ему ответила, что ты ездил в Индию еще до нашего знакомства, о чем я очень жалею, поскольку мне, дескать, осточертело слушать твои рассказы об этой стране. В самом деле, Морис, ты был в Индии?

- Общение с Уорнером дурно сказывается на тебе, - замечаю я. - Твоя врожденная мнительность приобретает маниакальные формы.

Официантка приносит кофе. Предлагаю Эдит сигарету, закуриваю сам.

- А как, по-твоему, почему Уорнер устроил допрос во время твоего отсутствия?

- Мой отъезд тут ни при чем. Он просто-напросто полагал, что со мною покончено, и решил присмотреться к тебе.

- Покончено?

- Ну да. У меня такое чувство, что эта поездка была уготована мне только ради проверки. Меня, по-видимому, считали болгарским шпионом или чем-то в этом роде.

Она неожиданно смеется, и смех этот настолько преобразует ее лицо на какое-то время я вижу перед собой просто лицо веселой девушки.

- Ты болгарский шпион?

Женщина снова заливается смехом.

- Не нахожу ничего смешного, - обиженно бормочу я. - Ты, похоже, считаешь меня круглым идиотом.

- Вовсе нет, - возражает Эдит, сдерживая смех. - Но принять тебя за болгарского шпиона, ха-ха-ха...

Я жду, насупившись, пока пройдет приступ смеха.

- Ну, а как там живут люди? - спрашивает Эдит, успокоившись наконец. - Неужели вправду ужасно?

- Почему ужасно? Разве что свалится кто-нибудь с пятого этажа. Но это и здесь связано с неприятностями.

Поболтав еще немного о том о сем, мы уходим, и как раз вовремя ненадолго прекращается дождь. Из учтивости провожаю Эдит до самых ее покоев на верхнем этаже и, тоже из учтивости, захожу к ней. Обои, мебель, ковер в спальне бледно-зеленых тонов, и эти нежные тона в сочетании с интерьером террасы, с ее декоративными кустарниками и цветами придают обстановке какую-то особую свежесть; кажется, что я попал в сад, и мне трудно удержаться от соблазна посидеть здесь хотя бы немного.

Эдит подходит к проигрывателю, ставит пластинку, и комнату наполняют раздирающие звуки. У этой женщины необъяснимая страсть к джазу, но не простому и приятному, а к "серьезному джазу", как она его называет. Если судить по ее любимым шедеврам, главная и единственная цель "серьезного джаза" состоит в том, чтобы показать, что вполне приличный мотив без особых усилий можно превратить в чудовищную какофонию.

- Ты не хочешь отдохнуть? - деликатно замечает Эдит, чувствуя, что пластинка меня не прогонит.

- О, всему свое время, - легкомысленно отвечаю я, вытягиваясь в кресле цвета резеды.

- Тогда разреши мне пойти искупаться.

- Чувствуй себя как дома.

Пока я рассеянно слушаю вой саксофона и плеск воды за стенкой, в моем воображении смутно вырисовываются не только упругие водяные струи, но и подставляемые под них тело, а глаза мои тем временем шарят по комнате. Неожиданно мое внимание привлекает блестящий предмет, выглядывающий из под брошенных на угол столика иллюстрированных журналов. Это всего лишь безобидный бинокль. Однако бинокль обычно ассоциируется с наблюдением.

Проклиная человеческий порок, именуемый любопытством, я нехотя поднимаюсь и беру бинокль. Он невелик, отделан перламутром - словом, из тех биноклей, которые женщины таскают с собой по театрам. Выхожу на террасу. Вдали, точно напротив, между острыми крышами соседних домов виден фасад "Зодиака". Миниатюрное перламутровое орудие, к моему удивлению, оказывается настолько мощным, что я со всей отчетливостью вижу окна председательского кабинета.

На террасу выглядывает Эдит, порозовевшая и свежая, в снежно-белом купальном халате.

- Приятно, правда? Среди всех этих цветов...

- И с твоими глупостями... Зачем тебе понадобилась эта штука?

Женщина бросает взгляд на бинокль, и лицо ее обретает таинственное выражение. Она делает жест - молчи, дескать, - и говорит небрежным тоном:

- Театральный, конечно. Я купила его в магазине случайных вещей. Ты ведь знаешь, я близорука, а так как мне предстояло пойти в театр...

Ясно, к этому надо будет вернуться. Но не сидеть же нам сейчас сложа руки. Я подхожу к женщине и обнимаю ее за плечи, прикрытые мягкой тканью халата.

- Дорогая Эдит, ты совсем как Венера, выходящая из воды...

- Не говори глупостей...

- ...Хронос и Венера, - продолжаю я. - Бог Времени и богиня Любви...

- Хронос не бог, а титан. Плаваешь ты, как я вижу, в мифологии.

Последние слова едва ли доходят до моего сознания, так как лицо женщины почти касается моего и не позволяет мне сосредоточиться. Эдит не противится, но ее поведение не выражает ничего другого, кроме терпеливой безучастности. Такого рода моменты в наших отношениях не больше чем игра, притом не такая уж интересная для партнеров. А ведь игры тем и отличаются, что все в них кажется настоящим, а на деле одна только видимость.

Несколькими днями позже мне звонит Уорнер и спрашивает, не мог бы я зайти к нему. Что делать, как не зайти, хотя Уорнера я уже стал видеть во сне.

Человек в сером костюме и с серым лицом встречает меня со своей холодной вежливостью, предлагает сесть и подносит сигареты. В последнем сказывается особая благосклонность, потому что сам Уорнер не курит.

- В тот день, когда вы рассказывали мне о своей поездке, вы умолчали кое о чем, - говорит Уорнер после того, как я закуриваю.

- Если я и умолчал о чем, то лишь потому, что об этом вам должен был рассказать другой.

- Другой рассказал, - кивает библейский человек. - Но вы об этом умолчали. Вы мне не доверяете, Роллан?

- Почему же? Разве я не позволил вам выудить из моей биографии все до последней мелочи...

- Да, но это же я выудил, а не вы мне доверили.

- Знаете, доверять в нашем деле и в наше время...

- И все же, - прерывает меня Уорнер, - Райману-то вы доверили.

- Стоит ли об этом говорить? Оказал человеку большую услугу. Услугу, которая мне равным счетом ничего не стоила.

Человек за столом окидывает меня испытующим взглядом.

- Полагаю, вы имеете представление о характере этой услуги?

- Естественно. В сущности, Райман мне сказал, что потом все объяснит, но так ничего не объяснил, да и я не расспрашивал его. Извините, но для меня это всего-навсего эпизод, который больше касается Раймана, чем меня.

- Этот эпизод в одинаковой мере касается вас обоих. Райман поступил неправильно. Вы - тоже.

Я пожимаю плечами - пусть, мол, будет так - и разглядываю свою сигарету.

- У нашей фирмы широкие торговые связи со странами Востока, и мы желаем, чтоб самоуправство того или иного нашего представителя фирмы ставило нас под удар. Райман действовал на свой страх и риск и, вероятно, ради собственной выгоды, а вы ему помогали, хотя разрешения на это никто вам не давал.

- Надо было меня предупредить, что я могу делать и чего - не могу.

- Как же я мог предупреждать вас о том, что мне и в голову не приходило. Но теперь считайте, что вы предупреждены. "Зодиак" коммерческая фирма, и ваши действия как представителя этой фирмы не должны выходить за рамки торговых отношений.

Он опять смотрит на меня и добавляет уже более мягко:

- Конечно, человек вы новый, и мы прекрасно понимаем, что главная тяжесть вины ложится на Раймана. Допускаю даже, что вы подумали, будто Райман действует по нашим инструкциям.

- Я вообще над этим не задумывался, - признаюсь я с некоторым чувством досады. - Должен вам сказать, я уже почти забыл об этом.

- Вот и чудесно, - удовлетворенно кивает Уорнер. - А теперь забудьте совсем.

"Дойдет и до этого, - говорю я себе, выходя в коридор. - Но только после того, как выведем вас на чистую воду". Поворот неожиданный, хотя и не совсем непредвиденный. Райман, сомневаться не приходится, руководствовался их инструкциями и, скорее всего, инструкциями этого святого Адама. Первой их целью было проверить меня. Второй - вовлечь в их тайную деятельность. Теперь становится очевидным, что задача номер два, если она вообще существовала, отменяется. Они умывают руки. Райман, мол, действовал по неизвестно чьему наущению, но, во всяком случае, без ведома "Зодиака". Фирма опять встает во все своем испорченном блеске. Чем все это объяснить? Тем, что мне все еще не доверяют? Или, убедившись, что я не являюсь коммунистическим агентом, полагают, что я агент иного рода? А может быть, вообще во мне нуждаются? Тут есть над чем поразмыслить.

Вечереет. Эдит стучится в дверь моего холостяцкого жилища, чтоб вытащить меня в кино. Нет ничего лучше жить рядом с любимой женщиной, но отдельно от нее. Особенно если эта женщина похожа на Эдит и никогда не придет к тебе сама, разве что вы договорились пойти куда-нибудь вместе.

По правде говоря, мне неохота куда-либо идти, но я обещал ей и не вижу возможности отвертеться.

- Ты мне ничего не рассказала про бинокль... - подсказываю я, когда мы выходим на улицу и раскрываем зонты.

- Что тебе рассказывать, когда ты сам догадался. Рассматриваю "Зодиак".

- И на кой черт тебе его рассматривать?

- Позавчера вечером точно над кабинетом Эванса блеснул огонек. Если ты заметил, окно над кабинетом всегда закрыто ставнями. Но в тот вечер кто-то, видимо, открыл на мгновение ставни и блеснул свет...

- Этот "кто-то" всего-навсего уборщица.

- Уборщица! В десять часов вечера? Да будет тебе известно, в семь часов "Зодиак" уже на замке. А уборщицы работают по утрам.

- Мне все же непонятно, почему тебя так волнует тот огонек и то помещение.

- Ты там бывал?

- Я даже не представляю, как туда попасть.

- А я знаю: туда можно попасть единственным способом - по лестнице, через кабинет Эванса.

- Это мне не интересно. И тебя тоже не должно интересовать.

- Но послушай, Морис: если в "Зодиаке" есть секретный архив, он должен храниться именно там. И занимается им Ван Альтен.

Ван Альтен - второй секретарь Эванса. Этот замкнутый, мрачный тип появляется в коридорах очень редко.

- Ладно, - киваю я. - Авось с помощью бинокля тебе удастся прочитать секретные бумаги. Он показался мне достаточно мощным для такого дела.

Этим разговор кончается.

Фильм, к моему ужасу, оказался каким-то гибридом любовной истории со шпионажем; обоих партнеров убивают у берлинской стены. Кинотрагедия доходит до моего сознания весьма смутно, отрывочно, потому что все это время меня занимает трагедия иного порядка, то есть моя собственная. Трагедия человека перед наглухо закрытым сейфом. Я лишен даже возможности ознакомиться с обстановкой, поскольку постоянно нахожусь в изолированном кабинете и могу наблюдать только фигуру своей секретарши. Я не в состоянии что-либо уловить из случайных разговоров, поскольку они ничего не содержат. Я не могу сам вызывать кого-либо на разговор - запрещено, не могу следить за кем бы то ни было - запрещено, не могу делать попытки пробраться куда-либо - это тем более запрещено. Не могу воспользоваться имеющейся аппаратурой. Не могу прибегнуть к услугам Эдит, потому что это слишком рискованно и, по-видимому, бесполезно. И поприветствовать никого не могу. Тогда что же я могу? Ходить в кино? Заниматься служебной перепиской? Развлекаться с женщиной, которая ничего интересного во мне не находит? Скучать? Трепать себе нервы? Ждать?

- Грустно, правда? - спрашивает Эдит, когда мы выходим из зала.

- Очень! - отвечаю я, думая о своем.

- Хотя довольно правдоподобно.

- Трудно сказать. Не разбираюсь в этих делах.

- Я тоже. Но кажется правдоподобным.

- О да! Поскольку кончается трагически. Трагический конец всегда похож на правду, потому

что в жизни многое кончается трагически.

- Ты так думаешь?

- Что тут думать, когда это очевидно.

- Говорят, будто есть на свете и счастливые...

- Говорят... А ты спроси у того, кто так говорит, где эти счастливые.

Мы медленно идем по Кальверстрат, как всегда, особенно по вечерам, запруженной народом. Кальверстрат в Амстердаме - царство пешеходов, в эти отвоєванные ими пределы не может сунуться ни одна машина. Каким-то чудом обходится без дождя, зато все заволакивает туман, и сквозь его полупрозрачные рваные завесы освещенный мир улицы являет собой странное видение. Неоновые огни реклам, светящиеся витрины, силуэты прохожих - все это проступает так смутно, неясно, как будто на размытом водой рисунке.

- Ты, Морис, вечно какой-то угрюмый, - нарушает молчание Эдит. Странно, в тебе столько энергии, ты бы должен быть жизнерадостным.

- Зато ты само веселье.

- Ага, а откуда мне его брать?

- Возвращайся время от времени к воспоминаниям детства, - советую я.

- К воспоминаниям детства? Ничего более грустного в моей жизни не было.

"Совсем как в моей, - отмечаю про себя. - Только сейчас и мне не до воспоминаний".

- Твой отец был...

- Ужасно кислый и прижимистый, - беззастенчиво лгу я, поскольку мне даже не известно, кто был мой отец.

- А мать...

- Плаксивая, пропахшая валерьянкой, - продолжаю лгать, так как не знаю и матери.

- И все-таки они устраивали тебе елку, дарили подарки...

- Из этих "полезных" и дешевых, что продаются в картонных коробочках, - пытаюсь я импровизировать. - А тебе так-таки ничего не дарили?

- Кто мне мог дарить? В рождество нас водили на елку, ту, что устраивало общинное управление, на ней, правда, висели кое-где игрушки, и каждый из нас надеялся получить подарок, но игрушки с елки никогда не раздавали, потому что нас было так много, что двух десятков игрушек было бы слишком мало.

- Ну вот, все же была елка, - примирительно вставляю я.

- Елка... Елка для детей бедняков... Может ли быть что-нибудь более грустное. Лучше бы их вовсе не устраивали, этих елок для бедных.

Мы выходим на берег канала. Над водой протянулись гирлянды электрических лампочек, сейчас все они горят, поскольку сегодня суббота, и это наводит меня на мысль, что спешить нам некуда и мы можем зайти куда-нибудь посидеть.

В частном, уютно помещении находим свободные места. Столиками здесь служат тщательно отполированные бочонки. На бочонок нам ставят бутылку красного вина и что-то из еды. Люди негромко беседуют, обстановка располагает к отдыху. Но вот перед стойкой появляется длинноногий и длинноволосый юноша с гитарой. "Ну все, - мелькает у меня в голове, придется бежать!" Но счастье в этот вечер нам не изменяет - косматый оказался лиричной натурой; выдав несколько погребальных аккордов, он начинает петь, и его бархатный голос тотчас же овладевает вниманием всех:

Нет, не обещаю тебе безоблачных дней,
безбрежной лазури и солнца.

Мне по сердцу дождь, этот серый туман,
не надо, оставь мне плохую погоду.

Затем идут еще несколько куплетов, напоенных влагой и скорбью, за каждый следует рефрен:

Пускай меня хлещут
и ветер, и дождь.

Что может быть лучше
плохой погоды?

- Полезная мораль, - замечаю я, когда длинноволосый заканчиваю свою элегию. - Поскольку плохого в жизни куда больше, чем хорошего, не остается ничего другого, кроме как смириться с ним.

- Примиренческая позиция, - брезгливо морщит нос Эдит. - Ненавижу я ее. - И добавляет: - А песня хорошая.

"Да и вино неплохое", - готов продолжить и я, чтобы не заниматься пустыми разговорами, заказываю вторую бутылку.

Наконец мы выходим на улицу. Ночь совсем как в той песне. Моросит дождь, на ветру мечутся тучи водяной пыли, раскачиваются гирлянды электрических лампочек, а в канале неслышно струится вода, унося желтые и лиловые отражения огней. Мы медленно идем по набережной, не обращая внимания на дождь, совсем как старожилы. Я уже намериваюсь повернуть в переулок, ведущий к дому, но Эдит ловит меня за руку.

- Пройдемся еще по набережной.

- Ты хочешь сказать - до "Зодиака"?

- Только посмотрим.

- Послушай, Эдит...

- А что в этом особенного, господи! Прогуливаемся, как все люди.

- Тут никогда не бывает прохожих, особенно в такой час. И потом, нам совсем не по пути.

Все же долг кавалера побуждает меня уступить ей, и мы продолжаем медленно идти вдоль канала, подталкиваемые мокрым ветром.

- С чего ты взяла, что в помещение можно попасть лишь через кабинет Эванса? - спрашиваю я как бы ради того, чтобы поддержать разговор.

- Я это знаю.

- Я тоже знаю, но не в это дело. Как ты узнала? Видела сама или выпытала у кого-нибудь?

- Ох, опять ты за свое, - вздыхает Эдит. - Выпытывать я не собиралась, можешь быть спокоен. Достаточно заглянуть к секретарше Эванса да повнимательней приглядеться к фасаду, чтоб в этом убедиться.

- А почему ты думаешь, что там хранится архив, да еще секретный?

- Потому что, когда я однажды копалась в общем архиве и кто-то пришел за каким-то документом, чиновник сказал: "Это не у нас. Это в архиве председателя". Значит, если в "Зодиаке" вообще хранятся какие-то бумаги по части особо секретных сделок, то искать их следует в архиве Эванса, а не в общем архиве.

- Глупости! Как ты не можешь понять, Эванс в этом учреждении только для парада.

- В торговых делах - да. Но я полагаю, что у этого человека есть и другая специальность...

- У каждого есть вторая специальность. Одни в свободное время ходит на рыбалку, другие собирают почтовые марки, третьи занимаются шпионажем. Экономическим, конечно.

- Ты просто невыносим.

- Но если у Эванса есть архив, - продолжаю я, стараясь укрыться под зонтом Эдит, - и если в этом архиве действительно хранятся серьезные вещи, он бы не стал доверять их местному человеку вроде Ван Альтена.

- Ван Альтен вовсе не местный. Его привезли из Америки, куда он эмигрировал во время войны.

- Ты из пальца высосала?

- Случайно узнала, - отвечает женщина.

Мне не терпится возразить на это "случайно", но Эдит, шикнув, замирает у самого моста.

Прямо перед нами высится темный фасад "Зодиака". В сущности, это четыре старых узких здания, прижавшихся друг к другу. Внутри их основательно переоборудовали и соединили коридорами. Здания трехэтажные, только одно, угловое, имеет четыре этажа. Весь третий этаж в нем занимает кабинет Эванса с приемной, в которой находится секретарша. Если в приемной никакой лестницы нет, очевидно, в помещении под кабинетом можно попасть только через кабинет самого Эванса.

Четвертый этаж, к которому сейчас прикованы наши взгляды, имеет два окна, и оба плотно закрыты железными ставнями.

- Смотри! - шепчет Эдит.

Сквозь узенькую щелочку под ставне пробивается желтоватый свет.

- Похоже, Ван Альтен еще роется в архиве, если это вообще архив, бормочу я.

- А может, ночное дежурство, - высказывает предположение Эдит.

- Пошли, - говорю я, - а то снова пустили душ.

Дождь и в самом деле усилился. Не успели мы тронуться с места, как хлопнула парадная дверь "Зодиака". Прямо на нас шел человек. Эдит удалось разглядеть: это был Ван Альтен. Но желтый свет продолжает цедиться сквозь щелку под ставней четвертого этажа.

Я быстро поворачиваюсь спиной к зданию, обхватываю обеими руками женщину и долго целую ее. И не знаю, ее ласковые губы тому причина, или эта дождливая ночь, или рассказ про елку для бедных, но объятия мои вдруг становятся сильными и страстными и продолжаются до тех пор, пока проследовавший мимо нас человек не повернул на мост.

- О Морис! Ты еще никогда меня так не целовал, - произносит Эдит после паузы.

7

Итак шел сентябрь. Остается только добавить, что речь идет о втором. Уже год, как меня приютил Амстердам и я живу в большом семействе "Зодиака", а от цели я все так же далеко, настолько далеко, что у меня даже нет четкого представления, какова она, эта цель.

Я сижу в своем кабинете и просматриваю сегодняшнюю почту. Нависшие дождевые тучи лениво ползут к морю, и небо от них какое-то лилово-серое. Иногда между тяжелыми тучами образуется небольшой проем и сквозь него падает сноп солнечных лучей, ярко освещая какую-нибудь колокольню, окрашенную в зеленый цвет, или крутую черепичную крышу. Но тучи быстро смыкаются, и на улице снова делается уныло и сумрачно, как в погребе.

Моя секретарша на месте, то есть целиком в поле моего зрения, всякий раз как я отрываю взгляд от писем. Она погружена в чтение какой-то книги, вероятно по истории кино. После "серьезного джаза" это второе увлечение Эдит, для меня столь же необъяснимое, как и первое. Смотреть фильмы - это еще куда ни шло, по крайней мере можешь убить время. Но слепнуть над томищем, чтобы узнать, кто, как и с какой целью делал эти фильмы, такое уже не укладывается в моем воображении. Я бы легко мирился с этой причудой моей секретарши, не отвлекая она меня от раздумий своей манерой сидеть, небрежно закинув ногу на ногу.

Было бы несправедливо утверждать, что я пухну от безделья. Напротив, со сделками все обстоит благополучно, и мы с Карлом Ришаром, как последние дурачки, радуемся тому, что "Хронос" прочно обосновался на некоторых рынках и уже прокладывает себе путь на Запад. Среди лежащих передо мной писем есть довольно пространные. Это свежие заказы, и мне невольно приходит в голову мысль, если бы и в другом деле все складывалось так же удачно, можно было бы пуститься в пляс.

Однако с другим делом у меня что-то не клеится. Искусство ждать. И все-таки ожидание не всегда приближает нас к цели. Можно терпеливо, до самоотвержения ждать поезда там, где он не проходит. Порой мне начинает казаться, что я в аналогичном положении. Я обосновался в "Зодиак" и воображаю, что совершил бог весть какой подвиг, а, в сущности, у меня нет никаких доказательств, что "Зодиак" не просто коммерческое предприятие. Наоборот, наблюдения убеждают меня в том, что это обычная, хотя и весьма солидная, фирма, поддерживающая деловые отношения чуть ли не со всем миром и торгующая всевозможными товарами: стиральными машинами и холодильниками, пылесосами и электрическими плитами, электробритвами и фотоаппаратами, радиоприемниками и телевизорами и даже часами "Хронос". Короче, располагающая всем, кроме необходимой мне информации.

Ван Вермескеркен поглощен торговыми операциями. Начальник отдела вроде меня может войти к исполниту в любое время и ничего подозрительного не обнаружит. Какой отдел ни возьми, шефы корпят над бумажками. Один Адам Уорнер несколько менее доступен, но и его задачи едва ли выходят за рамки подбора кадров. Эванс, можно подумать, вообще ничем не

занимается, разве что устраивает приемы, подписывает контракты да время от времени встречается с приятелями по случаю очередной попойки. А для председателя такой фирмы, как "Зодиак", это вполне нормально - ничего не делать.

Когда я спросил однажды у Эдит, как ей удалось выведать, что у Эванса есть вторая специальность, женщина ответила:

- Я и не старалась выведывать. Просто у меня есть глаза.

- Я тоже не слепой.

- Да, но ты бегаешь по коридорам и не роешься в архиве, как я. У Эванса, который ничего не делает, слишком большой личный персонал.

- Персонал, состоящий из двух человек.

- И еще трех-четырех, что не находятся при нем неотлучно.

Позже я убедился в ее правоте. Только те трое-четверо, что не находятся при нем неотлучно, скорее всего, выполняют работу прислуги. Хозяин, пусть он даже дутая величина, не может обходиться без слуг, раз он владеет роскошным особняком и загородной виллой.

Райман. Во всей задаче пока что это единственное неизвестное, которое мне удалось найти. Но сколь велика от этого польза? Одно время мой контакт с Моранди казался мне пределом мечтаний. Сейчас я в контакте даже с его шефом, и в каком контакте - нас связывает почти дружба. И все-таки мне кажется, что я осужден вечно дожидаться поезда, который либо вообще не существует, либо проходит где-то в сотнях километров отсюда.

Эдит вправе упрекать меня в самоуверенности. Иной раз я потрясаю этим для остротки, однако только мне ведомо, насколько присуща мне самоуверенность, особенно после года бесплодного ожидания.

Имей я в своем распоряжении людей и необходимую экипировку, Райман наверняка привел бы меня к следующему звену в цепи. Только это все пустые мечты, чтобы коротать время. Вся моя команда - это я сам, а согласно инструкциям, подслушивание и слежка - вне полученных мною правил игры. Не говоря уже о том, что в данных условиях это трудноосуществимо. Разумеется, у меня есть некоторая аппаратура - мои глаза и уши, - которая тоже могла бы выполнять определенную работу, если принять во внимание, что почти каждый день я встречаюсь с Райманом, чтобы распить бутылочку мартини. Но и в этих интимных беседах наши откровения ограничиваются общими темами о погоде, о новых фильмах, о женщинах как таковых, да о проблемах рекламы. Последний, более серьезный разговор состоялся после того, как меня вызывал к себе Уорнер.

- Впутались мы в историю, - пробормотал тогда конопатый. - В сущности, я тебя впутал. Хорошо, что все обошлось благополучно. Прости и забудь!

Вот и все, если не считать того, что мы съели и выпили.

Не стал я ни прощать, ни забывать, и Райман по-прежнему остается у меня на примете, но толку от этого пока никакого. Конопатый постоянно разъезжает - то он в Венеции, то в Женеве, он же устраивает встречи, обеды в честь того или другого лица, и вся эта суэта вполне естественна для такого бога рекламы, как Райман, но для того, чтобы понять, где кончается то, что естественно, и начинается нечто другое, надо обладать целым взводом помощников, и притом не третьеразрядных.

Я уже заканчиваю просмотр корреспонденции, во время которого позволяю себе заниматься обдумыванием вещей вроде тех, о которых только что шла речь, как в коридоре раздается

мелодичный и многообещающий звонок: сегодня пятница, конец рабочего дня, конец рабочей недели. Эдит отрывает глаза от книги и смотрит на меня, но, так как я все еще занимаюсь письмами, она снова погружается в чтение. Это мне нравится в ней: чиновничьи замашки ей не присущи.

Едва замолчал звонок в коридоре, зазвенел телефон. Секретарша отлично знает, кто мне может звонить, поэтому нажимает на кнопку, и я поднимаю трубку.

- Морис, зайдём выпьем по стаканчику или ты торопишься домой, мой мальчик?

- Я не против, при условии, что угощаю я.

- Чудесно. Через пять минут в кафе.

Вручив папку с корреспонденцией Эдит, я встаю.

- Мы с Райманом заглянем в кафе на углу. Пойдем, если хочешь.

- Ну нет, мерси. Только смотри, чтоб он тебя не потащил по всяким там стриптизам. Мы приглашены на вечер к Питеру.

Еще одна положительная черта в характере моей секретарши: она способна предоставлять свободу, не следует тенью, как ревнивая жена.

Раймана я застаю за столиком у самого окна. Столики здесь маленькие, потому что и само кафе невелико; кокетливое заведение, отделанное пластиком, с неоновым светом, с зеркалами, рассчитано на пять-шесть человек, хотя здесь находят уют добрых три десятка детей "Зодиака".

- Давай возьмем целую бутылку, а? - предлагает конопатый, когда я усаживаюсь напротив него. - Надо пожалеть официанта, смотри, какое столпотворение.

Целая бутылка мартини - многовато для скромного аперитива, однако опасность не столь велика, если учесть, что мой партнер опрокидывает рюмки как в прорву. Нам приносят ведро со льдом, бутылку и газированную воду, и Райман с видом профессора, готовящегося к ответственной лекции, наполняет бокалы. У него всегда серьезный вид, особенно перед большой выпивкой. Пропускаем по глотку мартини, чтобы определить его температуру. Потом следует вступительный вопрос:

- Ну, что нового?

И мой неизменный ответ:

- Если не считать очередных сделок, ничего.

В трех шагах от нас, возле бара, пьет и ведет беседы низший персонал. До меня долетают обрывки фраз. Ничего существенного. Всегда ничего существенного. За окном размеренным шагом проходят Ван Альтен с поникшей головой.

- Подобные типы - для меня загадка, - говорит Райман, завидев архивариуса.

- Для меня тоже. Особенно этот. Но об этом лучше помалкивать.

- Я ни разу не видел, чтобы он зашел в кафе...

- Вероятно, ему не хватает денег.

- И он не в состоянии расстаться со своей траурной маской.

- А может, страдает печенью.

- Возможно. А что касается денег, то я с этим не могу согласиться. Я и сам вынужден считать деньги, однако это не мешает мне жить по-человечески.

- На избыток денег никто никогда не жалуется, - философски замечаю я.

Райман задумчиво смотрит на меня, потом говорит почти шепетом:

- Если бы наш дорогой Адам не совал всюду свой нос, у нас их было бы куда больше, и у меня, и у тебя.

- Ты думаешь?

- Я в этом уверен.

- К сожалению, у этого Уорнера достаточно длинный нос.

- Не такой уж он и длинный. Тут, скорее, виновата моя наивность. Этот человек так умеет заморочить тебе голову своими вопросами, что, сам того не ведая, можешь обронить что-то, что можно было бы и не выкладывать. Но это послужит мне уроком. В конце концов, мы боремся за дело свободного мира, а не ради выгоды. Верно?

- По правде сказать, Конрад, дела свободного мира мало меня интересуют, если они не приносят мне выгоды. Может, это покажется тебе меркантильным, но жизнь слишком коротка и дается нам один раз, так что...

- Совершенно верно! И все-таки, если хорошие доходы приносит твоя деятельность на благородном поприще, то удовлетворение больше...

- Тут ты прав, - соглашаюсь я в свою очередь. - Гарнир - вещь полезная, и все же она остается гарниром.

Единомыслие в затронутом вопросе вдохновляет нас налить еще по рюмке и выпить, глядя друг на друга с чувством полной солидарности.

- Если ты готов хранить тайну, то, мне думается, мы могли бы сострять кое-что полезное для нас обоих. - Райман опять переходит на шепот.

- Конрад, я твой друг, и, надеюсь, я это доказал. Но мне бы не хотелось рисковать своим местом...

- Такой опасности не существует, - успокаивает меня конопатый. - Все будет идти своим чередом. Несколько поездок на Восток с целью расширения рынков. Ездить будешь ты один, так что никаких свидетелей. Ван Вермескеркен тебе не откажет - это в интересах дела.

- А риск?

- Минимальный. Выгода куда больше. Впрочем, ты в этом сам убедишься.

- Но я не располагаю данными.

По губам Раймана скользит едва заметная усмешка.

- Считай, у тебя в кармане пять тысяч за удар.

- Ты меня искушаешь, Конрад.

- Я оказываю тебе мелкую услугу, и только.

Помолчав, я говорю как бы в раздумье:

- Скверно то, что минимальный риск, когда он часто повторяется, перестает быть минимальным. Если тебя не сцапают в пятый раз, то уже в десятый это случится наверняка.

- До десятого дело не дойдет, - качает головой Райман. - Если ты занялся подсчетом барышей, то не стоит умножать цифру пять с тремя пулями больше чем на шесть. По одной поездке в каждую социалистическую страну. Так что риск остается минимальным.

- Ты и в самом деле искушаешь меня, Конрад.

- Подумай! - усмехается конопатый, снова наполняя бокалы.

Потом неожиданно меняет тему разговора:

- Как себя чувствует наша дорогая Эдит?

Я что-то бормочу в ответ: неплохо, мол.

- Редкая женщина! Не будь она выше меня ростом, тебе, мой мальчик, пришлось бы ох как страдать от ревности.

Отпив мартини, я терпеливо готовлюсь к разговору на затронутую тему. Раз уж речь зашла о гарнирах, этот человек в момент выпивки не может не коснуться области секса.

Домой я возвращаюсь в несколько приподнятом настроении и, зайдя к Эдит, вслух недоумеваю и дивлюсь, как это иные люди в предпраздничный день способны валяться в постели.

- Ты бы мог постучать, - говорит секретарша, лежа на кровати в одной комбинации с книгой в руке, проигрыватель оглашает комнату саксофонной истерией.

- На лестнице я подумал, что надо бы обязательно постучать, но в последний момент забыл, - оправдываюсь я.

- Не удивительно, если учесть твое состояние, - отвечает секретарша и, поднявшись, начинает одеваться.

Было бы наивно полагать, что сосуществование с этой редкой женщиной не что иное, как сплошной медовый месяц. Замечу для ясности, что Эдит чем-то напоминает здешний климат - бесконечная череда туч, потом немножко солнца, потом снова пять часов подряд пасмурно, какой-то минорный сумрак.

В поисках минутного уединения выхожу на террасу, в этот райский оазис с вечнозелеными кустарниками, с которых скатываются капли только что выпавшего дождя. Наконец-то после целого года истязания медленным огнем я получил открытое предложение. Выходит, Райман действует самостоятельно, то есть по своей линии, вне "Зодиака", и люди "Зодиака" используются не потому, что они относятся к этой фирме, а потому, что они с Райманом на короткой ноге.

Проще простого, и все же я не могу в это поверить. Пристальный интерес Бауэра к "Зодиаку" - не зря же он обеспечил мое проникновение сюда, - предельная осторожность, и мнительность Уорнера, настойчивая слезка в первые месяцы, посылка в Болгарию с целью проверки - не закрывать же на все это глаза.

Более вероятно другое; Райман действует в соответствии с инструкциями "Зодиака", точнее - по инструкциям самого Уорнера, однако смысл инструкций в том именно и состоит, что Райману подлежит действовать от своего имени и даже вроде бы против воли администрации. Год назад я истолковал бы это мизансцену как признак непрочного доверия. Теперь доверие ко мне заметно упрочилось, однако мизансцена сохраняет свое значение как мера предосторожности или как характерная особенность стиля работы. В случае, если я или кто другой провалится, "Зодиак" остается непричастным, все внимание сосредоточится на Раймане и его воображаемом вдохновителе.

- Закрой, ради бога! Холодно... - слышится голос Эдит.

"Холодно? - мысленно переспрашиваю я, прикрывая дверь. - Потрогай мой лоб, тогда узнаешь, холодно или жарко". У меня жар не столько от выпитого martini, сколько от всех этих нерешенных вопросов, которые играют в чехарду у меня в голове, образуя там хаотические нагромождения.

Райман, по всей очевидности, доверяет мне. Полагалось бы радоваться: меня включают в систему. А что получается на деле? В системе мне отводится роль шестеренки, которая ничего не должна знать, кроме двух соседних шестеренок; с одной стороны, конопатый, с другой - местный предатель, с кем мне придется иметь дело единственный раз. Пять тысяч за удар. Но каждый удар и даже все шесть, взятые вместе, не принесут больше того, что мне уже известно.

Метод работы - по крайней мере с внештатными сотрудниками - уже ясен: по одной поездке в каждую социалистическую страну, после чего ты выходишь из игры или навсегда, или на долгие годы, как случилось с Моранди. При таком положении вещей риск для внештатников действительно невелик, что же касается штатных, то они и вовсе ничем не рискуют. Правда, из этих штатных мне знаком только один, и у меня нет никаких шансов расширить круг подобных знакомств.

Я смотрю - в который уже раз в течение года! - на фасад "Зодиака", смутно вырисовывающийся в вечернем сумраке, там, между крышами домов. Все этажи трех прижавшихся друг к другу зданий не представляют никакого интереса: внизу - канцелярия с окошками для посетителей, повыше - службы отдельных департаментов, еще выше - руководители отделов, среди них шеф "Хроноса". А вот четвертый этаж углового здания с единственной комнатой над кабинетом Эванса заслуживает самого пристального внимания. Он едва виднеется в сумраке, тот четвертый этаж с двумя наглухо закрытыми окнами, однако я его вижу достаточно хорошо, или мне только кажется, что я его вижу, поскольку мне уже осточертело на него глядеть. И, как это не раз бывает, у меня в голове начинают копошиться всякие шальные идеи, войти в кабинет, швырнуть в лицо Эванса что-нибудь усыпляющее и взобраться по лестнице наверх. Глупость. Чистейшая глупость. Либо карабкаться с крыши на крышу, пока не доберусь до углового здания. Крыши крутые, но разве это крутизна для альпиниста? Глупость? Чистейшая глупость. При помощи веревки с крючком можно забраться на крышу четвертого этажа. Там есть слуховое оконце, правда заколоченное. Но его можно и открыть. А потом? Потом залезть на чердак. Есть чердак, должен быть и лаз. Если его нет, можно проделать. Таким образом, я добираюсь до комнаты. И до сейфа. На этом, ясное дело, все кончается. Несусветная чушь.

- Пожалуй, мы можем идти, - оповещает Эдит, выглядывая из-за двери. Конечно, если ты проветрился.

- Мне показалось, что я проветрился, но теперь, когда я вижу тебя, у меня снова голова идет кругом.

- Ты просто глупеешь от пьянства, - сухо замечает она. - А воображаешь, будто становишься

ужасно остроумным.

- От пьянства и от любви, - поправляю я ее. - У тебя такой вызывающий вид в этом платье, что человеку трудно удержаться от искушения потрогать тебя.

Эдит и в самом деле очень хороша в нарядном, хотя и без особых претензий, платье приглушенно-розового цвета из брюссельских кружев. Еще одно немаловажное достоинство этой женщины: чувство меры. К сожалению, это платье слишком заужено в талии и, на мой взгляд, слишком подчеркивает ее прелести.

Не обращая внимания на мою болтовню, Эдит надевает плащ, берет неизбежный в условиях этого города зонт, и мы отправляемся к Питеру Гроту.

Мой приятель Питер Грот - художник и по чистой случайности живет на этой же набережной, где находится "Зодиак". Свое ателье он устроил в мансарде углового здания, в нижнем этаже которого располагается наше любимое кафе. Поэтому, когда я в мыслях принимаюсь грабить тайный архив "Зодиака", я всякий раз начинаю с того, что наношу моему другу удар в зубы, ошеломляю его, затем с помощью какой-нибудь стремянки забираюсь на крышу и отправляюсь в рискованное путешествие.

Правда, у этого Питера такая хилая фигура, что если дать ему разок по зубам, то после этого он едва ли станет на ноги, чтобы продолжить свой жизненный путь. Хилый и худой, как вешалка, он обретает некоторую устойчивость вопреки всем законам природы только в том случае, когда пропустить в свою утробу изрядное количество спиртного. После этого его расслабленные конечности обретают жесткость, позвоночный столб деревенеет, как бы превращается в собственно столб, слова звучат воинственно, хотя и несколько неясно, как будто доносятся из морских глубин.

К моменту нашего прихода художник пребывает в начальной стадии одеревенения, оцепенеть успели только нижние конечности, и потому он весьма напоминает вышагивающий циркуль. Питер открывает нам дверь, в доказательство своего радушия издает какой-то возглас, помогает Эдит снять плащ и вводит нас в свое ателье. В помещении до такой степени накурено, что в первый момент мужские физиономии, женские бюсты и абстрактные картины воспринимаются словно растворенные в сизом табачном дыму. Кроме нас присутствуют официальная приятельница Питера Мери и два художника с женами - этих я смутно помню после какой-то попойки, куда они пожаловали уже под конец. Женщины одеты так, что платье Эдит кажется мне скромным до целомудрия. Жены художников пришли в юбках, едва прикрывающих манжеты их чулок, а у Мэри, чьи гигантские формы исключают подобную фривольность, такое декольте, что бюст ее, того и гляди, освободится от корсажа. К слову сказать, эта рубенсовская Венера раза в два выше Питера и в три раза шире его, так что он вполне мог бы устраиваться на ночлег между двух ее симметричных холмов, если бы не угроза задохнуться.

- Что бы вам предложить закусить? - спрашивает хозяин, шаря костлявыми руками среди множества бутылок - тарелок с едой и бутербродов на столе куда меньше.

После короткого колебания Питер выхватывает бутылку мартини - он уже знает мой вкус - и церемонным жестом подносит нам налитые доверху бокалы. Притихшие было гости вдруг загалдели с такой силой, что Эдит от неожиданности чуть не уронила бокал.

- Твой Матио мошенник! - кричит один из художников.

- Зато остряк! А вот Поляков скучен - дальше некуда! - перебивает его второй.

- О божественный Поляков! - раздается восхищенный женский голос, от которого звенит в ушах.

- Поп-арт всех вас забил! - надрывается другая дама.

- Поп-арт сродни грязному унитазу, - гундосит хозяин, покачиваясь, словно циркуль.

И дальше в том же духе. Словом, идет непринужденная беседа.

Поскольку характер разговора более или менее ясен, а упоминаемые имена мне ничего не говорят, я разваливаюсь в кресле, придвинув поближе картины и тарелку с бутербродами, и предаюсь бездумному созерцанию. Эдит, чья умеренная натура не позволяет ей участвовать в этом состязании крикунов, садится возле меня и дымит сигаретой, терпеливо ожидая, пока силы беседующих иссякнут.

Развешанные по стенам картины - дело рук хозяина. Из всех современных мастеров он признает только себя. Это, должно быть, весьма ценные произведения, если принять во внимание количество израсходованной на них краски. Творческая манера Питера характерна тем, что он наносит на фанеру целые килограммы краски, после чего вступает в действие мастерок каменщика.

Познакомились мы с ним случайно, в один из унылых зимних дней, в кафе. Началось, как это обычно бывает, с проклятий по адресу непогоды, затем мы угощаем друг друга, а под конец, когда я по своей бесхарактерности сболтнул, что мне по душе абстрактное искусство, Питер поволок меня в свое ателье, в одной руке - я, в другой - сетка с бутылками.

Возможно, это знакомство осталось бы мимолетным эпизодом в нашей жизни, если бы под действием спиртного мне не пришло в голову на любезность ответить взаимностью. Мой жест выразился в том, что я купил одно из самых монументальных его полотен весом примерно двадцать килограммов. На следующий день Питер с помощью трех грузчиков лично доставил мне приобретенную картину, а когда ее вешали - руководил этой сложной операцией. Сперва он настаивал, чтобы его шедевр был повешен над моей кроватью, но я деликатно воспротивился этому, потому что оказаться раздавленным - это, по-моему, самая ужасная смерть. В конце концов художник уступил и повесил картину в холле, над моим письменным столом, так что с того самого дня я перестал работать дома.

Погрузившись в воспоминания о нашем знакомстве, я, кажется, задремал. Когда меня окружает такой вот неутрахающий галдеж, меня обязательно клонит ко сну.

- Если ты шел сюда спать, надо было прихватить одеяло, - ласково шепчет мне на ухо Эдит.

- Прости, дорогая, но я только прикрыл глаза, ибо то, что я вижу, возмущает мое целомудрие: все эти обнаженные груди, бедра...

- Мог бы смотреть на меня. Я не обнажена.

- Верно. Не совсем.

- И было бы неплохо, если бы и ты выжал из себя два-три словечка, а то мы с тобой сидим, как глухонемые.

Пока я ломаю голову, как включиться в светскую беседу, на помощь мне приходит Питер.

- Милая Эдит, у меня есть для вас сюрприз. Удивительный сюрприз! Тише! - с трудом останавливает он присутствующих и идет в угол, где находится стереофонический проигрыватель.

Мне уже ясно, о какой сюрпризе идет речь. Питер тоже, как Эдит, помешан на джазе. Пуская проигрыватель, художник попадает иглой на середину пластинки, повторяет попытку еще и еще раз, пока наконец игла не приблизилась к началу, затем царственным жестом указал

на проигрыватель; вот, мол!

От динамиков исходит довольно унылое и нестройное брэнчание гитары.

- В этом нет никакого ритма, - осторожно бормочу я.

- Молчи, - осаживает меня Эдит. - Это тебе не твист, а серьезный джаз.

- Не понимаю, почему серьезный непременно должен быть скучным...

С упоением слушая нестройное брэнчание, она зажимает мне рот.

- Джанго Райнгард! - объявляет Питер, совсем как возвещают во дворце: "Его величество король". - Запись совершенно неизвестных импровизаций. Чудом обнаруженная несколько месяцев назад.

- Он поистине фантастичен! - вздыхает Эдит. - Такую пластинку я подарю Доре.

Эта фраза обронена мимоходом и вроде бы не имеет никакого значения. Но я ловлю ее и стараюсь сохранить в памяти. Дора... Что за Дора?.. Вероятно, Дора Босх.

- Они бывают в магазинах? - обращается моя секретарша к Питеру.

Однако вопрос ее тонет в общем шуме, который внезапно усиливается.

- Обожаю Джанго!

- Чепуха! Из пяти старых мотивов он делает один новый...

- Ты бы послушал джаз "Месенджер"!

- А Джерри Малиган...

- Сидней Бекет...

И прочая пеструшка.

Вскоре серьезный джаз сменяется несерьезным.

В динамике теперь звучит банальный рок, который воспринимается спорщиками как гимн примирения, все как один, в том числе и толстая Мери, вскакивают со своих мест и начинают кривляться кто во что горазд. Эдит тоже вовлечена против своей воли в танцевальные страсти. Однако мне удастся выйти сухим из воды - я делаю вид, будто давным-давно уснул.

- Дорогая Эдит, - говорю отеческим тоном, когда мы уже ночью возвращаемся домой, - у меня создается впечатление, что один мой совет, который я когда-то дал тебе, ты не принимаешь во внимание.

- Какой именно? Ты мне даешь столько советов!

- Все тот же: чтобы ты избегала случайных знакомств. Скажи, что у тебя общего с этой Дорой Босх?

- Как это что общего?! Мы обе секретарши.

- Конкретнее!

- Однажды мы с нею встретились в магазине грампластинок на Кальверстрат. Обменялись несколькими словами. Выяснилось, что обе мы помешаны на джазе. Два-три раза дарили

друг другу пластинки. Больше ничего.

- Ты бывала у нее дома?

- Еще нет.

- И не придется. Вообще впредь никаких взаимных услуг, никаких интимностей.

- Знаешь, Морис, я не забываю, что ты мой начальник, но твое опекуновство уже становится невмоготу.

- Оставь эту свою сцену для другого раза. Дора Босх - секретарь Эванса.

- Ну и что из этого?

- А Эванс терпеть не может, когда кто-то вертится вокруг его людей. Счастье, что он не пронюхал о ваших встречах в магазине.

- Тебя преследуют призраки.

- Эванс не призрак. И, должен тебе сказать, твои попытки добиться чего-нибудь через Дору Босх - детская затея. Дора не ступала и не ступит ногой в комнату на четвертом этаже. Так же как и ты. А твоя хитрость кончится тем, что тебя, а с тобой заодно и меня в один прекрасный день выставят из "Зодиака". Поэтому я настоятельно прошу тебя не забывать о нашей первоначальной договоренности.

- Хорошо, Морис! - устало отвечает женщина. - Пусть будет по-твоему. Только не надо так дрожать за свое место.

Выходные дни начинаются в атмосфере холодной войны. В субботу, ссылаясь на то, что она не голодна, Эдит отказывается идти в ресторан. Вечером тоже отказывается выходить из дому, потому что ей хочется спать. Я бы мог ей сказать, что дуется она напрасно, и настоять на своем, но, если человек начинает хандрить, лучше всего оставить его в покое, чтобы он сам избавился от хандры. Совершив небольшую прогулку, я устраиваю себе холостяцкий ужин с пивом и солидной дозой размышлений, затем снова иду гулять. Незаметно для себя оказываюсь на берегу канала. Это один из соединительных каналов, давно не используемый. У его левого берега в тени деревьев стоит на вечной стоянке несколько барж. В Голландии часто беднота живет на таких баржах, превратив их в жилища. Мое внимание привлекает вторая баржа справа. Оконце одного из помещений светится, в нем хорошо виден склонившийся над столом мужчина. Он ест. Это Ван Альтен.

"Ну и что из этого, что Ван Альтен?" - говорю я себе, поворачивая обратно. Райман утверждает, что не может понять этого человека. Я тоже. Правда, мне удавалось несколько раз понаблюдать за ним издали, чтоб лишний раз убедиться, что у этого мрачного человека укоренились автоматические и скучные привычки - от баржи до учреждения, от учреждения до баржи, с коротким заходом к булочнику, зеленщику и бакалейщику. Привезенный из Америки, вероятно, Эвансом, он живет в родной стране как иностранец. Никаких друзей, никаких развлечений, никаких страстей. Он спокойно чувствует в своей комнате без всяких занавесок, поскольку скрывать ему нечего, поскольку у него вообще ничего нет своего личного.

Но отсутствие каких бы то ни было желаний - если это не заведомая глупость или проявление маниакального аскетизма - тоже подозрительно. Обычно человек подавляет свои желания во имя чего-то, тщательно скрываемого от окружающих. Какова же тайная страсть Ван Альтена и есть ли у него вообще такая страсть?

Только к чему все это? Ван Альтен лишь маленькая деталь в сложном механизме, который

необходимо постичь, чтобы проникнуть в стальной сейф "Зодиака". В здании фирмы Ван Альтен никогда не остается один, у входа всегда бдит портье; наверху, в комнате, где хранится архив, наверняка есть дежурный, если судить по узенькой полоске света. Ван Альтен не располагает ни малейшей возможностью что-либо вынести оттуда, так же как я не в состоянии заставить его это сделать.

Ван Альтен - это то же, что Дора Босх, - одна из системы букв, образующих в определенной комбинации нужное слово. Вот чего не способна уразуметь моя секретарша, отваживаясь на столь глупый риск. А может, она уразумела, только нервы у нее больше не выдерживают - "Фишер и К", - и скрывающиеся за "Фишер и К" слишком ее торопят. Эдит, видимо, все же поддерживает с ними связь - письменную или встречаясь с кем-то - и, вероятно, снабжает какими-то скудными сведениями, по мере того как ей удастся что-нибудь выведать во время посещения архива или разговоров в кафе. Ее задача куда проще - на экономические секреты никто серьезно не смотрит. А вот те, что стоят за спиной "Фишер и К", должно быть, ждут большего, они-то и давят на нее, и она запросто может сделать неверный шаг, если ее не придержать.

Чтоб она не натворила глупостей, самое верное средство - отправить ее в родные места, но позволить себе такую роскошь я не могу, поскольку это не соответствует ни желаниям моим, ни возможностям. В моем положении не мешает иметь лишние глаза и уши, не говоря уже о прочих положительных достоинствах моего секретаря.

Я снова на оживленных улицах, а мысли мои непрестанно копошатся вокруг загадочного ключа от проклятого сейфа. Верно, Ван Альтен и Дора Босх лишь буквочки в сложном слове-ключе. Но эти буквы при случае могут сыграть свою роль. В конце концов, ведь слово состоит из букв. Потому все они должны быть налицо.

В воскресенье Эдит соблаговолила спуститься ко мне. Обычно в этот день мы обедаем дома, она сама готовит что-нибудь нехитрое из того, что есть в холодильнике.

- Что тебе приготовить на обед? - спрашивает она чисто служебным тоном.

- Какой-нибудь суп - может, от него улучшится настроение.

- А что с твоим настроением?

- Ничего. Я имею в виду твое.

- Если бы ты действительно заботился о моем настроении, ты бы вел себя более прилично, - заявляет Эдит и удаляется на кухню.

Коль скоро она взялась философствовать, дело пошло на поправку. Будем надеяться, обязанности хозяйки ускорят процесс выздоровления.

Обед, приготовленный моей секретаршей, хорош тем, что не таит никаких неожиданностей: томатный суп и бифштекс с жареным картофелем. Разговор во время обеда - тоже. Здесь дома, разговор у нас не клеится. Не знаю, кто придумал эту глупую фразу: "Чувствуй себя как дома". Когда я дома, при каждом слове я вижу катушку с магнитофонной пленкой, которая неумолимо вращается где-то рядом. Внутреннее упрямство заставляет меня подолгу молчать. То, что катушка вертится впустую, доставляет мне удовольствие. Но поскольку молчание при известных обстоятельствах тоже говорит кое о чем, я не могу позволить себе молчать и тогда приходится прибегать к пустой болтовне.

- Дорогая Эдит, - говорю я, прожевывая бифштекс и заглядывая в местный еженедельник, - тут пишут о том, что великие державы ищут пути к взаимопониманию. Не пора ли и нам последовать их примеру?

- Я себя не причисляю к великим, - отвечает она. - В отличие от тебя.

- Я - тоже. Правда, порой я напускаю на себя важность, начинаю куражиться. В общем, я кажусь лордом только тем, кто не знает, что у меня этот костюм единственный.

- Сегодня ты на удивление скромн, - сухо замечает секретарша. - Но это тоже поза. Нет, у тебя масса костюмов. Только все они карнавальные.

И все в подобном духе - фразы, слова, паузы, а машина, стоящая где-то рядом, глотает их, чтоб превратить в десятки метров пленки, в документ, не имеющий ровно никакого значения.

Досаднее всего, что эта невидимая машина подстерегает меня и вне дома. В ресторане и даже на улице, когда, почувствовав себя свободной, Эдит пускается в разговоры, совершенно невозможные дома, я не перестаю думать о скрытом микрофоне и вращающейся катушке, которая неумолимо отпечатывается и накручивает слово за словом, все, о чем бы мы ни говорили. Но человек ко всему привыкает. И всему плохому, существующему на свете, придумывает оправдания. Я, например, утешаю себя тем, что в наше время мысли пока что никому не удастся записывать. И спешу воспользоваться этим. Голова прямо раскалывается от дум. Хотя и без пользы.

Наступившая рабочая неделя обещает такую же скуку, какую я равными дозами принимаю столько недель подряд: подготовка предложений, переписка, просмотр почты, телефонные разговоры или пятиминутные доклады Вермескеркену. Но во вторник разыгрывается аттракцион, не укладывающийся в привычные рамки.

Пробило пять часов, мы с Эдит отправляемся домой, и уже на тротуаре перед нами вырастает Райман.

- Ах, какая удача! Меня послали за вами! Шеф приглашает вас на небольшой коктейль.

Он ведет нас к стоящей поблизости машине, и, поскольку это черный "роллс-ройс" Эванса, спрашивать, о каком шефе идет речь, нет надобности.

- Как это вдруг вспомнили о нас? - спрашивает Эдит с кислой миной, когда мы трое тонем на широком кожаном сиденье и бесшумная, словно катафалк, машина трогается с места.

- Сами понимаете, такого рода дела происходят или неожиданно, или вовсе не происходят.

Глядя на его бледное лицо и мутные глаза, можно предположить, что он прикладывается с самого утра.

- Мы начали вчера, - поправляет меня Райман, как бы угадав мою мысль. - Я должен тебе сказать, наш Эванс исключительный человек. Сам я, как тебе известно, довольно-таки стоек, но перед шефом готов снять шляпу. Ничего с ним не делается, чемпион, да и только.

"Шеф у себя на вилле". На жаргоне "Зодиака" это означает, что у Эванса запой.

Председатель пускается в разгул редко, и это все стараются держать в тайне, а как же иначе - сан. Но, поскольку, войдя в раж, Эванс веселости ради приглашает на виллу и случайных женщин, отзвуки таких пирушек слышны подчас очень далеко.

- Пожалуй, мы едем не вовремя, - бормочу я. - С опозданием на денек-полтора.

- Глупости! Ты не знаешь Эванса: для него веселье только начинается. Хотя началось оно, в сущности, вчера. Сначала решили вспрыснуть сделку с "Калор". А когда стали пить по третьей, шеф мрачно поглядел на нас и говорит: "У меня дурное предчувствие!" Вот до чего хорошо соображает! Исключительный тип этот наш Эванс!

- У меня тоже дурное предчувствие, - все еще с раздражением заявляет Эдит. - Мы произведем на всех плохое впечатление. Трезвые всегда производят неприятное впечатление.

- Не бойтесь! - Райман делает небрежный жест рукой. - Уймите ваше сердце, мадам, и не бойтесь! Разве можете вы произвести плохое впечатление, даже если бы вы того хотели?... А потом, вам нечего стесняться, можете производить такое впечатление, какое вам хочется. Наш председатель не придирчив... Исключительный человек!

Оставив позади городские улицы, машина катит по шоссе в сторону Гарлема. Спина шофера, сидящего перед нами за стеклом, могуча и невозмутима - в стиле "роллс-ройса". Мы сворачиваем на проселок, и за окнами начинают мелькать деревья, редкие и тоненькие, потом деревьев становится больше, теперь они уже более крупные, наконец мы въезжаем в настоящий лес. Здесь царит сумрак и влага. Замедлив ход, машина делает плановый поворот и останавливается перед широкими железными воротами. Шофер нажимает на клаксон, ворота бесшумно распахиваются, и "роллс-ройс" едет по длинной извилистой аллее, образуемой высокими каштанами. Минуту спустя сквозь листву каштанов проглядывают белые стены двухэтажной виллы в стиле модерн, и мы останавливаемся перед парадным входом.

Компания разместилась в огромном холле, и напоминает она не столько подгулявших, сколько чем-то ошеломленных людей. Мужчин здесь только двое Эванс и начальник отдела радиоаппаратуры Пауль Франк, невысокий, плечистый, плотно сбитый субъект с вечно торчащим в углу рта мундштуком. Женщин вдвое больше, и вид у них такой, будто их доставили сюда напрямик с улицы. Все сидят в креслах вокруг низенького столика, сплошь заставленного бутылками и бокалами. Из приемника, откуда-то из глубины комнаты, доносятся приглушенные звуки танго, но присутствующие глядят в пол и словно слушают не танцевальную мелодию, а колокольный звон на собственных похоронах.

Наше появление среди этого траурного уныния воспринимается как второе пришествие. Эванс торжественно, хотя и немного сутулясь, встает нам навстречу, целует руку Эдит, благосклонно здоровается со мной и ведет нас к дивану.

- Разве я не говорил, что Конрад вернется, - самодовольно вещает Пауль Франк. - Конрад стоящий тип! Конрад не способен выкидывать номера, хотя и работает в рекламе.

- Кони, миленький! Иди сюда! - лепечет в пьяном умилении красивая смуглянка.

Райман подсаживается к ней, а мы с Эдит устраиваемся на диване по обе стороны от Эванса.

- Не стану вам досаждать представлениями, - добродушно говорит шеф. Все мы здесь люди свои.

Он и в самом деле не настолько пьян, чтобы потерять самообладание, но усилие, с каким он контролирует свои движения, говорит о том, что выпил он изрядно.

- Правильно, ни к чему нас представлять, - подхватывает одна из женщин, тощая, с бледно подкрашенными губами. - Важнее другое - кто нам будет наливать.

Пауль Франк вскакивает и с готовностью перебирает бутылки на столе.

- Что тут наливать, когда все уже выпито... кроме джина. Кому налить джину?

- Ни в коем случае! - восклицает Эванс. - Употребление джина строго запрещено! Мы будем пить только легкие напитки.

Он поворачивается к открытой двери и горланит с неожиданной силой:

- Ровольт, дружище! Где же твои прохладительные?

- Все готово, - слышится хриплый голос из соседней комнаты.

В дверях показывается человек по имени Ровольт, он держит огромный поднос, заставленный бутылками виски, содовой, бокалами, льдом. Вся еда маслины на крохотной розетке. Франк отечески обращается к женщинам:

- Уберите-ка со стола, родненькие!

Две рослые дамы с молодыми, но далеко не свежими лицами почти одновременно встают со своих кресел и не слишком ловко раздвигают посуду на столе, освобождая место для подноса. Ровольт с ужасающим звоном ставит свой груз, выпрямляется, и я узнаю его. Это тот самый мужчина с блинным бледным лицом и в зеркальных очках, что охал тогда в "бьюике". Очки у него в этот раз не зеркальные, а с дымчатыми стеклами, но выражение лица все такое же - отсутствующее и оттого страшное своим безучастием.

- Наливай в чистые бокалы, дружище! - подает голос Эванс.

- А я что делаю... - бормочет Ровольт тоном избалованного слуги, который не привык, чтоб его поучали.

Откупорив бутылку виски, он для удобства сдвинул чистые бокалы в одно место и стал разливать, не обращая внимания на струйку, стекающую на поднос. Потом, считая свою миссию законченной, садится в кресло и закуривает. Во всей компании Ровольт, похоже, единственный непьющий.

Каждый берет по бокалу, очевидно со смутной надеждой, что, может быть, сейчас все переменится к лучшему. Не будучи большим оптимистом, я тоже тянусь к подносу. Эванс поднимает свой бокал:

- За наших новых гостей!

Я решил не оставаться в долгу:

- За хозяина!

А сухопарая красотка с белыми губами добавляет:

- И за всех остальных!

- Чудесно! - соглашается Эванс, отпив солидную порцию. - Все тосты чохом. Это и есть наш стиль: время - деньги.

Покончив с официальной частью, хозяин обращается к моей секретарше и вполголоса выдает ей комплимент по поводу ее платья. Платье ничем не примечательное, так же как его банальный комплимент, и на эти пустяки не стоит обращать внимания, потому что взгляд Эванса, насколько меня не обманывает мое зрение, прикован к ее коленям, выступающим из-под платья.

Еще комплимент; хотя я и не расслышал, он, по всей вероятности, должен послужить мостом от мертвой материи платья к живой плоти его хозяйки.

- Вы заставляете меня краснеть, - смущенно говорит Эдит, отклоняя любезность, чтобы вызвать очередную; отвратительная женская манера.

Конечно, теперь следует новая словесная ласка. Секретарша смеется, как будто ее пощекотали.

Эванс на время возвращается к своим обязанностям хозяина и, приветливо обращается ко мне, поднимает бокал:

- Еще по глоточку, а?

Глоточки у нас с ним на один аршин, потому что оба бокала осушены, как по команде.

- Вы начинаете мне нравиться, мой мальчик! - признается Эванс, с одобрением глядя на мой бокал. - Ровольт, открой еще бутылку, дорогой!

Ровольт отрывает взгляд от потолка, лениво встает и, обезглавив очередную "Королеву Анну", наполняет наши бокалы.

- В сущности, я давно питаю к вам симпатию, мой мальчик! - не унимается хозяин в приступе сентиментальности и берет свой бокал. - Люблю, когда люди умеют работать, не поднимая шума. Нет, вы действительно мне симпатичны. И ваша секретарша мне симпатична. Какое стечение обстоятельств, не правда ли? Вы оба мне ужасно симпатичны...

Тут он неожиданно хохочет, как будто изрек что-то весьма остроумное. Не понимаю, то ли оступел от выпитого, то ли это состояние вообще присуще ему. Я вовсе не хочу сказать, что он глуп. Напротив, в каких-то отношениях он достаточно умен и хитер. Но ведь нередко случается, что, обнаруживая в своем деле незаурядные познания и опыт, человек, выйдя за рамки своей профессии, оказывается посредственностью невероятной.

Эванс снова обращается к Эдит, и это вынуждает меня принять облик скучающего - я чуть заметно позевываю, рассеянно потягивая виски, и глазею вокруг.

Холл обставлен мебелью, которая сейчас способна ошеломить любого, хотя через год-два она уже будет казаться устаревшей. Темное дерево с инкрустацией из красной меди, яркая обивка - все нуждается в чистке, словно в давно необитаемом доме.

Гости развлекаются кто как может. Райман усадил смуглянку к себе на колени и, запустив пальцы в ее прическу, смотрит на нее мутным взглядом. Пауль Франк пытается рассмешить женщину с известковыми губами анекдотом, но таких анекдотов она, вероятно, знает больше, чем он, поэтому тихо говорит с притворной наивностью: "Очень забавно" и "Но какой, однако, вы бесстыдник". Одна из дородных красоток пробует прельстить Ровольта, перед самым носом у него высоко закидывает ногу на ногу, а другая тем временем не сводит с меня карих глаз, как бы призывая: "Ну-ка, милый, смелей!"

Легко сказать - смелей. Я чувствую, мне следовало бы удалиться и не мешать Эвансу секретничать с Эдит, в то же время меня удерживает опасение, что в мое отсутствие секретарша сделает какую-нибудь глупость. Смелей? Почему бы и нет. Встав, я направляюсь к подзывающей меня красотке и с небрежным видом сажусь на спинку ее кресла.

- Как поживаете? - спрашиваю, пробуя свой английский. - Давно мы с вами не виделись.

- Хватит заливать, - бросает она. - Мы с вами вообще не виделись. Но это не имеет значения.

- Верно. Абсолютно никакого значения. Вам налить?

- С удовольствием выпью. Только надо пересесть куда-нибудь.

Наполнив бокалы, я помогаю женщине подняться и провожаю ее к кушетке, в угол, где стоит

проигрыватель. Танго кончилось. Взяв первую попавшуюся пластинку, я ставлю на место прежней. По холлу разносится затасканная мелодия блюза "Сен-Луи". Мелодия меня захватывает, но не настолько, чтобы я не замечал, как Эдит издали следит за моими действиями, не оставаясь в то же время безучастной к ухаживаниям Эванса.

- Давайте-ка заставим их поревновать, - лениво предлагает мне моя партнерша, возлежа на кушетке.

- Каким образом?

- Обнимите меня этими вот руками, которые остаются у вас без дела, и попробуйте поцеловать.

- А не слишком ли это для начала? Она, знаете ли, опасна. Меня не удивит, если она выхватит из сумочки пистолет...

- Да будет вам! - презрительно лепечет женщина. - Подайте-ка мне бокал.

Я повинуюсь. Женщина отпивает большой глоток, и у нее рождается новая идея.

- Раз вы не желаете, я подразню своего.

Моя дама, очевидно, полна не только виски, но и самоуверенности. Она неторопливо встает с кушетки, сладострастно извивается, вращая своими гигантскими бедрами под звуки очередного блюза, этого гарлемского ноктюрна, и приступает к исполнению номера, на которой только и способна эта пьяная гусыня.

Номер и в самом деле производит эффект, только не тот, на какой она рассчитывала. В то время как большая часть аудитории в алкогольном экстазе исторгает одобрительные возгласы, Эванс поднимается и уводит сконфуженную Эдит. Толстуха не замечает этого, потому что в данный момент обращена к ним спиной, зато вижу я. Без глупостей не обошлось. Сейчас моя хитрая секретарша попытается что-нибудь выудить у хозяина ценою своих прелестей. Ей даже в голову не придет, что люди, подобные Эвансу, чем больше пьют, тем крепче замыкаются, у них срабатывает профессиональный рефлекс.

Дородная самка установила, что диван опустел, но делать нечего, и она продолжает стаскивать с себя одежды, подбадриваемая пьяными криками. Ровольт, словно загипнотизированный, таращит глаза на жирные тела женщины. Пожалуй, пора заняться чем-нибудь полезным.

Я делаю несколько шагов по холлу. Присутствующие - ноль внимания. Заглядываю в одну дверь: столовая, за ней кухня. Иду дальше. Мраморная лестница, покрытая бледно-розовой дорожкой, ведет на второй этаж. Пускай, думаю, ведет. Почему бы мне не побродить здесь - едва ли предоставится возможность побывать еще на этой вилле. И уж наверняка я не буду располагать таким безупречным алиби: ревнивец отправился на поиски своей легкомысленной подруги.

Лестница приводит меня в холл, поменьше первого. Одна из четырех дверей не представляет интереса, так как выходит на террасу. Пробую ближайшую: на замке. Может быть, за нею укрылись Эванс с Эдит? Взявшись за ручку следующей двери, приоткрываю ее.

Вот они где, прелюбодеи. Сидят себе на кушетке, комната нечто вроде рабочего кабинета или библиотеки - полумрак. Председатель обнимает женщину, туалет ее не совсем в порядке - стриптиз в первой фазе. Дверь приоткрылась бесшумно, однако из холла пролился свет, и партнеры оборачиваются. Лицо Эдит выражает смущение, Эванса - без выражения.

Бывают моменты, когда в тебе может заговорить непрофессиональный голос. Или голос,

рожденный дружбой, человеческой близостью, побуждающий тебя к действию: хватай-ка ее за руку и уводи от мерзавца. Это опасные моменты.

- Извините, - говорю я и тихо прикрываю дверь.

Спустившись вниз, иду через холл в прихожую, чтобы взять свой плащ. За мной следом бросается Райман.

- В чем дело? Что-нибудь случилось? - спрашивает он, сразу догадавшись, что к чему.

- Ничего особенного.

- Но послушай, Морис: ты культурный человек, надо смотреть на это проще.

- А я так и делаю. Только опасаясь последствий.

- Последствий? Какие последствия? Наш Эванс ни слова не скажет. Кончит пить и на другой день уже ничего не помнит. Однажды мы вот тоже так собрались, и какой-то тип...

- Ясно, - говорю. - Ступай, тебя зовут.

- Но ты в самом деле хочешь уйти?

- Думаю, так будет лучше. Ступай, тебя зовут!

Из холла слышатся громкие голоса женщин, хотя непонятно, что они означают. Махнув рукой Райману, я ухожу. Выход справа, но, поскольку внизу ни души, я иду налево. Уже смеркается. Аллея утопает в тени высоких каштанов. Пройдя метров двести, останавливаюсь. Здесь аллея образует большой круг и тянется обратно. За поворотом простирается лужайка, а за нею встает каменная ограда, обросшая плющом. Пустяк.

Для того чтобы убедиться, что это действительно пустяк, я пересекаю лужайку и подхожу к самой ограде. В зарослях плюща обнаруживаю небольшую калитку с железной решеткой. Смотрю сквозь решетку: посреди просторной поляны стоит старая двухэтажная постройка, вероятно жилище садовника. Присмотревшись к дому, я прихожу к мысли, что здешний садовник, должно быть, маньяк. Во всяком случае, в области радиотехники. Высоко над крышей торчат прутья дипольной антенны. Было бы проще простого закрепить эти прутья на двух противоположных трубах параллельно коньку крутой крыши. Куда там: этот горе-садовник установил антенну так, что она пересекает конек наискосок и ее невидимые объѣты направлены на восток-юго-восток. Судя по устройству антенны, можно предположить, что она обслуживает радиостанцию типа американской AN/gRC. Не числясь в разрядке сверхмощных, такие радиостанции способны работать на расстоянии до четырех-пяти тысяч километров.

Дольше глазеть ни к чему. Я иду обратно и скоро нахожу главный въезд. Большие железные ворота на запоре, но сбоку есть калитка, открывающаяся автоматически нажатием кнопки. Выбравшись на лесную дорогу, шагаю в направлении к городу. Передо мной в сумраке маячит фигура женщины.

- Эдит!

Женщина оборачивается. Я приближаюсь, и мы молча идем рядом. По асфальту отчетливо стучат ее высокие каблуки.

- Сегодня ты вел себя отвратительно, - говорит наконец секретарша.

- Вот как? Не заметил.

- Зато я все заметила. Ты нарочно увел ту бесстыжую бабу на кушетку и заставил ее раздеться, чтобы меня разозлить.
- Не фантазируй. И вообще пора тебе отказаться от этой дурацкой тактики упреками предупреждать упреки. От меня ты даже намек не услышишь.
- Еще бы. Сегодня ты ясно дал понять, что я для тебя ничего не значу. "Извините"... Только подлец способен сказать в такой момент "извините" и тут же смыться.
- Давай не будем употреблять крепких слов, - спокойно предлагаю я. Потому что и мне ничего не стоит употребить крепкое словцо, и ты знаешь какое.
- Говори!
- Не желаю. Но имей в виду, что сцену в библиотеке я воспринял как подлый удар. Из тех, запрещенных, в подложную область.
- Перестань поясничать. Если уж говорить о каком-то ударе, так это ты нанес его мне этой комедией в холле.
- Ясно. А чтобы отомстить мне, ты бросилась в объятья Эванса.
- Вздор. Просто у человека хватило такта избавить меня от этой постыдной сцены...
- И предложить тебе другую, на мой взгляд еще более постыдную, с твоим благосклонным участием.
- Нет. Он решил показать мне коллекцию старинных драгоценностей.
- Что-то я драгоценностей не заметил. Кроме одной-единственной, слегка распакованной.
- Надоели мне твои пресные остроты.
- Ладно. Только и ты больше не должна угощать меня своими побасенками. Любая женщина, даже не настолько опытная, как ты, отлично понимает, если ей предлагают пойти посмотреть коллекцию...
- Мне хотелось его охмурить...
- С какой целью?
- Думала, удастся что-нибудь узнать про сделку с "Калор". У меня такое чувство, что эта сделка имеет какие-то секретные условия. В общем, я решила поводить его за нос, но он оказался слишком прытким... и принял мое сопротивление за кокетство, потому что разве мыслимо, чтоб какая-то секретарша стала вырываться из объятий самого председателя, грубить и...
- Хорошо, хорошо. И чем же кончился этот невинный флирт?
- Чем он мог кончиться? Раз человек, от которого ждешь помощи, ограничивается дурацким "извините", приходится самой выходить из положения. Вырвалась, бормоча что-то вроде "оставьте меня, я боюсь", - и бежать. Словом, если это тебя интересует, пощечины я ему не дала. Так что можешь не бесноваться за свое место.

Отвечать на ее выпад я не считаю нужным, и мы продолжаем брести в потемках по шоссе. Эдит, как всегда, довольно точно определила практическую сторону моих опасений. Что касается второй, то о ней она и не подозревает. Иной раз человек - даже такой, как я, - незаметно для себя настолько срастается с другим человеком, что чувствует его как часть

самого себя. Физическое влечение тут играет свою роль, или укоренившаяся привычка, или впечатления детства, сиротского и печального, как твое собственное, или бог знает что еще, но ты уже не можешь обходиться без этого человека и напрасно убеждаешь себя, что он тебе нужен лишь постольку поскольку, напрасно себе внушаешь, что это мимолетная встреча, каких мало в жизни.

- И долго мы будет так идти? - спрашивает Эдит. - Из-за этих туфель я останусь без ног.
- А я тебя не заставлял выбирать обувь с такими каблуками. У тебя и без того рост дай боже.
- Мне хотелось сравняться с тобой.
- А может, с Эвансом решила сравняться?..
- Перестань... Ох, не могу больше!
- Нам бы добраться до шоссе. Там мы остановим какую-нибудь машину.
- До шоссе? А где оно? Когда ехали, мне казалось совсем близко...
- Недалеко, - утешаю я ее. - Еще два-три километра.

Выходим из лесу, и, как следовало ожидать, начинается дождь.

- Только этого не хватало... - вздыхает Эдит.
- Вот именно. Таким, как мы, только этого не хватает для полного удовольствия.

Пускай меня хлещут

и ветер и дождь.

Что может быть лучше

плохой погоды?

- Не ожидала, что у тебя такая память, - смеется Эдит, несмотря на боль в ногах. - Особенно на такие глупости, как ты скажешь.

Дождь начинает робко, будто пробует, что получится. Потом усиливается и всю стегает нас по спинам бесчисленными плетями. Вокруг простирается черная равнина. В каком-то смутном лиловом сиянии угадываются тучи. Далеко впереди проносятся огоньки. Где-то там шоссе.

- Нет, мне придется снять эти туфли, - стонет Эдит. - Без них будет лучше.
- Какая дикость. Ты что, будешь топтать босиком в такой дождь? Тогда мне придется тащить тебя на спине.

Она опять смеется:

- Меня тащить на спине? Бедняжка! И сколько же метров ты сможешь меня протащить?
- Пока не выйдем на шоссе.
- Мы говорим об этом шоссе, словно о какой-то обетованной земле, замечает Эдит. - И совсем забываем, что никакая машина нас там не ждет. Не представляю, как мы доберемся домой.
- Сперва стремись достигнуть близкой цели, а уж тогда более далекой.

- Ты весь соткан из узкого практицизма. Удивляюсь, как ты запомнил эту песню.

- И здесь сказался мой практицизм: чтоб не покупать пластинку.

Упоминание о пластинке вызывает у меня кое-какие ассоциации, и я уже готов погрузиться в свои мысли, но Эдит отвлекает меня:

- Тогда был чудесный вечер. Ты не забыл?

Нет, не забыл. Потому что все началось с того проклятого поцелуя на мосту и с той ночи, когда я впервые ощутил в Эдит не просто женщину, а нечто большее. Потом эта история с елкой. К рождеству я притащил елку, ведь рождественский подарок принято класть под елку, а когда Эдит вечером вернулась домой, на зеленых ветках мягко мерцали разноцветные лампочки; женщина замерла перед деревцем и беззвучно глотает слезы. Я не поверил своим глазам - Эдит способна плакать. Плакала она, конечно, не из-за моей елки, а оттого, что вспомнила о чем-то сокровенном; впрочем, она даже не плакала, а сдерживала слезы, но это в конце концов одно и то же, и обнял я ее, чтобы утешить, а она вцепилась в меня и шепчет: "О Морис, зачем ты заставляешь меня плакать, это первая елка в моей жизни, первый теплячок" и тому подобные слова. А потом были и другие знаки внимания, не столь заметные среди мелочной повседневности, о которых не стоит и говорить.

- Славный был вечер, - согласно киваю я в ответ. - Особенно если учесть, что до дома было рукой подать.

- Перестань, - говорит она. - Хватит того, что я от туфель страдаю.

Наконец мы вышли на шоссе. Но что толку? Редкие машины одна за другой проносятся мимо, обдавая нас фонтанами воды. Никто не обращает внимания на мою поднятую руку, если ее вообще и замечают. Дождь льет без малейших признаков усталости. Косые струи воды хлещут нас по спине и с мягким, ровным шумом стелются по асфальту.

- Никакого смысла торчать тут. Давай добираться до Мюйдена.

Женщина бросает на меня сокрушенный взгляд, и мы молча бредем вдоль шоссе по песчаной тропке. Эдит как будто не теряет присутствия духа, но ноги переставляет она с великим трудом.

- Держись за меня, - предлагаю я ей.

- Не думаю, что от этого мне станет легче, - пытается шутить женщина, опираясь на мою руку.

В сотне метров от нас темнеет двухэтажное строение. Одно из окон первого этажа бросает на улицу широкий светлый луч. Подходим к живой изгороди, и я не без интереса заглядываю во двор.

- Подожди здесь.

Тихо открыв низкую деревянную калитку, я направляюсь к навесу у дома. Немного погодя возвращаюсь на шоссе, ведя велосипед, правда довольно подержанный. Благословенная страна, в которой на каждого гражданина приходится по велосипеду.

- Морис! Никогда бы не подумала, что ты опустишься до уровня вульгарного воришки.

- Ради тебя я готов совершить убийство. И потом, почему "вульгарного"? Я положил в почтовый ящик два банкнота.

- Выдержит ли он нас? Ведь он совсем дряхлый... Однако велосипед оказывается выносливым. Именно потому, что он старый. Новые изделия, как известно, прочностью не отличаются.

И вот мы летим по краю шоссе с "молниеносной" скоростью - двадцать километров в час, подхлестываемые дождем и подгоняемые ветром; после того как мы столько брели пешком, это беззаботное скольжение даже приятно. Сидя на раме, Эдит прижимается спиной к моей груди, она вся в моих объятиях, и я вдыхаю запах ее волос с таким чувством, будто стремлюсь не к дому, что стоит где-то там, в чужом городе, а к чему-то гораздо более прекрасному, что находится по ту сторону темного туннеля ночи.

Эдит, вероятно, испытывает то же самое или нечто похожее, потому что то и дело прикасается щекой к моему лицу, но у нее есть то положительное свойство, что она не говорит, когда лучше помолчать, и мы все так же мчимся под легкий шелест шин и плеск дождя, пока не въезжаем на опустевшие улицы Амстердама и не останавливаемся у нашего дома.

С подобающей галантностью я провожаю Эдит до верхнего этажа и, оставаясь кавалером до конца, захожу на минутку к ней. Бывают, правда, минутки, которые длятся довольно долго.

Чудесная ночь может кончиться не так уж чудесно. Утром моя секретарша поднялась с температурой.

- Простудилась. Ложись в постель.

Она пытается возражать, но, поскольку ноги ее явно не держат, послушно возвращается в постель. Вскипятив ей чай и сбегав в аптеку за лекарствами, я отправляюсь в "Зодиак". Эванс, вероятно, еще в запое или приходит в себя, потому что его "роллс-ройса" не видно на обычном месте. Все намеченные на это утро дела откладываю в сторону, в обед навещаю Эдит и возвращаюсь на службу, потому что дел у меня сегодня невпроворот, но одно из них буквально не дает мне покоя.

Два открытия, сделанные на вилле Эванса - Ровольт и радиостанция, конечно, чистая случайность, но случайность эту я ждал больше года. Счастливая случайность не в счастье, а в конце ожидания: она всегда придет, если ты умеешь ждать. Гипотеза "Зодиак" плюс Центральное разведывательное управление нашла сразу два подтверждения: убийца Любо один из телохранителей Эванса. Радиосвязь с агентствами в наших странах осуществляется людьми Эванса. Занимаясь коммерческой деятельностью в "Зодиаке" для отвода глаз, Эванс весь во власти другого ремесла шпионажа. Солидная фирма, ее солидные сделки - это всего лишь легальный фасад крупного разведывательного центра.

Тут напрашивается гипотеза: официальная деятельность главного шефа "Зодиака" протекает в учреждении, а неофициальная - на вилле, однако у меня уже достаточно фактов, опровергающих подобное предположение. Длительные, хотя и осторожные наблюдения убеждают меня в том, что Эванс редко ездит на виллу, а в своем служебном кабинете ежедневно проводит по восемь часов, хотя официальные обязанности отнимают у него не более часа, а то и полчаса в день. Вилла кажется слишком доступной, чтобы хранить там большие секреты, а домик садовника годится разве что для радиостанции. И легальную, и нелегальную деятельность фирмы Эванс, вероятно, направляет из своего служебного кабинета, и главные его помощники тоже, видимо, тут, в "Зодиаке", тогда как "домашняя прислуга" осуществляет его связь с радиостанцией.

Открытие, покоящееся на предположении, интересно лишь одним: никакой практической ценности для достижения конечной цели оно не имеет. Больше того, обстоятельства, при которых открытие было сделано, могут оказаться роковыми на пути к этой цели. Где гарантии, что председатель забудет или сделает вид, что забыл инцидент с Эдит. Небрежный взмах

руки, и я вылетаю из "Зодиака" либо один, либо в компании с любимой женщиной.

Конечно, тучи на горизонте еще не основание, чтоб совершать опрометчивый поступок, но то, что я собираюсь совершить, рискованно.

Как только в коридоре раздается мягкий бой часов, я оставляю свои бумаги, беру плащ и неторопливо выхожу на улицу. На улице я, против обыкновения, направляюсь не к кафе на углу, а в обратную сторону. Перед тем, как свернуть в переулок, незаметно оглядываюсь и, с удовольствием убедившись в своей правоте, все так же не торопясь иду дальше. Меня обгоняет кудрявая блондинка в темно-синем плаще.

- А, мадемуазель Босх! Хорошо, что я вас увидел: вы мне напомнили про одно почти забытое обстоятельство.

Девушка на мгновение останавливается, и я подхожу ближе.

- Я вас не понимаю. Какое обязательство?

- Видите ли, Эдит совершила великое открытие, но, так как она больна, мне приходится ее заменять. Речь идет о новых записях Джанго Райнгарда, которые я должен был купить и передать вам от ее имени.

- Очень мило со стороны Эдит и с вашей стороны, - улыбается Дора Босх. - Но стоит ли брать на себя такой труд?

- Стоит. Иначе она подумает, что я забыл. А ведь так оно и случилось.

Дора говорит еще что-то о том, как она тронута, и мы продолжаем идти к Кальверстрат.

- Должен вам сказать, импровизации Джанго действительно нечто особенное. Это вещи совершенно новые и пока мало кому знакомы.

- Умираю от любопытства, - с детской непосредственностью восклицает девушка. - Джанго - мой кумир.

- Лично я предпочитаю Бекета, - возражаю я, рискуя запутаться в именах.

- О, Бекет, да! Но Бекет - это нечто иное. А Бени Гудман?

- Фантастичен! - бросаю я, снова рискуя попасть впросак.

Магазин достаточно далеко, чтоб израсходовать и остальные два имени, услышанные от Питера, и достаточно близко, чтоб обнаружить свое невежество. Купив две пластинки с записью Джанго - одну для Доры и одну для Эдит, - я предлагаю выпить по чашке кофе, потому что сейчас самое время для этого.

- Даже не знаю, стоит ли мне соглашаться, - колеблется Дора.

- Почему?

- Знаете, мистер Эванс очень ревниво смотрит на связи своего персонала.

- Какие связи! - протестую я. - Зайти на минутку в кафе - кому это может повредить? И потом, сегодня мистер Эванс за городом.

Мысль о шоколадном торте заманчива, да и моя аргументация кажется довольно солидной, так что вскоре мы входим в кондитерскую и садимся в уютном уголке.

- Не подозревал, что мистер Эванс до такой степени ревнив, - небрежно бросаю я, пока Дора занимается куском торта.

- Дело не в ревности. Можно подумать, он и Ван Альтена ревнует, усмехается девушка.

- А в чем же?

- Ни в чем. Просто принцип.

- Обычно принцип имеет основание. Что плохого, например, в том, что мы с вами сели выпить по чашке кофе?

- По-моему, ничего плохого. Но если он увидит нас вместе, я могу вылететь с работы.

- Вы шутите.

- Нисколько. Ева, его прежняя секретарша, вылетела именно из-за такого пустяка. Мигом вылетела, хотя считалась даже его приятельницей.

- А, да, слышал: Ева Шмидт.

- Ева Ледерер, - поправляет меня Дора. - В "Зодиаке" не было Евы Шмидт, по крайней мере при мне.

- Может, он просто искал повод. Наскучила ему как приятельница, вот и решил избавиться от нее.

- Вы этим склонны все объяснить, - улыбается Дора. - Только он избавился и от Ван Вели, а Ван Вели не был его приятельницей...

- Ван Вели? Не слышал про такого.

- Не удивительно, ведь вы у нас сравнительно новый. Ван Вели был вторым человеком в архиве и все же вылетел, хотя работник был неплохой. Да и Ева безупречная секретарша.

- Раз они такие безупречные, значит, без работы не остались.

- Нет, конечно. В сущности, Ван Вели не пришлось искать работу, потому что два дня спустя он утонул.

- Самоубийство?

- Говорят, но, возможно, и несчастный случай. А Еву через неделю взяли в "Райскаф". Правда, Арнем это не Амстердам.

- Верно. Однако важно не только то, где ты живешь, но и сколько получаешь. Потому что будь ты в самом Париже, а живи как какой-нибудь Ван Альтен...

- Ну, здесь никто не виноват. Разве что собственная скупость, возражает Дора. - Копить деньги, чтобы жить на том свете, не особенно весело.

Мы еще немного поболтали и поднялись.

- Я вас прошу, не провожайте меня, - говорит девушка у самого выхода. - Нас могут увидеть, пойдут сплетни. И вообще в другой раз не останавливайте меня, пожалуйста.

- Ладно. Можете быть спокойны. Не собираюсь доставлять вам неприятности.

Она еще раз поблагодарила меня за пластинку, а я, в свою очередь, благодарю ее за информацию, хотя мысленно, после чего она уходит своей дорогой.

Эдит в постели, но утверждает, что ей уже лучше. А пластинка Джанго совсем ободрила ее.

- Никогда бы не подумала, что ты догадаешься купить, - замечает секретарша, ставя пластинку на диск проигрывателя.

- Мне помогла твоя Дора, - признаюсь я. - Случайно встретил ее возле магазина, и у меня появилась идея подарить ей Джанго от твоего имени и тебе - от моего.

Эдит смотрит на меня своим подозрительным взглядом, но ничего не говорит, и в этот момент раздаются звуки легендарной гитары. Фантастично!

8

У Эдит и на следующий день держится температура, и она не может выйти на работу. Неприятно, однако это упрощает мою задачу. Пользуясь тем, что начальству предоставлено право выходить в любое время, я покидаю свой кабинет за два часа до конца работы, отправляюсь на вокзал и сажусь в поезд, идущий в Арнем.

К моменту прибытия в Арнем рабочий день еще не кончился. Во время войны гитлеровцы разрушили город до основания, поэтому здание вокзала, как и весь городок, построено заново, в современном стиле, если не считать нескольких памятников старины, которые удалось реставрировать. Я узнаю адрес "Прайскаф" и вскоре попадаю в комплекс просторных светлых магазинов. Это и есть "Прайскаф", однако мне не совсем ясно, где среди этой необъятности может таиться Ева Ледерер. Место образцовой секретарши, очевидно, должно быть где-то при главной дирекции, рассуждаю я, решая начать поиски оттуда.

- Подождите внизу, - отвечает на мой вопрос портье. - Чиновники как раз заканчивают работу.

- С удовольствием, только я не знаю, как она выглядит. Я пришел по поручению ее близких.

Спустя две минуты портье показывает мне торопливо спускающуюся по лестнице молодую хрупкую женщину с тонким динамичным лицом.

- Мадемуазель Ледерер?

Она останавливается на мгновение и кивает, вопросительно подняв брови.

- Я бы хотел, чтобы вы уделите мне несколько минут для серьезного разговора.

- Но я с вами не знакома.

- Меня зовут Гофман. Разговор будет иметь взаимный интерес и отнимет у нас всего несколько минут.

- Если так...

Мы идет рядом. До первого кафе.

- Вы ничего не имеете против, если мы присядем тут?

- Просто не знаю, - говорит смущенная женщина. - Я в самом деле спешу.

- Я тоже. Пока мы выпьем по чашке кофе, разговор будет окончен.

Она уступает из деликатности. Хорошо, что еще не перевелись деликатные люди.

- Я по поводу вашего бывшего шефа Эванса, - заявляю я без лишних слов, как только официант принял заказ.

- Не говорите мне об этом человеке, - отвечает Ева, едва не вскочив на ноги. - Он испортил мне жизнь.

- И мне тоже, - замечаю я. - Потому-то мне и надо с вами поговорить.

Женщина снова откидывается на спинку плетеного кресла.

- А вам что он сделал?

- Отнял у меня приятельницу. Пригласил нас на виллу, где, по сути, и отнял у меня приятельницу. Не говоря уже о процентах, которые он урвал при заключении сделки.

Для такого человека, как Ева Ледерер, которой характер Эванса достаточно знаком, эти слова должны были прозвучать весьма убедительно.

- О, это вполне в его стиле, - пожимает она плечами. - Не пойму только, чем я могу вам помочь.

Я жду, пока официант поставит на стол кофе и пирожные.

- Видите, в чем дело: как Эванс поступил со мной, он поступал и с другими людьми.

- Если иметь в виду его поведение в отношении женщин, то вы не далеки от истины. Хотя и здесь он очень осторожен.

- Я имею в виду проценты.

- И в этом вы не ошибаетесь. Но он интересуется только крупными сделками, на миллионы долларов.

- При вас таких сделок, наверно, было немало.

- Еще бы. Я пробыла у него три года. А за три года...

- И вы, очевидно, могли бы вспомнить некоторые из них.

- Как не вспомнить, когда я писала действительные договоры, а канцелярия - фиктивные. Были договоры и с "Филипс", и с "Сименс", и с АЕГ...

Она называет еще несколько фирм.

- И как поступал Эванс?

- Так же, как с вами.

Ответ меня не вполне устраивает, однако я не могу ей об этом сказать.

- Со мной он договаривается о покупке за пятьсот тысяч, и я даю официальную расписку, что получил пятьсот тысяч, а на самом деле он дает мне только четыреста девяносто, - говорю я наугад.

Она кивает.

- Вот, вот.

- А чтобы я мог оправдаться перед казной, мы подписываем отдельный договор с указанием реальной суммы.

- Обычное дело. Только вы - исключение.

- В каком смысле?

- Во-первых, Эванс никогда не берет менее пяти процентов, и, во-вторых, он редко занимается мелкими сделками. Мелочь, как правило, идет Вану Вермескеркену.

Женщина отказывается от предлагаемой сигареты и одним глотком допивает свой кофе. Похоже, она действительно торопится.

- И все-таки я не понимаю, зачем вам понадобилась я?

- Как зачем? Чтобы его изобличить.

Она смотрит на меня со снисходительным сочувствием.

- Мой вам совет: не пытайтесь. Навредите себе. Эванс человек очень сильный.

- Но ведь это же незаконные барыши, притом на миллионные суммы.

- Да, но вы же знаете, что этим занимаются многие. И потом, вы не сможете представить никаких доказательств.

- Но должны же эти документы храниться в каком-нибудь архиве.

- Верно. Только вы никогда не получите туда доступа, потому что это его, Эванса, частный архив.

Она берет сумочку и собирается встать, но перед этим еще раз смотрит на меня своими кроткими карими глазами и тихо говорит:

- Я серьезно вас предупреждаю: откажитесь от идеи изобличения Эванса. И очень вас прошу: ни в коем случае не впутывайте меня в это дело.

- Можете не беспокоиться. Считайте, что мы с вами никогда не виделись.

Ева смотрит на меня так, словно хочет убедиться, в здравом ли я уме.

- Знаете, в свое время у Эванса работал один тип по имени Ван Вели...

- Да, тот, что покончил с собой...

Она кивает.

- Вы, очевидно, уже многое знаете из того, что связано с Эвансом. Мне хочется предупредить вас, чтобы вы были поосторожней, а то как бы и у вас дело не дошло до самоубийства.

Она встает, награждает меня своей бледной улыбкой и уходит...

- Мы еще недостаточно используем возможности африканского рынка, говорю я, беря предложенную мне сигару. - В связи с этим у меня возникла настоятельная необходимость лично встретиться с Бауэром.

- Ну разумеется, Роллан, разумеется! - рокошет за письменным столом рыжий великан. - В ближайшие же дни наведайтесь в Мюнхен.

"В ближайшие же дни" можно понять и как "завтра же". Меня такое толкование вполне устраивает, поскольку время для выжидания прошло и настала пора действовать.

- Так спешно? - недовольным тоном спрашивает Эдит, узнав, что на следующий день я уезжаю.

- А какой смысл откладывать? Ты со мной все равно не поедешь. Мюнхен не для тебя.

Она не отвечает, так как ответить ей нечего. Несколько месяцев назад, когда я последний раз ездил в Мюнхен, она категорически отказалась меня сопровождать. Это, однако, не мешает ей весь вечер недовольно коситься на меня. Я склонен объяснить это ее состоянием - у нее порой подсакивает температура, и врач велел ей посидеть дома.

Когда я захожу утром проститься с ней, она уже одета.

- Уж не решила ли ты прогуляться в такую рань?

- Не могу же я без конца киснуть в этой комнате.

- Эдит, без глупостей! Делай то, что велит врач.

Она не говорит ни "да", ни "нет". Настроение у нее все еще неважное.

В Мюнхене вопреки тому, что уже осень, светит ясное солнце. На Карлплац стоит тяжелый запах выхлопных газов, машины ползут сплошной массой, от рева моторов сотрясается воздух - как не оценить прелесть тихих уголков Амстердама с его тенистыми набережными и спящими каналами!

Уверенный в себе и в будущем свободной Европы, Бауэр встречает меня в неизменно хорошем настроении и, чтобы вдохнуть и в меня свою бодрость, вручает мне свою твердую, как дерево, руку.

- Что нового?

- Новое впереди.

Рассказываю ему, что считаю нужным, о последних событиях, потом излагаю свой план.

- Очень интересно, - сухо, по-офицерски отчеканивает Бауэр. - Но тут есть риск.

- А где его нет? - спрашиваю. - Если избегать риска всеми способами, я, может быть, и дотяну до пенсии, а вы - не уверен.

- Неужели вас больше заботят общие интересы, чем свои собственные?

- Я не такой лицемер, чтобы доказывать нечто подобное. Однако считаю, что наши интересы во многом совпадают. Я задыхаюсь на этом чиновничьем месте, Бауэр.

Я не отношусь к числу людей, которых заботит только зарплата. Мне хочется нанести удар, получить вознаграждение наличными, с тем чтобы опять приняться за дело на свободных началах.

- Вы человек риска, Роллан. Я это заметил с первой же нашей встречи.

- Риска, покоящегося на точном расчете, - уточняю я.

- Ладно, сейчас не время спорить. Насколько ваш расчет точен, судить другим. Приходите завтра в обед.

На следующий день Бауэр встречается меня с тем же настроением и с таким же бесстрастным лицом. Сколько ни наблюдай за таким лицом, это не обогатит твои познания в области психологии. Вместо того чтобы прямо сказать, в какой мере мой риск основывается на точном расчете, он начинает задавать один вопрос за другим, чтобы проверить, насколько верна предстоящая операция, существующая пока что только у меня в голове.

- Ваш план не лишен логики, - замечает наконец Бауэр как бы против желания. - Но, повторяю, не лишен и риска.

Возражать не имеет смысла. Что следовало сказать по этому вопросу, я уже сказал. Человек за письменным столом задерживает на мне свой неподвижный взгляд, сухо усмехается и произносит ожидаемое слово:

- Действуйте!

Собираюсь задать какой-то вопрос, но Бауэр движением руки останавливает меня.

- Имейте в виду - об этом я и раньше вас предупреждал: весь риск вы берете на себя. Там, в "Зодиак", вы представляете только самого себя, ваши поступки касаются вас одного, и не думайте, что, если вы угодите в западню, кто-нибудь кинется вас выручать. Ни на что и ни на кого вы не рассчитывайте.

- Даже на Ван Вермескеркена?

Вопрос обронен как бы случайно, однако Бауэр не сразу его переварил.

- На Ван Вермескеркена в особенности!

Он смотрит на меня в упор, и его безучастный взгляд на сей раз красноречиво говорит о многом.

- Ясно, - киваю я. - В таком случае назовите человека, который окажет мне техническую помощь.

- Обратитесь к фирме "Фурман и сын".

Бауэр замолкает словно для того, чтобы внушение проникло в мой мозг как можно глубже. Потом добавляет:

- На всякий случай я вас снабжу кое-какими сведениями об этом человеке, чтоб вы могли поприжать его и чтобы он не поддавался искушению. И еще одно.

Тут он вынимает из ящика стола новенький иссиня-черный маузер и протягивает мне.

- С пожеланием, чтоб он вам не понадобился.

Спустя полчаса я выхожу на освещенную полуденным солнцем улицу. Через какое-то мгновение из парадной дома напротив выскальзывает тощий человек с коротко подстриженными волосами, тронутыми сединой, и идет по противоположному тротуару. Видимо, это случайное совпадение, потому что субъект не обращает на меня никакого внимания и сворачивает за угол. Совпадение, только двойное. Этот тип мне знаком, однако сейчас я не могу припомнить, с каких именно пор и где я с ним встречался, и мне потребовалось пройти по жаре сквозь людские толпы еще несколько сот метров, чтобы, покопавшись в тайниках своей памяти, извлечь запечатлевшийся там образ: оказалось, это "приятельница" моей Эдит, человек, с которым она встречалась на террасе кафе в Женеве.

Частное сыскное предприятие "Фурман и сын", как приличествует таинственному

учреждению, скрывается в глубоких лабиринта, образуемого старыми зданиями со множеством флигелей, внутренними дворами и задворками, среди запущенных, позеленевших от времени каналов. Учреждение занимает два помещения. Первое служит приемной, канцелярией и архивом: тут стоят шкафы с потонувшими в пыли папками и письменный стол, за которым сидит анемичная секретарша, достигшая расцвета своего критического возраста. Вторым помещением, куда меня вводят после короткого опроса, безраздельно владеет глава фирмы.

Встретивший меня человек с желтым морщинистым лицом, вероятно, давно отвык от посетителей, потому что его живые, беспокойные глаза выражают откровенное недоумение.

- Вы отец? - любезно спрашиваю я, протягивая руку.

- Нет я сын. Отец умер.

- Мои вам соболезнования...

- Он умер двадцать лет назад, - уточняет Фурман-младший.

- Жаль, - говорю я. - Но это неприятность, которой нам всем не миновать.

- Вот именно.

- А пока мы живы, приходится постоянно иметь дело с более мелкими неприятностями. Вот и меня привело к вам что-то в этом роде.

Убедившись, что я оказался здесь не по ошибке, шеф предприятия наконец указывает мне своей желтой морщинистой рукой на продавленное кресло, а сам устраивается в другом, еще более продавленном.

- Как представитель некой коммерческой фирмы, я бы хотел получить не подлежащие оглашению сведения относительно серии сделок... - начинаю я, не переставая думать о том, что, может быть, я действительно по ошибке попал в это царство пыли и запустения.

Фурман выслушивает меня внимательно, без тени удивления, а тем временем его живой острый взгляд прыгает по моему лицу, словно блоха. И только после того, как я заканчиваю, глаза его успокаиваются и смотрят на меня задумчиво и словно прикидывая мою платежеспособность.

- Раздобыть их можно, - говорит он наконец. - Хотя и очень трудно...

- Именно поэтому я обращаюсь к вам.

- А то, что дается трудно, обходится дорого, - добавляет Фурман-сын, пропустив мой комплимент мимой ушей.

- Дорого - понятие неопределенное.

Хозяин снова погружается в глубокие размышления, после чего называет цифру, которая, на мой взгляд, нуждается в уточнении. После оживленного торга поправка принимается. Однако, едва до Фурмана дошло, что справку я желаю получить через несколько дней, он тут же, что-то прикинув, заявил:

- Вы хотите от меня невозможного. А невозможное всегда стоит немножко дороже. Надо будет спешно отлучиться кое-куда, кое-что дать отдельным лицам, а что же в итоге будет иметь фирма, кроме усталости?

- Ладно, - уступаю я. - Но при соблюдении двух условий: никаких проволочек и полная секретность.

- Когда вы имеет дело с фирмой "Фурман и сын", подобные оговорки излишни.

- Превосходно. Вы мне окажете большую услугу. Поэтому я в свою очередь хотел бы оказать вам услугу, притом совершенно бесплатно: не впадите в искушение, дорогой Фурман, получить дважды гонорар за одну операцию...

- Вы меня обижаете.

- Напротив, предвосхищаю вашу житейскую мудрость. И позволю себе высказать опасение, что в данном случае эта мудрость может вас подвести. Я уже дал вам понять, что защищаю не свои личные интересы. А те, чьи интересы я защищаю, располагают некоторыми документами относительно вашей активной работы в гестапо...

- На эти вещи уже давно стали смотреть сквозь пальцы, - с небрежным видом замечает шеф фирмы.

- Верно, но только не в Голландии и особенно если дело касается обстоятельств, подобных вашим. Стоит некоторым фактам из вашей биографии дать огласку, ваша деятельность в этой стране закончена, Фурман.

- О, моя деятельность и без того идет к концу. И потом, к чему ворошить прошлое?

- Будем мы его ворошить или нет, это целиком зависит от вас.

Когда я встаю с кресла, первое мое намерение - стряхнуть пыль с плаща, но из деликатности я воздерживаюсь.

- И еще одно: смерть, как уже было сказано, неприятная неизбежность, но торопить ее ни к чему. Господин Эванс...

- Ш-ш-ш! - Фурман предупредительно подносит палец к своим желтым губам. - О таких вещах не говорят. Вы лучше дайте мне аванс и освободите свою голову от излишних страхов. Все будет исполнено так, что сомневаться в надбавке мне не придется.

- Чтоб вы могли рассчитывать на надбавку, - вставляю я, - вам придется решить еще одну маленькую задачу.

- "Маленькая", выбросьте вы это слово из нашего словаря, - бормочет Фурман. - Вы, я вижу, не из тех, кто занимается мелочами.

- Вы правы. Сумма, которую я вам плачу, даже мне не кажется маленькой. Так вот, мне нужны сведения такого порядка...

Вернувшись из Мюнхена, я не сразу попал домой. А придя домой, застаю Эдит в постели и с высокой температурой. Охваченная горячей волной лихорадки, женщина даже не замечает моего появления. Пара грязных туфель в прихожей раскрывает причину внезапного ухудшения ее здоровья.

- Существует опасность бронхопневмонии, - говорит врач, выписывая антибиотики.

Делаю все, что в моих силах, чтоб выполнить его предписание, затем иду ненадолго в "Зодиак", потом снова занимаюсь лекарствами и чаями, только под вечер выбираюсь позвонить парикмахеру, но, вконец завертевшись, набираю не тот номер.

Часов в пять выхожу подышать свежим воздухом и сажусь под навесом какого-то кафе. Похолодало, дует пронизывающий ветер, и народу за столиками немного.

Официант приносит мне кофе и удаляется. Я достаю сигареты, но не нахожу спичек.

- Позвольте воспользоваться вашей зажигалкой? - обращаюсь я к человеку, сидящему за соседним столиком и поглощенному чтением газет.

Человек с готовностью щелкает зажигалкой у меня под носом, а я, следуя этикету курильщиков, подношу ему коробку "Кента".

- Но ведь у вас только одна сигарета...

- Не беспокойтесь, у меня есть новая пачка.

Он берет сигарету, однако не закуривает, хотя мог бы это сделать, - в фильтре покоится свернутое в трубочку мое короткое послание.

Выпив кофе, оставляю на столе монетку и, так как ветер действительно очень холодный, иду домой. Возвращаюсь с наступлением темноты. Состояние Эдит очень тяжелое. Она с трудом дышит и временами бормочет бессвязные слова. Бессвязные, непонятные и, в отличие от того, как это бывает в подобных случаях в кинофильмах, не раскрывающие никакой ужасной тайны. Вызываю по телефону врача, и вскоре он является в сопровождении сестры со шприцами.

Несмотря на уколы, Эдит всю ночь лежит без сознания, голова в огне. Дежуря в кресле возле кровати, я размышляю о своих делах и, между прочим, о том, не собирается ли моя секретарша положить конец всем моим подозрениям самым радикальным способом - исчезнув навсегда.

Жалко. Хотя, возможно, это был бы единственный безболезненный исход нашей абсурдной дружбы, безболезненный для нее, потому что она этого не ощутит, а также и для меня, поскольку причина будет не во мне. У меня в эти дни такое чувство, что я уже утратил эту женщину, так что другая, физическая утрата явится всего лишь формальным моментом.

Я уже потерял ее, а раз потерял, значит, у меня ее никогда не было. В сущности, я бы не прочь иметь такую, как она, и не только для роли секретарши. Она хороша своей прямоотой, не доходящей, однако, до грубости, она бывает нежна, и здесь ей тоже не изменяет чувство меры, она всегда собрана, привлекательна, досадная суетность ей не присуща, а ее верность не переходит в несносную навязчивость - словом, это достаточно выдержанный и совсем не обременительный спутник, который едва ли может надоесть, потому что и сам не навязчив, и твоей любовью злоупотреблять не станет. Эдит чем-то напоминает мне Франсуаз, хотя та отличалась холодностью и большей дозой цинизма. Странно, но Эдит и в самом деле напоминает мне Франсуаз, а если принять во внимание, что Франсуаз работала в разведке, сходство это приобретает особый смысл.

На рассвете лихорадка как будто спадает, бред прекращается, на лбу больной проступают мелкие капельки пота. К обеду она открывает глаза и выпивает стакан чаю. Под вечер снова ненадолго просыпается, после чего опять засыпает, и я еще одну ночь провожу в кресле в беспокойной дреме.

До сих пор все упирается в несколько десятков "если", и по поводу каждого такого "если" мне как будто слышится соответствующий вопрос; всякий раз я слышу голос полковника, и мне даже кажется, вижу, как при этом вонзается в пространство его прокуренный палец, а тем временем генерал и мой шеф пристально смотрят на меня. Но все эти вопросы мне хорошо известны, на каждый из них у меня есть ответ, и если я все же продолжаю ломать голову, то

вовсе не ради того, чтобы любой ценой получить мозговую лихорадку, а потому, что боюсь, как бы ненароком не пропустить какое-нибудь "если", возникновение которого может все опрокинуть в тартарары.

На следующий день Эдит становится лучше, она реже забывается во сне, слушает свои джазовые мелодии, пока я занимаюсь ее таблетками да каплями и стараюсь почти насильно влить ей в рот бульон, так как к еде у нее отвращение. Подчас я ловлю на себе ее внимательный взгляд, но делаю вид, что не замечаю этого, занятый хозяйственными заботами или чтением.

- В самом деле, Морис, ты так заботишься обо мне, что это просто необъяснимо.

- Почему необъяснимо?

- Потому, что люди, подобные тебе, заботятся только о своих интересах.

- В таком случае тыходишь в круг моих интересов.

- Почему?

- Я тебе объясню, когда поправишься. А сейчас спи! Она закрывает глаза, но тут же снова открывает их.

- Неужели в твоей голове среди множества полок, заставленных полезными вещами, нашлась маленькая полочка, отведенная для сентиментальностей?

- Потом я тебе все объясню подробнейшим образом. А пока спи!

Приглушив проигрыватель, я оставляю зажженной лишь голубую настольную лампу в глубине комнаты и располагаюсь в кресле.

- Ты такой добрый, - слышится слабый голос Эдит, - или же очень хорошо умеешь прикидываться добрым. Ах, как бы я хотела, чтоб ты и в самом деле был таким хорошим...

Эти слова я должен был бы сказать ей, но больных полагается щадить, по крайней мере пока не минует кризис. Так что покойной ночи, дорогая, и приятного сна. Ничего от тебя не уйдет.

Работа у Фурмана, возможно, очень секретная, однако своего настроения этот человек явно не умеет скрывать. Не успев переступить порога его учреждения, я уже вижу, что он опьянен своей победой. А чтобы и у меня не оставалось никакого сомнения по части этого, шеф фирмы произносит почти со сладострастием:

- Надеюсь, полагающаяся сумма при вас?

- О сумме не беспокойтесь. Хотелось бы посмотреть, на что я ее расходую.

- На коллекцию драгоценностей.

Он вытаскивает из кармана две пластмассовые коробочки, но не подает их мне, а лишь поднимает вверх, чтобы я мог порадоваться им издали.

- Вот они, ваши микрофильмы, в двух экземплярах, как словились. На них засняты все интересующие вас документы. В денежном выражении афера превышает десять миллионов.

Цифра не производит на меня ожидаемого впечатления, и я не преминул сказать об этом Фурману-младшему.

- Вы не поняли, - усмехается он. - Разница составляет десять миллионов, проценты от той

кругленькой суммы, которую ваш Эванс положил себе в карман.

- А, это дело другое, - оживляюсь я. - Покажите же мне эти пленки.

- Так, значит, деньги при вас? - не унимается Фурман.

- Ладно. - Я со вздохом достаю заранее приготовленную пачку банкнотов. - Давайте пленки и забирайте ваши деньги.

Старик подает мне кассеты, берет деньги и с удивительной для его возраста сноровкой начинает их пересчитывать.

- Найдите же мне лупу!

Фурман предупреждающе поднимает руку, дескать, не прерывайте, и, закончив счет, достает из ящика стола допотопную лупу с позеленевшим бронзовым ободком.

Все как надо. Документы засняты тщательно, их легко сопоставлять фиктивные и подлинные, и разница в пользу Эванса такова, что действительно стоило взять на себя труд документировать ее подобным образом.

- Чистая работа, - признаюсь я, пряча пленки в карман. - А другое?

Фурман отвечает вопросом на вопрос:

- А надбавка?

- Надбавка зависит от результата.

- Результат в пределах возможного. Большого не только Фурман-сын, но и Фурман-отец не смог бы вам дать. А вы учтите, старик был асом частного сыска.

- Не сомневаюсь, - говорю я, чтоб приостановить семейные воспоминания. - Но перейдем к фактам.

- Вот они, мои факты, - отвечает шеф фирмы, вытаскивая из кармана еще одну кассету, на этот раз картонную. - А ваши где?

Вместо ответа я прикладываю к груди руку в том месте, где от бумажника у меня слегка вздувается пиджак.

- Молодой человек, - говорит Фурман, - взгляд у меня действительно пронизательный, но не настолько, чтобы видеть сквозь пиджак. Соблаговолите выложить наличные.

- А того, что в коробке, достаточно? - спрашиваю.

- Не вполне, - признает Фурман. Но, заметив разочарование на моем лице, добавляет: - Не хватает только одного, но больше того, что есть, даже Фурман-старший не смог бы раздобыть. Смею заметить, что за это дело я могу много-много лет просидеть в тюрьме.

По чисто техническим причинам много-много лет в тюрьме ему уже не просидеть, однако я достаточно воспитан, чтобы не напоминать ему об этом. Ну вот, на одно "если" рассчитывать уже не приходится. Не вполне ясно только, совсем или не совсем. Сую руку в карман и достаю бумажник.

- Итак, сколько?

После фирмы "Фурман и сын" я отправляюсь еще в одно учреждение, где мне предстоит

пожать плоды сделки, подготовленной вчера. Имеется в виду сделка между мной и фирмой "Мерседес", сводится она к простому размену: я им - чек на определенную сумму, они мне - автомобиль, так что вся операция отнимет у меня не более получаса и обойдется куда дешевле, нежели те жалкие микрофильмы, которые лежат у меня в кармане.

"Мерседес", в котором я устраиваюсь, черный, он ничем не отличается от тысяч своих собратьев, снующих по улицам. Но у меня всегда было желание потеряться в общей массе, а не выделяться из нее, поэтому я не желаю иметь красную или ядовито-зеленую машину размером со спальня вагон.

Оставшееся послеобеденное время провожу в "Зодиаке". Пока болела Эдит, у меня на столе скопилось гора корреспонденции. Разбираю более срочное и докладываю Ван Вермескеркену о реальной возможности заключения двух-трех сделок. Выходя из его кабинета, встречаю председателя. Здравуюсь с ним с подобающей учтивостью, но он отвечает мне холодно, чуть заметным кивком. Этот человек никогда не отличается особой теплотой, но сегодняшние его повадки говорят о том, что едва ли он забыл о случившемся на вилле. Одно "если", на которое я рассчитывал, отпало, а другое, внушавшее мне опасение, подтвердилось. Два уточнения, в корне меняющие ситуацию.

То, что Ван Вермескеркен - человек Бауэра, мне стало ясно почти с самого начала. В противном случае меня бы ни за что не допустили на такое предприятие, как "Зодиак", даже по линии его официальной деятельности. Верно, исполин чуть ли не с ликованием отправляет меня на проверку в Болгарию. Но ведь это было сделано по внушению Уорнера и оказалось очень кстати для самого Бауэра, который тоже видел надобность в подобной проверке. Ван Вермескеркен - человек разведки, но из тех глубоко законспирированных, которые не должны рисковать по мелочам. Его сан не позволяет ему бывать где попало. Изолированный в собственном кабинете, он проворачивает солидные сделки, а подслушивание и всякого рода встречи возложены на рыбешку вроде Мориса Роллана.

Рыжий великан - человек Бауэра, и, если завтра кому-нибудь придет в голову вышвырнуть меня из "Зодиака", Ван Вермескеркен даже пальцем не пошевелит именно потому, что он человек Бауэра и ему велено оставаться в глубине конспирации. Следовательно, угроза со стороны Эванса ничего хорошего мне не сулит.

Но, как говорится, пришла беда - отворяй ворота: к этой угрозе скоро прибавляется еще одна, от которой первая становится более вероятной. Незадолго до того, как звонок возвестил о переходе служащих от деловой активности к вопросам быта, Райман просовывает голову в мой кабинет и предлагает пойти посмотреть, что делается в кафе на углу. Я не имею ничего против подобной инспекции, и вскоре мы располагаемся на своем месте у окна и просим украсить наш столик бутылкой мартини. Завязывается содержательный разговор - "Что новенького?", "Ничего особенного", затем, согретый напитком, конопатый наклоняется ко мне и сообщает:

- На будущей неделе тебе придется махнуть в Польшу.
- Обычным порядком или?.. - прикидываюсь я наивным.
- Как мы говорили. На днях поставим вопрос перед Ван Вермескеркеном. Шеф подготовлен и не должен отказать. Об остальном позабочусь я.
- Не получилось бы каких осложнений.
- Осложнений не будет, не бойся!
- Эванс, по-моему, сердитый...

- По поводу того? Глупости. Он на другой день уже ничего не помнит. У него известный принцип - что было, то прошло. Исключительная личность. Особенно по части выпивки.

- Хорошо, Конрад. Я тебе верю. Если уж мы с тобой не будем верить друг другу...

Я смотрю на него открытым взглядом. Он встречается со мною взглядом и отводит глаза. Бывают случаи, когда даже самый отъявленный лицемер испытывает неловкость.

Разговор не прекращается, пока не кончается бутылка, хотя уже не содержит ничего существенного, кроме некоторых мудрых обобщений Раймана по части взаимоотношений мужчины и женщины.

Возвращаюсь на квартиру. Эдит дома не застаю. Странная женщина. Чуть было жизнью не поплатилась за то, что преждевременно встала с постели, и вот пожалуйста, тот же фокус. Не утруждая себя, вытягиваюсь на кровати, не включая света. Проходит, должно быть, минут десять, и я слышу на лестнице вкрадчивые шаги, почти неслышно открывается наружная дверь, затем дверь комнаты, вспыхивает яркий свет люстры, после чего раздается сдавленный возглас.

- Ты чего пугаешься? - спрашиваю.

- А ты чего притаился в темноте?

- Из экономии. Сегодня купил в кредит машину, и надо поразмыслить, как выплачивать долг.

Это сообщение словно подменило Эдит. Всплеснув руками от изумления, что у нее получилось довольно неуклюже, потому как она не из тех, кто много размахивает руками, Эдит принимается расспрашивать меня, какой марки машина, какая модель, какого она цвета, и предлагает тут же спуститься вниз, чтобы осмотреть мой "мерседес", - словом, готова взорваться от восторга. Я, в свою очередь, делаю вид, что мне приятно ее ликование, и не скрываю удовольствия, когда мне пускают пыль в глаза, короче, ни слова о том, где она была. Такое мое поведение почему-то начинает выводить ее из себя. Бывают женщины - с осязательным страхом ждут вопроса, вопрос последует, непременно начинают лгать, если не прибегаешь к расспросам, они сами не свои.

- Ты даже не поинтересуешься, где я была, - небрежно замечает она, меняя платье на пеньюар.

- А почему я должен интересоваться?

- Потому, что у тебя такая привычка.

- Дружба с тобой помогает мне избавиться от множества дурных привычек, - отвечаю я.

Женщина замирает на миг, не успев надеть на себя пеньюар, и, видимо, хочет что-то сказать, но, вовремя вспомнив о магнитофоне, лишь озадаченно смотрит в мою сторону. Я гляжу на нее глазами большого наивного ребенка.

Эдит поправляет пеньюар и подходит к буфету.

- Выпьешь чего-нибудь?

- Мерси, я уже выпил.

Эдит поворачивает обратно, поскольку сама она не из пьющих, садится в кресло, закуривает и снова пытается заглянуть мне в глаза.

- Что с тобой сегодня? Случилось что-нибудь?

- Ничего. А с тобой?

Эдит пожимает плечами, желая тем самым показать, что не намерена отвечать на подстрекательства, и молча продолжает курить. Я следую ее примеру. Мы сидим в тишине комнаты, внешне спокойные, почти как муж и жена, однако оба ощущаем незримое присутствие кого-то третьего, вставшего между нами и не проявляющего ни малейшего намерения уходить, - присутствие нашего общего знакомого, имя которому Недоверие.

Женщина гасит в пепельнице недокуренную сигарету и снова нарушает молчание, на этот раз одним только взглядом, который говорит:

"На какую разведку работаешь, милый?"

"Хочу надеяться, на ту же, что и ты, дорогая", - отвечает мой взгляд.

"Ты мне не веришь?"

"Почему? Напротив!"

И мы продолжаем сидеть вот так, почти как супруги, и обмениваемся мыслями на расстоянии; поскольку диалог между глухонемыми довольно утомителен и, кроме того, трудно быть уверенным в точном значении женского взгляда, я встаю, зеваю со скрытой досадой и - на сей раз вслух - желаю Эдит спокойной ночи и приятных сновидений.

Вернувшись в свои покои этажом ниже, я ложусь в постель и гашу свет, по опыту зная, что в темноте думать легче. Темнота изолирует тебя от мелочей, по которым блуждает взгляд, отвлекая от мыслей. Темнота оставляет тебя в одиночестве, если оно вообще возможно, когда человека окружает свора сомнений и ужасов.

Встреча с Эвансом поставила передо мной существенный вопрос. Встреча с Райманом дала на него ответ. Степень вероятности, что в скором времени меня выставят из "Зодиака", велика. Райман поставил передо мной задачу. Я ее выполню. После чего в награду за успех Уорнер меня уволит. Что касается Эванса, то он лишь издалека воздействует на ход игры. Конечно, я мог бы уклониться от выполнения задания Раймана. Но это вынудит Эванса сделать другой ход - дать мне мат.

Возможно, я становлюсь жертвой собственной мнительности. Возможно, Эванс действительно забыл о случившемся, а если и не забыл, то подуется какое-то время и перестанет. Возможно, Райман действует в соответствии с нашей прежней договоренностью, не получая указаний от Эванса. Возможно... но едва ли.

Теперь уже гадать не приходится, кто тут первая скрипка. Следовательно, трудно представить себе, чтобы Райман действовал без инструкций Эванса. Притом характер поведения этой пары, хотя я и не профессор психологии, раскусить не так уж сложно. Человек моей профессии может иногда обмануть женщина, уверяя, что любит его, но он всегда распознает скрытую неприязнь и лицемерную дружбу противника. Все яснее ясного, а если даже не совсем ясно, то, раз повисает опасность, приходится принимать ее в расчет.

Ожидание ожиданием, но наступает время, когда надо действовать. Крайне важно не перепутать времена. В нашей грамматике это роковая ошибка. После того как ты потратил на ожидание более года, вдруг приходит такой момент, когда один упущенный день может провалить все. Правда, и когда действуешь, гарантировать себя от провала тоже нельзя. У меня сердце замирает при мысли, что из-за какой-то нелепой случайности в одну секунду может рухнуть операция, готовившаяся столько времени. Кажется, ты все обследовал, учел,

взвесил такое количество и такое разнообразие случайностей и вдруг нарываешься именно на ту случайность, которая отбрасывает тебя к черту на рога.

Сегодня мне впервые понадобился мой "мерседес" - я совершил на нем небольшую прогулку на природу в целях улучшения аппетита. Это натолкнуло меня на мысль оставить копию микрофильмов и мой зашифрованный отчет в укромном местечке, совершенно незаметном для непосвященных, в тайничке, известном мне и липу, которое заберет эти материалы и перешлет их в Центр.

Опять мне видится совещание в кабинете генерала, на этот раз без меня, ибо я уже не имею физической возможности присутствовать на каких бы то ни было совещаниях. Генерал молчит, погружившись в свои мысли, но это очень напоминает ту минуту молчания, хотя соответствующей фразы никто не произносил.

- Да-а-а, - вздыхает наконец генерал, из чего следует: что бы там ни было, а работа не ждет, пора приниматься за дело.

- Дельный был парень, хотя и фантазер, - говорит как бы самому себе мой шеф.

- Отличный практик, - уточняет полковник, чтобы не говорить, как я порой недооценивал анализ и разбор операции. - Отличный практик, совсем как Ангелов, и так же как Ангелов...

Он не договаривает, однако конец фразы всем ясен.

- Случай с Боевым несколько иной, - замечает сухо генерал.

У меня всегда такое чувство, будто генерал в большинстве случаев принимает мою сторону, хотя и не говорит об этом. Он сам, прежде чем стать генералом, прошел огонь и воду и прекрасно понимает, что в жизни не все так просто и логически связано, как на совещаниях, и существует масса непредвиденных вещей и нелепых случайностей, возникающих в последний момент, критических ситуаций и нервотрепок, о которых говорить не принято, но каждому понятно, во что они обходятся, и четкий, до мельчайших деталей продуманный план может служить надежным фундаментом всякого серьезного дела, как бы ключом ко всему, однако этот фундамент и этот ключ не стоят ломаного гроша, если у тебя недостает мужества превратить это в систему хладнокровных и точных действий.

- Случай с Боевым несколько иной, - повторяет генерал. - Боев пал перед самым финалом. Финал мог быть неплохой, но Боев пал, и положение осложнилось: правда, данных теперь у нас достаточно, и мы можем без промедления продолжить операцию. В этом заслуга Боева - прежде чем идти на риск, он позаботился о наследстве.

Не уверен, что генерал скажет именно так, и вообще все это плод моего воображения, но то, что я позаботился о наследстве, факт, и тому, кто встанет мне на смену, не придется ломать голову над множеством загадок он сразу займется проведением операции, но не так, как я, а уже по-своему, так, чтобы финиш был победным.

"Спи-ка ты! - говорю я себе. - Похоже, ты законченный пенсионер, раз имеешь дело с такими загробными видениями. Тьмой отгораживаешься от всего, чтобы легче думать, зато во тьме все представляется более мрачным. Вот и спи!"

Я, должно быть, в самом деле забылся и не сразу понял, как долго спал, а тем временем за дверью слышатся тихие шаги. Наверно, мне это почудилось, потому что в коридор никто попасть не мог, входная дверь на этом этаже заперта, ключ в замке с внутренней стороны, да и цепочка на месте. Однако все это не мешает мне слышать шаги за дверью, сперва смутно, как бы издали, а потом совершенно отчетливо, настолько отчетливо, что я даже различаю неодинаковость звука - как будто одна нога ступает твердо, а другую человек подволакивает.

"Это Любо", - говорю я себе.

Это в самом деле Любо. Открыв дверь, он останавливается на пороге, словно ждет, чтоб я пригласил его войти, но я ему говорю: хватит разыгрывать комедию, зачем ты сюда притащился, когда тебе и мне известно, что ты мертв, а он говорит, что настоящие друзья на такие пустяки не обращают внимания, и стоит и смотрит на меня, и я не могу понять, что он хочет этим сказать; не намекает ли он на то, что я тоже мертв, только это до меня еще не дошло. Я пытаюсь его вразумить, но Любо уже нет, хотя в дверях еще кто-то стоит, но уже кто-то другой, и это, оказывается, Эдит: теперь я начинаю все понимать, выходит, я обозначился в темноте, и она называет меня Эмилем. Я обрываю ее - какой еще Эмиль? Никакой я не Эмиль и лихорадочно думаю, неужто я когда-нибудь раскрылся перед нею, но не припоминаю такого случая, чтобы я проговорился, а она тем не менее продолжает меня называть, будто решила подразнить: Эмиль... Эмиль... Эмиль...

"Что с тобою творится, браток? - говорю я себе, открывая глаза и щелкая выключателем ночника. - Совсем рехнулся". - "Почему рехнулся?" отвечаю и приподнимаюсь, чтобы достать сигареты. Это всего лишь нелепый сон, какой любому может присниться. И у меня нет ни малейшего намерения рехнуться.

Закуриваю "Кент", и от знакомого аромата и мягкого света лампы все становится на свои места, видения рассеялись. Сделав несколько глубоких затяжек по системе йогов, я окончательно убеждаюсь, что у меня все в порядке. Может, нервы поослабли от длительного ожидания и бренчат несколько фальшиво, но они поднатянутся в ходе игры, им ведь ничего другого не остается, потому что все уже решено, да и особого риска для себя я не вижу.

Чем я рискую? Решительно ничем. Почти сорок лет я топчу нашу грешную землю на всех географических широтах, а ведь были такие, которые и двадцати лет не прошагали. Нет у меня ни пятимесячного сына, ни жены. Жена, последняя по счету, спит наверху, надо мной, и это действительно дорогое и близкое мне существо, к тому же и она, будучи в непосредственной близости от меня, уже довольно давно держит меня под надзором. А еще чем я рискую? Больше ничем. Место для постоянного жительства мне обеспечено, его давно забронировали для меня. В братской могиле неизвестных. В компании всегда приятней. Ну-ка, друзья, потеснитесь, чтоб я мог подсесть вон к тому, что в окровавленной панаме.

9

Пришла беда - отворяй ворота. На следующий день, когда мы с Эдит уходим обедать, я чудом не сталкиваюсь с дамой моего сердца Анной Феррари. Она вырядилась по последней моде - ее платье скорее можно принять за ночную рубашку, не будь оно так коротко. Расхаживает по холлу со скучающим видом, бедра ее ни на минуту не остаются в покое, а взгляд рыщет по сторонам: Анне нужно видеть, какое она производит впечатление на окружающих. И конечно, взгляд ее тут же меня засекает, на густо покрашенных губах застывает изумление, однако присутствие моей секретарши вовремя удерживает ее от восклицания: "О Альбер!"

По лестнице спускается Моранди: важный, как всегда, он семенит мимо нас и устремляется к Анне, что, однако, не мешает ему поймать мой предупреждающий взгляд: "Смотри, мол, а то..." Они выходят на улицу раньше нас и сворачивают вправо, тогда как мы идем в обратном направлении, к ресторану.

- Откуда ты знаешь эту женщину? - небрежно спрашивает Эдит.

- Какую?

- Ту, что хотела тебе что-то сказать, но вовремя прикусила язык.

- Я не совсем тебя понимаю. Ты не могла бы говорить яснее?

- А, это не имеет значения! - отвечает Эдит. - Раз ты уклоняешься от прямого ответа, значит, готовишься соврать. А слушать вранье я не желаю.

- Ты, как видно, еще не совсем оправилась после болезни, - спокойно замечаю я.

- Никакая болезнь меня так не беспокоит, как ты: эти многозначительные умолчания, испытующие взгляды, подозрительность...

Я уже собираюсь сказать что-то в ответ, но она вдруг заговорила с подкупающей женской прямоотой:

- Скажи, Морис, что могло так внезапно отравить нам жизнь? Все было так хорошо, а потом вдруг все испортилось...

- Потом? Когда потом?

- Я хочу сказать, после того как ты съездил в Мюнхен.

- После того как съездил в Мюнхен, я трое суток провел у твоей постели.

- Знаю и глубоко тебе признательна. И все-таки у меня такое чувство, что ты начал меня сторониться, что ты мне не веришь.

- Это плод твоего воображения.

- Вчера ты даже не стал спрашивать, где я была, - нашлась Эдит.

- Зачем мне спрашивать, если я знаю.

Женщина смотрит на меня быстрым взглядом.

- Что ты знаешь?

- Что ты ходила в парикмахерскую. Я же не слепой.

Ответ должен быть успокаивающим, однако я не уверен, что для Эдит он звучит именно так. По мосту мы пересекаем канал и выходим на противоположную набережную. Еще несколько шагов, и мы окажемся на самой оживленной улице, и тут до моего слуха долетают слова, окрашенные каким-то особенным, интимным звучанием, так и не произнесенные вчера:

- Скажи, Морис, на какую разведку ты работаешь?

На что у меня уже готов ответ:

- Надеюсь, на ту же, что и ты, милая.

- Ты ведь знаешь, я тебе все сказала.

- К сожалению, я не могу ответить тебе взаимной откровенностью: мне сказать нечего.

- То-то и оно. Ты мне не веришь. Иначе взял бы меня хотя бы в помощницы.

- Ты и без того оказываешь мне неоценимую помощь.

- Оставь, пожалуйста, - с досадой отвечает она. - Зря я затеяла этот разговор. Не собираюсь тебе навязываться.

Я не считаю нужным ей возражать, тем более что мы уже на людной улице и подходим к ресторану. Нет никакого сомнения, что у Эдит была встреча с седоволосым, а для прикрытия она заглянула к парикмахеру. И конечно, перекинулась словечком с Дорой Босх. Нельзя сказать, чтобы моя комбинация с Дорой Босх отличалась тонкостью замысла, и нечего удивляться, если Эдит что-либо пронюхала, но в тот момент подозрения меня не беспокоили, да и раздумывать не было времени. А сейчас мне некогда оправдываться в собственных глазах и укреплять в Эдит иллюзию, будто она тащит меня на буксире. Эдит тоже одна из ближайших опасностей, но, пока она вступит в действие, задача должна быть решена; если задача не будет решена, то ни Эдит, ни прочие частности уже не будут иметь для меня никакого значения.

Мы входим в ресторан, я галантно принимаю от нее плащ и вместе с моим передаю на вешалку. На нашем привычном месте у окна сидит какая-то парочка.

- Наши места заняты, - замечает Эдит.

- Слишком рано...

Она молча бросает на меня взгляд, и мы направляемся к другому столу.

Эдит сходила к своему парикмахеру, и я решаю после обеда сходить к своему. Ох уж эти парикмахеры!.. Часом позже захожу в кафе выпить чашечку кофе. Здесь хорошо натоплено, торчат же на улице в такую погоду, когда резкий ветер швыряет в лицо тучи водяной пыли и способен унести не только шляпу, но и тебя самого, просто глупо: повесив плащ, я усаживаюсь в удобное кресло.

Кофе на диво вкусный, да и погода располагает, так что я повторяю заказ и лишь после этого отправляюсь к парикмахеру. Однако по пути мне приходится смириться с мыслью, что со мной случилось небольшое приключение - плащ, в котором я шагаю по улице, оказывается не мой. С виду он ничем не отличается от моего, так что ошибиться было не мудрено, но в этом я обнаруживаю записочку. Чисто личного характера. Нечто вроде маленькой справки, касающейся, как ни странно, близкого мне существа.

Если бы я сказал, что идет дождь, можно было бы с полным правом упрекнуть меня в том, что я слишком повторяюсь. Но в этот вечер он льет как из ведра, и "дворники" не справляются с потоками воды, падающими на ветровое стекло, а слепящие лучи фар уже в двух метрах от носа машины размываются, превращаясь в мутное свечение. Хорошо, что дорога мне знакома - я не раз ходил здесь пешком, - и тем не менее, когда двигаешься пешком, все имеет один вид, а когда ты в машине - совсем другой.

Чтоб не оказаться на обочине и не пропустить нужный мне поворот, я стараюсь ехать как можно тише. Наконец среди смутно проступающей массы деревьев я различаю узкую заброшенную дорогу. Съезжаю на нее задним ходом, чтоб было проще выехать, ставлю машину на обочине и иду пешком.

До баржи - второй справа - не более двухсот метров, и все же, пока я до нее добрался, я промок до нитки. Оказавшись на палубе, проделываю небольшую операцию в целях предосторожности, затем бесшумно спускаюсь по трем ступенькам и без стука нажимаю ручку двери.

Помещение освещает желтым светом слабая лампочка. Ван Альтен за столиком, как будто он и не вставал с тех пор, как я его видел в последний раз. Но сейчас он не ест, а рассматривает какой-то каталог. Каталог стандартных вилл, если меня не обманывает зрение. Человек захлопывает проспект и так резко вскакивает с места, что мне кажется, сейчас я услышу страшный вопль.

- Я вас потревожил? - осведомляюсь я по-английски.

- Что вам угодно? - неприязненно спрашивает Ван Альтен, и рука его тянется к телефону на столике.

- Спокойно, сейчас я вам все объясню. Но должен предупредить вас: никаких криков о помощи и никаких попыток связаться с внешним миром. Телефонный провод оборван, а мой пистолет, как видите, снабжен глушителем.

При этих словах я показываю ему оружие, полагая, что кое-какие представления о баллистике он, должно быть, имеет. Затем подхожу к иллюминатору и для пущего уюта опускаю занавеску. Но рассчитывать на уют в этом плавучем амбаре бесполезно. Обстановка здесь самая убогая. Просто диву даешься, как этот человек, который, как утверждают злые языки, получает крезовское жалованье, может жить в подобных условиях.

- Что вам от меня нужно? - все так же неприязненно спрашивает Ван Альтен, хотя уже более сдержанно.

- Я хочу сделать вам одно предложение. Хотите - принимайте его, хотите - нет, но выслушать меня вам придется.

Он молчит и продолжает стоять все в той же напряженной позе, почти упираясь головой в потолок.

- Может, сядем, а? - предлагаю я.

Ван Альтен садится и машинально отодвигает каталог. Я устраиваюсь по другую сторону стола, держа пистолет в нужном направлении и так, чтобы он мог при необходимости сработать безотказно, и в то же время достаточно далеко от моего собеседника, чтобы оставаться вне пределов досягаемости его костлявых рук.

- Вы, вероятно, догадываетесь, что речь пойдет об архиве. Мне нужны кое-какие справки.

- О каком архиве? - спрашивает Ван Альтен.

- О том, который доверен вам. И главным образом о том, совершенно секретном.

- Понятия не имею о таком архиве.

- Неужели? Тогда чем же вы занимаетесь по десять часов ежедневно в кабинете Эванса?

- Спросите у Эванса.

- Это я сделаю потом. А сейчас я спрашиваю вас.

Человек не изволит отвечать. Он сидит неподвижно, упрямо сжав челюсти, только взгляд его настороженно шарит от дула пистолета до моего лица и обратно...

- Видите ли, Ван Альтен, давайте не будем зря терять время, изворачиваться и прибегать ко лжи нам ни к чему. Вы человек достаточно умный и понимаете, что если к вам пришел незнакомец с пистолетом в руке, то его не так-то просто спровадить с помощью пресной выдумки. Разрешите?

Разрешение касается сигареты, которую я собираюсь зажечь левой рукой, так как правая занята пистолетом. Ван Альтен и на этот раз воздерживается от ответа, и я закуриваю на свой страх и риск; сделав две глубокие затяжки, я смотрю ему прямо в глаза, или, скорее, между глаз, точно в переносицу.

- Ну как? Деньги на виллу уже в наличии?

Ван Альтен молчит, но взгляд его становится еще более неприязненным.

- А средства для усадьбы? На приобретение земельного участка, обстановки и всего прочего?

Не сводя глаз с голландца, вдыхаю ему порцию дыма.

- Вы, Ван Альтен, воображаете, что достигли вершин житейской мудрости. Но, если хотите знать, вы наивны, как ребенок.

- Я вас не спрашиваю.

Собеседник начинает раздражаться. Это уже лучше, чем ничего.

- Вы позволили вовлечь себя в игру, в которой вам с самого начала была уготована роль проигравшего. Вы бежали во время войны в Америку. Позже соблазнились хорошим жалованьем и поверили тому, что вам обеспечат будущее. Но ваше будущее, Ван Альтен, здесь. Не на барже, а на дне канала.

Голландец продолжает молчать, но взгляд его больше не блуждает, а уперся в стол. Он слушает.

- Вы, вероятно, знаете не хуже меня, чем кончил ваш коллега Ван Вели. Ваша участь будет не лучше. Разве что утонете вы в другом месте. Вы живете, как отшельник, копите каждый грош, чтобы осуществить свою заветную мечту. Но вам ее никогда не осуществить, потому что по роду работы вам слишком многое известно, чтоб вы могли когда-нибудь устраниваться. Люди, знающие слишком много, редко доживают до глубокой старости, Ван Альтен.

Человек медленно поднимает глаза.

- Все это касается только меня.

- Верно. Но это интересует и меня, поскольку дает мне возможность сторговаться. Я не младенец и отлично понимаю, как дела делаются: услуга за услугу. Вы уже слышали, что мне нужно от вас. Я, в свою очередь, понимаю, что нужно вам, чтобы вы смогли спасти свою шкуру и осуществить заветную мечту. Остается только произвести обмен.

- Вы разговариваете сам с собой, - презрительно бросает Ван Альтен. И торг затеяли с самим собой. Я вам ничего не предлагал и вас ни о чем не просил.

- Вопрос времени, Ван Альтен. Стоит вам подумать хорошенько, и вы поймете, что сделка взаимовыгодная.

- Хорошо. Дайте мне время. Оставьте меня, чтоб я мог подумать.

- Разумеется. Если речь идет о нескольких минутах, пожалуйста.

- За несколько минут человек не в состоянии принять решение, касающееся его дальнейшей судьбы. Особенно под дулом пистолета.

- Весьма сожалею. Но если вы задумали пойти на самоубийство, то я не намерен составлять вам компанию. Или вам пришло в голову, что я уйду домой и стану ждать, пока вы побежите докладывать Эвансу? Решение, каким бы оно ни оказалось, вы примете здесь, сейчас же. Могу вам дать разъяснение: относительно суммы торговаться не будем. Вы ее получите двумя частями при заключении соглашения и по исполнении задачи.

- Вы делаете вид, что спасаете меня от возможной гибели, обрекая на другую, абсолютно неизбежную и немедленную, - замечаете с неприязнью голландец.

Эта фраза уже более конкретна. Вызванный упорством паралич мозга прошел, и в хаосе мыслей начались робкие поиски выхода.

- Наоборот, я указываю вам единственно возможный путь спасения, возражаю я. - Мир широк, в нем хватает укромных уголков. А если прибавить к обещанной сумме и новый паспорт, спокойная старость вам обеспечена.

- А если я откажусь?

- Вы не станете этого делать, - тихо отвечаю я. - Вы любите жизнь, хотя и живете, словно аскет.

- Вас подослал Эванс, - неожиданно заявляет голландец.

Это не слишком умно. Разве что нарочно он такое выдал.

- Нет, Ван Альтен. Вы прекрасно понимаете, что не Эванс меня прислал. Если бы Эванс в вас сомневался, у него есть более тонкие способы проверки. Хотя, по-моему, он едва ли стал бы тратить время на то, чтобы вас проверять.

Ван Альтен снова устался в стол. Несколько минут проходят в полном молчании. Пускай у него устоятся мозги. Пускай он придет к заключению, что сам все открыл, без постороннего внушения.

Наконец человек отрывает взгляд от стола, смотрит на меня в упор и говорит:

- Сто тысяч!

- Гульденов?

- Сто тысяч долларов.

Дорого. Значительно дороже, чем сделка с Моранди. Но конец всегда оказывается дороже начала. И потом, если принять во внимание, что эта сумма - вожденная мечта всей его жизни, сто тысяч не так уж много; в сущности, если что-то и заставляет меня задуматься, то не сумма, а его поспешное решение. Слишком уж быстро он перешел от решительного отказа к твердому согласию. Это не совсем в моем вкусе.

- Принимается. Я ведь обещал не торговаться. Но вы даже не спросили, что я хочу получить взамен.

- Вы как будто уже сказали.

- Лишь в общих чертах.

- Тогда объяснитесь.

- Благодарю. Но прежде всего позвольте вам дать совет: не прибегайте к тактике, к которой так легко прибегнуть человеку в подобной ситуации. "Сейчас я пообещаю этому типу золоты горы, тем самым спасу свою шкуру и положу в карман пятьдесят тысяч, завтра расскажу обо всем Эвансу, а там, гляди, и от него перепадет что-нибудь". Единственное, что вы получите от Эванса, - это пулю в лоб, смею вас уверить.

- Не пугайте меня. Мне это хорошо известно.

- Тем лучше. Тогда вам, должно быть, известно и другое: если человек берется за выполнение задачи вроде моей, он не один. Попытайтесь устранить меня - сразу поставите себя под удар целой организации.

- И это мне известно, - отвечает с некоторой досадой голландец. - Вы из организации Гелена.

- Почему вы так думаете?

- Потому, что припоминаю, с каким подозрением отнеслись к вам в самом начале. Речь шла о каких-то наших сделках с немецкой фирмой. Вы от Гелена.

- От Гелена или от кого другого, это не имеет значения. А пока разговор об услуге. Она предельно простая: вы мне дадите ключи от сейфа.

- Вы с ума сошли! - Тут Ван Альтен неподдельно изумлен.

- Возможно. И все-таки вы ничего не теряете. Деньги, которые вы получите, печатались не в доме для умалишенных.

- Ключи-то не у меня.

- А где?

- Ключи хранятся в кабинете Эванса.

- Тогда вы мне их вынесете.

- Но послушайте, неужели вы действительно вообразили, что я могу выносить и вносить эти ключи, когда мне заблагорассудится?

- Ничего я не вообразил. Мне даже кое-что известно о заведенном порядке. Но сейчас я вас спрашиваю.

- Я остаюсь в архиве допоздна только в тех случаях, когда Эванс поручает мне экстренное дело...

- А именно?

Голландец молчит - вероятно, сочиняет ответ, и я кричу:

- Ван Альтен! Хватит играть в молчанку! Что за "экстренное дело"? Дешифрование?

Он кивает.

- Тогда почему же оно "экстренное"? У вас невпроворот таких дел, и притом каждый день.

- Отнюдь, - возражает он. - Я занимаюсь только спешными шифrogramмами, интересующими лично Эванса. Остальные так и пересылаются недешифрованными.

- Пересылаюся куда?

- Об этом вы спросите у шефа. Я не в курсе.

- А ключи?

- Ключи я оставляю в кабинете Эванса, в секретном сейфе. Он обычно приоткрыт. Когда я кладу ключи и закрываю его, он автоматически запирается и, к вашему сведению, специальное устройство фиксирует время закрытия с точностью до минуты.

- Однако в данный момент эти ключи все же при вас.

- Да перестаньте вы со своими ключами! - с раздражением отвечает голландец. - Как вы не можете понять, что безопасность секретного архива, если он действительно секретный, зиждется не на одном-единственном элементе. Ключи только один из многих элементов.

- Это мне понятно, - говорю я. - Не учите меня. Кто дежурит внизу у входа?

- Во всяком случае, не портье.

- А кто?

- Кто-нибудь из людей Эванса.

- А наверху, в архиве?

- В архиве нет никого.

- Но там всегда горит свет.

- Свет горит, но нет никого. Свет горит из-за таких вот, как вы... чтоб не воображали, что помещение брошено на произвол...

- Как устроена сигнализация на этаже?

- Она общая для всего здания.

- И контролируется там, где сидит Дора Босх?

Голландец кивает утвердительно.

- А комбинация?

- Какая комбинация?

- Ван Альтен! - кричу я ему прямо в физиономию.

Он вздрагивает, отчасти от моего внезапного крика, отчасти направленного в лицо пистолета, и машинально роняет:

- Мотор.

- Врешь! - опять не выдерживаю я. - Все, что ты знаешь, известно и мне. И если я спрашиваю, то лишь для того, чтобы проверить тебя. Комбинацию образуют шесть букв и двенадцать интервалов.

- А вы меня тоже не учите, - сердито отвечает Ван Альтен. Комбинацию я знаю лучше вашего, по четыре раза в день ее набираю. Мотор берется во множественном числе с буквой "С" в конце.

- А интервалы?

- Три, два, один. Один, два, три. После каждой буквы.

- Хорошо. Мы это проверим вместе.

- Да вы спятили! Вы просто невменяемы! - теперь почти в отчаянии кричит голландец. - Ведь я же вам сказал, соваться туда невыносимо. Имеется единственная возможность: вы мне говорите, что конкретно вас интересует, я навожу необходимые справки и выношу нужные

вам сведения.

- О нет! Так дело не пойдет. Вы знаете, что люди моей профессии ужасно недоверчивы. Документы, которые мне необходимы, я должен видеть собственными глазами, понимаете?

Ван Альтен что-то соображает. Надеюсь, не во вред мне.

- В таком случае есть еще одна возможность, и последняя, к тому же связанная с большим риском.

- Говорите какая. Посмотрим.

- Вы проникаете в секретную комнату, когда я буду там. На полчаса, не больше.

- Когда именно?

- Когда Эванс прикажет мне остаться после работы. В таких случаях, прежде чем уйти, я вызываю дежурного из проходной, и он запирает весь этаж, где находится кабинет Эванса. Вы придете пораньше, наведете свои проклятые справки и вернетесь к себе, а когда я вызову дежурного, незаметно выскользнете.

- Это мне более или менее подходит, - говорю я. - А где же риск?

- Риск в Эвансе. Он может в любой момент вернуться. Это бывает редко, но все же бывает.

- А если вернется?

- Вам видней. Не я заваривал эту кашу.

- Где бы вы могли меня спрятать?

- Нигде.

- Как "нигде"? А чердак?

- На чердак нет лестницы. Да и лаз заколочен наглухо.

- Неужто в этой секретной комнате нет какого-нибудь шкафа или укромного уголка?

- Коридорчик и туалет. Но он не может служить убежищем, потому что Эвансу ничего не стоит заглянуть туда в любой момент.

- Ну хорошо. Риск я беру на себя.

- Вы так считаете...

- Только на себя, - повторяю. - Пока я буду беседовать с Эвансом, если он вдруг придет, вы сумеете ускользнуть.

Губы Ван Альтена расплзаются в какой-то мрачной усмешке, однако он ничего не говорит. Что касается меня, то настоящий риск я склонен видеть скорее вне этой операции.

- Конечно, я не гарантирую, что все произойдет завтра же, - замечает голландец. - Надо улучшить момент.

- Ладно, - соглашаюсь я. - Только имейте в виду, я не могу месяцами ждать, пока наступит этот момент.

- Я тоже. Положение, в которое вы меня поставили...

- Вы никогда не были в таком завидном положении: в одном шаге от счастья. Но только осторожнее, не сделайте шаг в обратном направлении. С того момента, как я покину ваше жилище до окончания операции, вы будете находиться под наблюдением.

- Только не пугайте меня, - рычит Ван Альтен.

- Вы забыли сказать, как дадите мне знать.

- Точно в пять часов десять минут я позвоню вам по городскому телефону и скажу: "Извините, ошибка". Впрочем, вы тоже забыли кое-что сделать. Деньги-то при вас?

- Нет, но у меня есть чековая книжка.

- Не желаю иметь дело с чеками. Это значит, я должен оставить в банке свою подпись.

- Какая разница? Если вы получите от меня сумму наличными, вы все равно дадите мне расписку.

- Никаких расписок и никаких чеков! - грубо обрывает меня Ван Альтен. - Не собираюсь давать вам в руки документ.

- Но не могу же я тащиться по городу с карманами, которые по швам трещат от банкнотов...

- Раз идете за такой покупкой, не мешает деньги брать с собой.

- Откуда мне было знать, что вы запросите такую сумму? У меня есть двадцать тысяч.

- Давайте их!

Достав из боковых карманов две пачки по десять тысяч, я бросаю их на стол. Ван Альтен подбирает их с напускной небрежностью, но, прежде чем спрятать, ловко и быстро проводит большим пальцем по срезу каждой пачки, чтобы проверить их содержимое. Затем, осененный новой идеей, добавляет:

- А на остальные тридцать давайте чек.

- Не возражаю, - говорю. - Только отодвиньте свой стул, а то вы мне мешаете.

Он понимает, что я хочу сказать, и без слов отодвигается от стола. Переложив пистолет в левую руку, я заполняю чек.

- Предупреждаю, при втором взносе я потребую от вас расписку на всю сумму, - говорю я, подавая ему чек. - Тогда вам уже нечего будет бояться.

- При условии, что вы отсчитаете мне восемьдесят тысяч наличными.

В финансовых операциях этот человек более упорный, чем Фурман-младший. Вопрос о том, хватит ли у него порядочности, как у того.

- Надеюсь, вы уже не собираетесь выходить сегодня... - тихо говорю я, пряча пистолет.

- Куда мне, к черту, выходить?

- Дело ваше, но имейте в виду, на улице ужасный дождь. Вам надо беречься от простуды. И вообще в эти дни вы должны следить за своим здоровьем.

С этими словами я киваю ему на прощанье и ухожу.

А на улице в самом деле дождь льет не переставая.

Следующий день примечателен разве только тем, что в течение его не происходит ничего примечательного. И если я ждал, что какой-нибудь бледнолицый субъект в темных очках заглянет ко мне в комнату и, спросив "Как поживаете?", разрядит в меня пистолет, то мне приходится разочароваться. Никто ко мне не заглядывает, даже Райман. И время течет вполне в духе "Зодиака" - в молчаливом труде, в деловой обстановке пропахшей паркетинном канцелярии.

Точно в пять, когда электрический звонок в коридоре напоминает нам, что, кроме канцелярской работы, на этом свете есть и другие радости, Эдит отрывает глаза от книги и спрашивает:

- Пошли?

- Ступай, я еще немного посижу, - говорю я в ответ, продолжая изучать бумаги, которыми обложился заблаговременно.

Женщина пожимает плечами: дескать, как хочешь, поправляет прическу, забирает всю свою подвижность - сумку, зонт, плащ - и уходит. То, что я задерживаюсь, несколько удивляет ее, однако она расценивает это как очередное проявление того холодка, который в последние дни неизменно проскальзывает между нами.

Через десять минут я складываю бумаги в ящик стола и жду еще немного, однако никто мне не звонит, чтобы сказать: "Извините, ошибка".

На другой день все повторяется с абсолютной точностью. На третий тоже. Проходит еще несколько дней. Эдит уже привыкла уходить домой одна и теперь даже не спрашивает: "Пошли?", а поднимается молча, как только в коридоре прозвенит звонок. Столь же тактична она бывает и в обед, полагая, что я демонстративно ее избегаю. Тем лучше - это освобождает меня от необходимости придумывать лживые объяснения, почему это меня внезапно обуяла страсть к канцелярской работе.

То, что в окружающей меня обстановке не наступило резких перемен, в одинаковой мере и беспокоит меня, и обнадеживает. Возможно, Ван Альтен сдержал слово, не выболтал тайну о моем вечернем посещении его "яхты". В таком случае голландец, вероятно, намерен выждать наиболее подходящий момент. Но очень может быть, что Ван Альтен проговорился. И то обстоятельство, что до сих пор никто не выстрелил мне в живот и не наехал на меня машиной, еще не гарантия моего счастливого будущего. У Любо, конечно, положение было сложнее, но мне сейчас не легче. Любо убрали быстро, не церемонясь, потому, что попытка "разглядеть" его более детально не удалась, и потому, что им стало совершенно ясно: у него только догадки. Я же вижу все воочию. Больше года работаю в святой святых чужого Центра, и Эвансу надо быть настоящим идиотом, чтобы надеяться, что за это время я ничего не узнал и не сообщил тем, кто меня сюда направил. Следовательно, если мне суждено умереть насильственной смертью, то едва ли это произойдет без предварительных формальностей, способных пролить свет на то, что конкретно я сумел выведать, что и кому успел передать.

А пока у меня такое впечатление, что за мной не следят, и я мог бы оставаться спокоен, не будь это только впечатлением. Существуют формы наблюдения, о которых подчас и не подозреваешь, и люди Эванса прибегают к таким формам именно в тех случаях, когда важно не спугнуть дичь раньше времени. Стены, в которых ты живешь, имеют уши; окна, мимо которых ходишь, имеют глаза, и тот факт, что никто не тащится за тобою следом, еще ни о чем не говорит. И потом, какая, в конце концов, надобность за тобою следить, если заранее известно, когда и как тебя сцапают. Не исключено, что Ван Альтен именно потому и не торопится, чтобы дать возможность своим шефам тщательно продумать и подготовить для меня западню.

Не исключено. И даже весьма возможно. Но риск, на который я иду, заранее обдуман со всех сторон и мною, он не отделим от уже принятого решения - нанести удар первым. Это правило - наносить удары первым, когда бой неизбежен, - весьма полезное, я его усвоил еще в пору ранней молодости, вместе с его хорошими и плохими сторонами.

Это случилось вскоре после моего ухода из приюта для подкидышей, где я обучался грамоте, и после моей первой трудовой деятельности в качестве домашней прислуги при одной дамочке, которая, вознаградив меня за мой труд затрециной, изгнала меня из рая, пропитанного запахом французских духов и женского пота. Был конец лета, и волею случая я оказался на товарной станции, куда по утрам пригоняли десятки вагонов с арбузами. За то, что мы, подростки, в течение долгого дня перебрасывали из рук в руки арбузы, каждому из нас платили по двадцать левов, что было не так уж плохо, если учесть, что в обед нам разрешалось до отказа наесться арбузами, а после работы мы могли уносить их с собой, столько, сколько хватало рук.

В первый же вечер, когда я с еще одним парнишкой направлялись домой, таща по паре прогретых солнцем арбузов, на площадь вышли из тени подворотни двое парней и лениво двинулись нам навстречу.

- Неплохо заработали? - спросил первый.

- Заработали!.. Спина уже не гнется от натуги, - отвечает мой приятель, явно чтобы умиловить прощелыг.

- Что ж, так вот и зашибают деньгу... - замечает второй. - И по сколько же вами дали?

Мы молчали, с нарастающей тревогой следя за незнакомцами.

- Так по сколько же вам дали? - повысил голос первый верзила.

- По двадцатке... - ответил мой спутник.

Я не видел смысла вступать в разговор и только оглядывался по сторонам в надежде найти какой-нибудь выход. Но выхода не было. На площади в эту сумеречную пору было безлюдно, если не считать еще одной группы оболтусов, встречающей на соседнем углу таких же бедолаг, как и мы.

- По двадцатке, говоришь? - воскликнул один из парней. - Стоило ли надрываться из-за такого пустяка! - И внезапно заревел: - Чего рты разинули? Вытряхивайте карманы, пока ребра целы!

Я попытался было бежать, но кулак верзилы угодил мне прямо в лицо. Из носа хлынула кровь. Арбузы выскользнули из рук и, упав на булыжную мостовую, раскололись. Пока я вытирал кровь, парни успели обшарить мой карманы, после чего второй удар кулаком, на сей раз в затылок, дал понять, что разговор окончен.

- Эх вы, вахлаки! - сказал нам на следующий день человек, у которого мы разгружали арбузы, выслушав рассказ о наших злоключениях.

- А что нам было делать? - спросил мой приятель.

- Что? Лупить их первыми!

- Да они же сильнее нас...

- Плевать. Коль уж драка неизбежна, бей первым! Хрястни его внезапно по морде, расквась нос, огорошь его. А ежели видишь, тебе его не одолеть, давая тягу, пока он держится за нос.

Совет звучал логично, однако мне казалось, что лучше не проверять его на практике, и потому мы с моим дружкой пустились на хитрость - решили возвращаться домой не через площадь, а в обход ее, по железнодорожным путям. Нам даже в голову не пришло, что эту наивную уловку банде оболтусов легко предусмотреть: не успели мы отойти от станции, как у нас на пути выросли два парня. На этот раз беседа была построена иначе, потому что все началось с вопроса:

- Кто вам разрешил тут ходить?

В сущности, больше им говорить не пришлось, потому что мой приятель тут же дал задний ход и бросился наутек через пути, но вскоре был настигнут одним из хулиганов, тогда как я, выпустив из рук арбуз, изо всех сил огрел парня кулаком по носу. Скорчившись от боли при виде крови, хлынувшей из носа, тот и в самом деле прижал руки к лицу, а я - ходу. Бежал по закоулкам, по городским свалкам до тех пор, пока у меня ноги не подкосились.

В ту пору я был длинный как жердь, тело мое тянулось вверх, не сообразуясь с тем, что мне нечем его кормить. Я был очень хилый, и такому верзиле, как мой новый знакомый, ничего не стоило сделать из меня отбивную котлету. Поэтому моя победа опьянила меня. "Наноси удар первым! - твердил я себе. - Вот оно, оказывается, в чем секрет: не робей и наноси удар первым!"

Воодушевленный постигнутой тайной, в следующий вечер я пошел прямо через площадь, тем более что идти по путям было не менее опасно. Мы шагали по освещенному месту, однако именно тут нас поджидала нежеланная встреча.

- Неплохо заработали, братишки?

Спрашивал тот самый верзила, с которым мы имели дело в первый вечер, и это прибавило мне смелости, поскольку представлялась возможность расквитаться с ним, к тому же он был один.

- Помогите! - завопил мой приятель.

Верзила повернулся в его сторону, и это позволило мне, рассчитав удар, двинуть противника прямо в нос. Хлынула кровь, однако, вопреки моему ожиданию, верзила, не заботясь о своей физиономии, кинулся на меня, и, поскольку, нанося удар, я оказался незащищенным, его кулак глубоко провалился в мой живот, и я согнулся пополам; здесь он поддал мне башмаком в лицо, от чего в глазах стало темно, а все вокруг завертелось в багровом тумане; нестерпимая боль, которую я старался пересилить, разлилась по всему телу, и, так и не поборов ее, я впал в беспамятство.

На другой день, весь в отеках и синяках, я снова стоял среди громадных куч арбузов, ловя и перебрасывая с утра до вечера огромные тяжелые плоды. Вечером мы с приятелем забились в угол пустого вагона, поспали, а под утро, когда вагон прицепили к какому-то составу, выбрались из него. Так мы лишний раз убедились, что из всякого положения можно найти выход. Но и урок предыдущего дня стоил того, чтобы сохранить его в памяти. Наноси удар первым! Это неплохо, но лишь в том случае, если имеешь дело с трусом или если одного твоего удара окажется вполне достаточно. Иначе ты рискуешь. Порой приходится искать другой выход. Словом, умей не только наносить удар, но и избегать удара.

И все-таки, когда бой неизбежен, лучше нанести удар первым. Что я и делаю.

В тот самый момент, когда я бросаю взгляд на часы, звонит телефон. В трубке слышится долгожданная глупая фраза: "Извините, ошибка..."

Я выскальзываю из кабинета и бесшумно направляюсь на этаж Эванса. Лестница, ведущая к

выходу, точно посередине коридора. Если мне кто попадется навстречу, прежде чем я достигну лестницы, операцию придется отложить. Однако передвижение по другой части коридора связано с еще большей опасностью, так как едва ли я смог бы убедительно объяснить свое присутствие в этой части здания, да еще в столь неурочное время. Только сейчас не время думать об опасностях. Период обдумывания остался позади.

Коридор кажется нескончаемым, да и дверей вроде бы прибавилось, но я иду без излишней торопливости, стараясь, чтобы ботинки мои не скрипели на линолеуме. Проследовав через пустую приемную, где стоит стол Доры Босх, вхожу в кабинет председателя. Небольшая, чуть приоткрытая дверь слева позволяет видеть лестницу, ведущую наверх. По ней я поднимаюсь на четвертый этаж.

Комната с секретным архивом, в которую я так мечтал попасть, ничем не примечательна, она даже вызвала у меня разочарование. Два металлических шкафа темно-зеленого цвета, большой сейф такого же цвета, закрытые ставни окна, маленькая дверь, ведущая в туалет, и старый письменный стол, за которым сейчас сидит Ван Альтен в несколько напряженной позе.

- Сейф открыт, - вполголоса говорит голландец. - Не теряйте времени.

- А шкафы? - спрашиваю я, открывая массивную дверь сейфа.

- Они тоже не заперты, но в них только деловые бумаги. Поторапливайтесь, ради бога!

Если Ван Альтен изображает нервозность не будучи нервным, то он, должно быть, большой актер. Но его беспокойства, пусть даже оно искреннее, еще недостаточно, чтобы я был спокоен, потому что причины боязни могут быть различны. Как бы то ни было, судьба этого человека в его собственных руках, чем я похвалиться не могу.

Интересующие меня досье действительно лежат в сейфе. Нельзя сказать, что это целая гора папок, но если учесть, что все хранящееся в них написано мелким шрифтом и на тонкой бумаге, то станет ясно, что тут есть над чем потрудиться. Я отношу их на стол и достаю свой миниатюрный фотоаппарат.

- Помогайте мне, чтоб нам поскорее закончить, - обращаюсь шепотом к Ван Альтену.

Голландец начинает молча перелистывать страницы одну за другой, а я, облокотившись на стол, действую фотоаппаратом.

- Неужто вы собираетесь снимать все подряд? - спрашивает архивариус, едва скрывая свое нетерпение.

- Я это делаю только ради вас, - бормочу в ответ. - Чтоб не пришлось беспокоить вас вторично.

Дело вроде бы пустяковое, но отнимает у нас около часа. Чем ближе к концу, тем нервознее становится голландец и тем чаще приходится покрикивать на него:

- Держите как следует!

- Не переворачивайте сразу по два листа!

- Готово! - говорю я наконец, пряча в карман катушку с последней использованной пленкой.

- А деньги? - спрашивает он.

- Если вас устраивает чек, вы его получите немедленно. Надеюсь, у вас была возможность

проверить мой счет в банке.

- Ваш счет меня не интересует, и я уже говорил, чеки мне ни к чему!

- Вечером я принесу вас остальные восемь пачек.

- До завтрашнего вечера вы без труда сумеете сбежать, - рычит архивариус.

- Я считал вас умным человеком, Ван Альтен, а вы меня разочаровываете. Как вы не понимаете, если я сбегаю, то тем самым наполовину провалю выполнение своей задачи, поскольку вызову подозрения и срочные контрмеры. Мне пришлось бы бежать, если бы вы меня предали, но это же не входит в ваши намерения, не правда ли?

- Нет, конечно! - отвечает, не задумываясь, голландец. - И все-таки вы можете сбежать.

- Я вам говорю, завтра вечером вы получите всю сумму наличными у себя дома. Чего вам еще?

- Я не желаю, чтоб вы приносили их ко мне домой. Уложите все в чемоданчик и оставьте его на вокзале: шкаф 295. Вот вам дубликат ключа.

- Тем лучше. - И я прячу ключ в карман.

- А сейчас спускайтесь в приемную второго этажа. Услышите, как дежурный поднимается наверх, - воспользуйтесь моментом, чтобы выскользнуть на улицу.

- А сигнальное устройство у входной двери?

- Об этом я позаботился, ступайте! Или вы хотите, чтобы у меня совсем разыгрались нервы?

Отступление проходит без видимых сложностей. Пять минут спустя я уже шагаю под освежающим дождиком вдоль спящих вод канала. Смеркается, но еще достаточно светло, чтобы, сворачивая в переулок, я мог обратить внимание на человека, идущего в сотне метров позади меня. Вполне может быть, что это случайный прохожий, но проверка никогда не повредит. И я направляюсь к Кальверстрат, где народу всегда тьма-тьмущая. Если я этому человеку нужен, он обязательно приблизится ко мне еще до того, как я выйду на оживленную улицу, чтобы не потерять меня в толпе.

Мое предположение подтверждается. Но мой таинственный спутник не из людей Эванса. Это опять седовласый приятель Эдит.

10

Убеждая Ван Альтена в том, что у меня нет намерения бежать, я говорил чистую правду. Хотя во мне, как и во многих людях, таится существо, всегда готовое дать тягу. "Задача выполнена, микрофильмы у тебя в кармане, большего ты не узнаешь, даже если будешь торчать тут вечность. Чего ждать? Чтоб тебя убрали?" - так примерно рассуждает упомянутое существо. Рассуждения довольно логичные на первый взгляд, что не мешает мне оставить их без внимания, потому что это логика труса.

Однако Ван Альтен не верит мне. И человек, который сейчас идет за мною следом, тоже мне не верит. Он, похоже, воображает, что я готов на любую авантюру, и хочет любой ценой быть в курсе моих поступков. Он не сомневается, что я не подозреваю о его присутствии.

Передвигаясь по многолюдной Кальверстрат и поглядывая на освещенные витрины, я обдумываю одно предприятие, точнее, два и не знаю, которому из них отдать предпочтение: зайти ли в спэк-бар в конце улицы и поесть как следует или поиграть в прятки со своим

преследователем. В конечном итоге спортивная страсть оказывается сильнее чревоугодия. Я внезапно сворачиваю в темную узкую улочку, связывающую Кальверстрат с Рокин, шмыгаю в какую-то парадную, поднимаюсь до первой лестничной площадки и выглядываю в оконце. Две минуты спустя я вижу седовласого, который, оглянувшись, устремляется в сторону Рокин.

Если седовласый не большой любитель беготни, он обшарит глазами бульвар, а затем направит свои стопы туда, где почти наверняка меня застукает, - к моему жилищу. А потому мне лучше опередить его и лишиться удовольствия дожидаться меня у входа.

Отказавшись, не без сожаления, от мысли хорошо поужинать, иду домой, бесшумно поднимаюсь в квартиру и так же бесшумно, чтобы не беспокоить Эдит, запираюсь изнутри, из педантизма повернув до отказа и задвижку. От уличных фонарей в комнате достаточно светло, чтобы можно было раздеться и принять горизонтальное положение, самое удобное для размышлений.

Светящиеся стрелки часов показывают без малого двенадцать, когда на лестнице слышатся вкрадчивые шаги. Нет, это шаги не кошмарного привидения. Вскоре раздается стук в дверь, и я слышу голос Эдит:

- Морис!

"Зачем это я тебе понадобился?" - спрашиваю я мысленно.

Стук в дверь и призыв становится громче:

- Морис!

"Да слышу же!" - опять, тоже мысленно, отвечаю я.

- Морис, милый, открой на минутку!

"Попозже", - пытаюсь и я прибегнуть к телепатии.

Однако женщина, видимо, не сильна в телепатии.

- Морис, мне плохо, открой!

Но поскольку я не открываю и не подаю признаков жизни, женщина переходит на самообслуживание - нажимает на дверную ручку. Увы, вопреки моей привычке, дверь оказывается запертой.

Лишь теперь мне становится ясно, что Эдит не одна. В коридоре слышится шушуканье, из которого я не в состоянии уловить ни слова, зато отчетливо улавливаю скрежет отмычки. Человек, видимо, прилично владеет своим ремеслом, потому что отмычка поворачивается и щелкает. Новое нажатие на дверную ручку. И новое разочарование. На сей раз шепот отчетливей: "Заперся на задвижку".

Пауза. Тихие, почти неслышные шаги. И все замирает.

Утром я встаю на час раньше обычного и ухожу из дому тоже часом раньше. Когда я после продолжительной прогулки являюсь на работу, Эдит уже на своем посту за маленьким столиком и сосредоточенно стучит на машинке. Ни слова о вчерашнем недомогании и вообще ни слова, если не считать сухого "здравствуй" и деловых реплик.

Перед обедом ко мне заглядывает Райман, предлагает пройтись и провести нашего общего друга господина Мартини. Как и следовало ожидать, господин Мартини чувствует себя вполне

прилично, только ни конопатый, ни я не намерен упиваться. Райману понадобилось предупредить меня о возможности командировки, правда не в Польшу, а в Восточную Германию.

- Но это не имеет значения, - замечает магистр рекламы. - У тебя остается та же задача на прежних условиях.

- А почему бы мне не поехать?

- Превосходно! Сегодня же тебе оформят визу.

Мы допиваем свой коньяк и расстаемся, пожелав друг другу приятного аппетита, однако в наших отношениях чувствуется натянутость, неловкость, нечто выходящее за рамки нашей дружелюбной неискренности, нечто такое, чего не выразишь, но что чувствуется достаточно ясно.

В третьем часу одна из секретарш Уорнера приходит ко мне за паспортом.

- Вы получите его завтра, - спокойно говорю я. - Сегодня я должен сходить в банк за деньгами.

Девушку, вероятно, не проинструктировали, как ей поступить в подобном случае, потому что она согласно кивает и удаляется.

"Вот так: пожалуйста завтра, - уже про себя бросаю ей вслед. - Хотя я не гарантирую, что завтра ты меня здесь застанешь". Ночью мне предстоит посетить почтовый ящик Бауэра, и это последнее обязательство, которое удерживает меня в этом городе. Завтра меня тут не будет. А чтобы я мог очутиться в другом месте, паспорт должен оставаться у меня в кармане. Райман либо воображает, что он хитрее всех, либо решил, что настало время действовать, не особенно прибегая к хитростям.

Незадолго до окончания рабочего дня ко мне вбегает милое создание по имени Дора Босх.

- Мистер Эванс просит вас, если вы располагаете временем, зайти к нему.

Просьба мистера Эванса - это всего лишь вежливая форма приказа, поэтому я тут же иду по вызову. Председателя я застаю за маленьким столиком, заставленным бутылками виски и бокалами. Бокалов гораздо больше, чем присутствующих, из чего можно сделать вывод, что тут только что состоялась деловая встреча.

- А вот и наш Роллан! - дружелюбно изрекает председатель. - Присядьте на минутку, дорогой, возьмите бокал.

Выполняя распоряжение, пригубливаю животворный напиток.

- Я говорю "на минутку", потому что у меня есть одна идея... - не унимается Эванс.

- Наш шеф только что поделился с нами своим скверным предчувствием, уточняет Райман, сопровождая свои слова более или менее естественным смехом.

- Верно, верно, - кивает председатель. - Что вы скажете, если мы вам предложим небольшую прогулку на природу?

- Только то, что весьма польщен... Но боюсь оказаться лишним.

- Лишним? - вскидывает брови Эванс. - Как это лишним?

Его начинает сотрясать неудержимый хохот.

- Вы слышали, что он сказал?.. "Боюсь оказаться лишним". Ха-ха-ха, вам даже невдомек, что вы здесь самый нужный человек... центр торжества... ха-ха-ха... душа компании...

Уорнер и Райман с усилием изображают подобие улыбки, убежденные, видимо, что намеки шефа несколько преждевременны. Подобная мысль приходит, вероятно, и Эвансу, потому что он вдруг становится серьезным и приветливым. Затем, длинный как жердь, он поднимается и восклицает:

- Поехали, господа! Рабочее время кончилось!

Внизу, возле машин, возникает небольшая заминка, Эванс с небывалой любезностью предлагает мне сесть в его "роллс-ройс", я же настаиваю на том, чтобы взять собственную машину, потому что на обратном пути мне надо будет кое-куда заехать.

- О, не беспокойтесь. Отныне все заботы о вас мы берем на себя, заявляет Эванс, и все поддакивают.

В конце концов они проявляют уступчивость, и я еду в своей машине за блестящим черным экипажем Эванса. Странное дело, все боятся, что я сбегу и Ван Альтен, и Эдит, и седовласый, и эти трое, - и никто не хочет поверить в то, что бежать я не собираюсь и что, будь у меня такое желание, я бы не стал дожидаться, пока меня под конвоем повезут на загородную прогулку.

Говорю "под конвоем", потому что в зеркале вижу движущуюся позади машину и даже узнаю лицо сидящего за рулем человека, бледное, вытянутое, наполовину закрытое большими темными очками.

Через полчаса "роллс-ройс" замедляет ход и останавливается перед большими железными воротами виллы. Торжественно распахнувшиеся ворота пропускают три машины, затем снова закрываются, и мы остаемся в поэтическом уединении влажного парка, на который спускаются ранние осенние сумерки.

В доме обстановка несколько более приветлива, здесь ярко светится большая люстра, круглый столик заставлен множеством бутылок, и все же для хорошего настроения компании чего-то недостает. Ровольт, как гостеприимный хозяин, принимается наполнять бокалы, но Эванс нетерпеливым жестом останавливает его:

- Оставь это! Потом.

И поскольку бледнолицый высказывает намерение исчезнуть, председатель добавляет, указав рукой на меня:

- Возьми у него оружие!

Не люблю, когда меня обшаривают, поэтому сам отдаю пистолет. Что не мешает этой скотине Ровольту все же ощупать меня ради порядка.

- Что ж, давайте садиться! - предлагает шеф.

- Мне тоже? - скромно спрашиваю я.

- Конечно, конечно! Ведь я же вам сказал, что вы у нас душа общества. Садитесь и начинайте рассказывать! - изрекает Эванс, на сей раз без тени веселости.

- Что именно?

- Все, что сочтете интересным для нас.

- Не представляю, что может быть для вас интересным.

- Уорнер, помогите ему сориентироваться.

- Видите ли, Роллан, с чего бы вы ни начали, вам придется выложить все. То, что вы утаите сейчас, вам придется выдать потом. Так что избавьте нас от необходимости задавать вам вопросы и говорите ясно и исчерпывающе: кто, когда и при каких обстоятельствах возложил на вас задачу, с чего вы начали, как пошло дело дальше, через кого и с помощью каких средств вы поддерживали связь, какие сведения передавали и так далее... Вы не ребенок и прекрасно понимаете, какие вопросы могут задавать люди вроде нас такому человеку, как вы. Так что задавайте их сами про себя, а отвечайте вслух.

- Вот именно: отвечайте строго по вопроснику, - кивает Эванс.

- Можно мне закурить? - спрашиваю я.

- Курите. Только не вздумайте нас разыгрывать, - предупреждает шеф.

Закурив, я смотрю на председателя с вызовом.

- Если вам угодно, чтобы я был до конца искренним, вы должны дать мне возможность поговорить с вами с глазу на глаз. Некоторые детали я могу изложить только вам.

Эванс окидывает вопросительным взглядом своих помощников. Те безразлично пожимают плечами.

- Хорошо, - говорит председатель. - Уважу вашу просьбу. Только не воображайте, что это откроет вам какие-то возможности для побега.

Тут он отдает распоряжение Револьту.

- Поставь по человеку у каждой двери и двоих на террасе. - И, как бы извиняясь, обращается ко мне: - Я и сам бы охотно разрядил пистолет вам в живот, только всему свое время.

Я оставляю без внимания эти его слова и дожидаюсь, пока Райман, Уорнер и Револьт покинут комнату.

- Ну, итак? - торопит меня Эванс, закурив сигарету и усаживаясь в кресло.

- Если у вас возникло подозрение, что я представляю определенную разведку, то должен признать, вы не ошиблись. А какую именно, сейчас это уже не имеет значения...

- Напротив, это имеет первостепенное значение, - прерывает меня шеф.

- Хорошо. Сперва послушайте меня, а потом я отвечу на ваши вопросы. По вполне понятным для вас причинам, находясь в течение года в "Зодиаке", я не совершил ни одного шага, связанного с моей секретной миссией. Лишь совсем недавно я вошел в контакт со служащим вашего секретного архива Ван Альтеном. Мы заключили с ним соглашение, о котором вам расскажет сам Ван Альтен.

- Расспрашивать Ван Альтена у меня нет никакой возможности, возражает Эванс. - Покойники, как вам известно, скупы на слова.

- Это для меня ново.

- Что именно? Что покойники скупы на слова? - поднимает брови Эванс.

Но, поскольку я промолчал, шеф сам пояснил:

- У нас, как на любом другом солидном предприятии, существует порядок: за работу платим, за предательство отправляем на тот свет. Так что не рассчитывайте на помощь Ван Альтена и постарайтесь все объяснить сами.

- Так и быть, - уступаю я. - В соответствии с упомянутым соглашением Ван Альтен пропустил меня в помещение архива и дал мне возможность заснять хранящиеся в сейфе секретные досье. Вы удовлетворены?

- Когда и кому вы передали негативы?

- Никому я их не передавал.

- Лжете, - не повышая голоса, возражает Эванс. - Вчера вечером вы оставили с носом наших людей, внезапно исчезнув с Кальверстрат. Я полагаю, этот трюк имел определенный смысл...

- Обычная шалость, и только, - замечаю. - А если вас интересуют негативы, то они здесь.

С этими словами я достаю из кармана несколько миниатюрных кассет, показываю их председателю и снова прячу в карман.

- Вы меня поражаете своей наглостью, Роллан. - Эванс явно озадачен. И своей неосмотрительностью...

- Почему же! Напротив, я так же дорожу своей шкурой, как и вы.

- Раз уж мы об этом заговорили, должен вас предупредить: у вас единственный способ спасти свою шкуру - это рассказать все, абсолютно все. Малейшая утайка или попытка что-то переиначить будет стоить вам жизни. Ван Альтен, как вам известно, был наш человек, и все же от него не осталось и следа. Вы же не были нашим.

- Мне понятен ваш намек, - говорю я. - Но если я начну рассказывать все, что знаю, для этого потребуется уйма времени. Поэтому я начну с самого существенного, а уж тогда...

Эванс гасит в массивной хрустальной пепельнице сигарету, а я тем временем закуриваю новую.

- Мистер Эванс, если кому из нас и следует позаботиться о своем спасении, так это прежде всего вам.

Председатель мельком смотрит на меня своими пустыми глазами, но не говорит ничего. Невыразительный взгляд с едва уловимой искоркой снисходительного любопытства.

- Вы возглавляете Центр, который полностью раскрыт. Попадут эти негативы в руки моих людей, нет ли - не так уж и важно. Важнее другое: о деятельности фирмы "Зодиак" отправлено столько донесений, что по линии шпионажа ей больше не работать.

Сидя в глубоком кресле, Эванс скрестил свои длинные ноги и смотрит на меня все тем же безразличным взглядом.

- Стоит ли вам объяснять, что провал "Зодиака" - это удар не только по Центру, но и по его шефу. Однако, - тут я сознательно понижаю голос, удар этот суший пустяк в сравнении с ударом, который вас ждет. Первый лишь дискредитирует вас, а второй уничтожит начисто.

- Любопытно... - бормочет председатель.

- Вы даже не представляете, до какой степени это любопытно. В течение последних лет вы

как шеф "Зодиака" заключили ряд крупных сделок в двух вариантах: один официальный, для отчета перед налоговыми властями и вашим начальством, и другой, неофициальный, по которому, в сущности, велись расчеты. Путем самой предварительной проверки установлено, что эта двойная бухгалтерия дала вам возможность положить в карман более десяти миллионов долларов...

- Неужели? - почти искренне удивляется Эванс.

- О нет, гораздо больше! Но я основываюсь только на тех документах, до которых нам в последнее время удалось докопаться.

- Какие же документы вы имеете в виду?

- Да хотя бы вот эти, - отвечаю я, вынимая из кармана и протягивая ему копии негативов, полученных от Фурмана-сына.

Председатель небрежно берет дубликаты негативов и, поднеся к свету люстры, рассматривает их.

- В самом деле, любопытно, - отвечает он, пряча пленку в карман.

- Совсем как в гангстерском фильме, - соглашаюсь я. - Вы, конечно, не строите иллюзий, что то, что вы сунули себе в карман, - единственный отпечаток.

- Вероятно, - кивает Эванс. - Но какое это имеет значение? В торговле подобные явления, как вы знаете, дело обычное.

Он закуривает, пускает мне в лицо густую струю дыма и с интересом наблюдает, не закашляюсь ли я.

- Не знаю, как в торговле, однако торговля здесь ни при чем. "Зодиак" - разведывательный центр, подведомственный Разведывательному управлению, и бюджет "Зодиака" - это часть бюджета управления. Следовательно, вы присвоили крупную сумму казенных денег, настолько крупную, что, если бы ваша семья состояла сплошь из генералов и сенаторов, вам бы все равно не спасти свою шкуру.

- Это еще как сказать... - небрежно бормочет Эванс.

- Безусловно, - поправляю я его. - Притом вы до такой степени погрязли в коррупции, что в погоне за личными благами закрыли глаза на то, что в ваш центр проник вражеский агент.

- Вы имеете в виду себя?

- Нет. Я имею в виду Ван Вермескеркена. Самые крупные барыши вы получаете от сделок с Федеративной Республикой Германии, и это нетрудно объяснить, если принять во внимание, что коммерческим директором "Зодиака" вы назначили ставленника Гелена...

- Спокойнее, - советует мне Эванс. - Без пафоса.

- И последнее, - говорю я, понижая голос. - Не надейтесь, что мои шефы ограничатся тем, что сообщат сведения о вашей деятельности вашим шефам. Эти сведения станут достоянием оппозиционной печати как Америки, так и Западной Европы. Если вы не лишены воображения, то и без моей помощи сможете себе представить, какой разразится скандал.

- Хм, - мычит председатель, - вы начинаете меня страшить.

- Вовсе нет. Я пытаюсь разъяснить вам, что ваше положение ничуть не лучше моего.

- Весьма тронут, что вы поставили меня рядом с собой, - холодно замечает шеф.

- А домогаться того, чего достигли вы, не входит в мои намерения. И ваше материальное благополучие меня не прельщает. Что же касается дела, должен вам сказать, что у меня такой же чин, как и у вас, полковник Эванс, и мое начальство рассчитывает на меня не меньше, чем ваше на вас. Удар, о котором я говорю, будет таким стремительным, как выстрел заряженного пистолета, и только мое возвращение целым и невредимым способно предотвратить нажатие на спусковой крючок.

Потонувший в кресле председатель молчит, затем кончиками пальцев принимается потирать лоб, словно массируя собственные мысли, и тихо говорит:

- Предлагаемый вами обмен неравноценен: вы в моих руках, а не я в ваших.

- Это одна видимость. Я столько же в ваших руках, сколько и вы в моих...

- Не обольщайтесь, - спокойно возражает Эванс. - Будьте реалистом. Ваш удар требует времени, и еще вопрос, в какой мере он меня заденет. Различие положения, в котором каждый из нас находится, состоит в том, что я пока что жив и еще останусь жив, что касается вас, то достаточно одного моего слова, чтобы вы очутились в обществе Ван Альтена.

- Если вы так считаете, значит, разговор оказался впустую, - бросаю я с безучастным видом, разминая в пепельнице очередной окурочок. - Ладно, слово за вами.

- Не спешите, с этим мы всегда успеем. - Председатель изображает улыбку. - Я хочу сказать, обмен должен быть равноценным и вам следует что-нибудь добавить со своей стороны.

- Что, например?

- Например, ответить на вопросы, которые перед вами поставил Уорнер.

Я отрицательно качаю головой, но шеф торопится пояснить:

- Я имею в виду не подробности, а необходимые уточнения.

- Видите ли, Эванс, надеюсь вы поняли, кто я такой, и, следовательно, вам должно быть ясно, что больше того, что я сам пожелаю сказать, от меня вы не узнаете.

- Да, но и вы должны войти в мое положение. Хотя я и шеф, но неограниченной властью я не пользуюсь. Неужели вы подумали, что я могу отпустить вас на глазах у своих помощников, даже не поинтересовавшись главным?

- Что касается главного, то вам достаточно знать: прибыл я сюда от Гелена, точнее, от Бауэра, хотя я не имею права говорить об этом. Полагаю, версия эта вполне вас устраивает, тем более что она в какой-то мере соответствует истине.

- Будем надеяться, что она нас устроит, - неохотно отвечает Эванс.

- Что касается моего освобождения, то для этого вы всегда найдете подходящие мотивы: либо это ваша уловка, либо вы сочли нужным продлить слежку, впрочем, не мне вас учить.

Эванс молчит какое-то время, продолжая массировать свои мысли.

- Да, - соглашается он как бы про себя. - Пожалуй, можно что-нибудь придумать. - Потом останавливается на мне сосредоточенный взгляд и спрашивает: - А где гарантия, что, несмотря на мой жест, вы не пустите в ход ваш пистолет?

- Гарантия диктуется практическими соображениями: после того как мы узнали, что к чему, нам

совсем не интересно, чтоб в "Зодиаке" производились какие-то трансформации и сменялось начальство.

- Но вы же начнете громить нашу агентуру. Вы тоже, надеюсь, не рассчитываете, что я приму вашу версию относительно Гелена за чистую монету?

- Как относиться к версиям - это ваше дело, - пытаюсь я уклониться. А вашу агентуру на Востоке убирать не будут. По крайней мере первое время. Вы в этих вещах хорошо разбираетесь, и вам нет нужды объяснять, что агентуру, которую только что нащупали, лишь в редких случаях тут же начинают громить, ее обычно довольно долго держат под наблюдением, приглядываются.

- Долго? Сколько же это может длиться?

- Дольше, чем вам потребуется, чтобы умыть руки и перейти на другую работу. У вас большие связи, Эванс, и, надеюсь, по крайней мере о вас-то мне не придется беспокоиться.

Председатель снова задумывается, потом произносит:

- Ладно. Так тому и быть!

- Надеюсь, это "ладно" не сулит мне пулю в спину за воротами вашей виллы или чуть подальше?

- Вовсе нет. Но имейте в виду, я не страховое агентство, и если вы и впредь будете разгуливать по этому городу...

- Хватит. Ясно.

Эванс медленно поднимается и вдруг кричит:

- Ровольт!

Из столовой выскакивает человек в темных очках.

- Проводи господина Роллана до его машины. У него срочное дело, и он вынужден покинуть нас.

- Пистолет... - вспоминаю я.

- Да. Верни ему пистолет.

Ровольт покорно возвращает мне мой вороненый маузер.

- Проводи господина Роллана через террасу. И без инцидентов!

Эванс великодушно машет мне рукой на прощание, я отвечаю ему тем же и следую за Ровольтом.

Возле виллы темнеет мой "мерседес". Он, наверно, уже не надеялся увидеть меня. Пускаю мотор и жду, пока Ровольт пройдет вперед и распорядится, чтобы открыли ворота. Подъехав к воротам, прибавляю скорость и вылетаю за ограду. На какую-то долю секунды в световом потоке вырисовывается силуэт Ровольта, стоящего у ворот, и на какую-то долю секунды я ощущаю в своих руках неодолимое желание всего чуть-чуть повернуть руль и бампером смахнуть его с лица земли, но, овладев собой, качу по лесной дороге.

"Видали его! Да ты, оказывается, добрый христианин", - как будто слышится мне голос Любо.

"Глупости! - отвечаю я. - Наша профессия не позволяет поступать так, как взбредет в голову".

"Не удивительно, если ты в церковь зачастишь, брат мой", - снова раздаётся где-то во мне голос Любо.

"Глупости! - повторяю я. - Что такое Ровольт? Мелкое орудие организации. Не будь его, нашелся бы другой. Дело не в ровольтах".

"Только не прикидывайся", - тихо говорит Любо, и я замолкаю; чувствую, что и в самом деле оправдываюсь после того, как с трудом удержался и не сделал того, что следовало сделать справедливости ради. Профессия.

Чтобы избавиться от охватившей меня нервной дрожи, я нажимаю на газ, и "мерседес" стремительно мчится по дороге вдоль молчаливой равнины, по той самой дороге, по которой не так давно, в сущности совсем недавно, мы шагали с Эдит. Эдит жаловалась, что не может больше идти, и проклинала свои высокие каблуки.

Но сейчас мои мысли заняты не столько Эдит, сколько Ван Альтеном. Я предоставил ему выбор: спасение или гибель. И он выбрал гибель. Почему? От угрызения, что совершил предательство? Но ведь для людей вроде Ван Альтена и даже Эванса это слово - пустой звук, кроме разве тех случаев, когда предательство затрагивает их собственные интересы. Ван Альтен просто струсил. А может, ему захотелось вопреки моему предубеждению совершить двойное предательство, чтобы получить вдвое больше. Он поступил, как Артуро Конти, и кончил, как Артуро Конти. С той лишь разницей, что Ван Альтен не будет прославлен даже в трескучем посмертном репортаже.

Вот уже и шоссе, но свернуть на него мне не удастся, потому что какой-то идиот своей допотопной колымагой загородил мне дорогу, дав задний ход на перекрестке. Остановившись, я уже собираюсь высунуться из окна, чтоб выразить этому олуху свои добрые пожелания, но в двух пядях от моего носа сверкает дуло пистолета, и я слышу нежный женский голос:

- Глуши мотор, милый!

У "мерседеса" стоит моя верная секретарша Эдит, и револьвер в ее руке очень похож на пугач.

- Какой сюрприз! И какая перемена! Ведь по этой самой дорожке...

- Да, да, воспоминания... - прерывает меня Эдит.

Из колымаги вылезает худой мужчина, и это, конечно же, седовласый, он тоже размахивает пистолетом. Не спрашивая разрешения, он устраивается на заднем сиденье "мерседеса" и упирается оружием в мою спину, а Эдит садится рядом, чтобы составить мне компанию.

- Включай зажигание! - приказывает секретарша.

- Куда поедем? - спрашиваю, пропустив приказ мимо ушей.

- К Роттердаму. Да поживей!

- Это исключается.

- Слушай, милый! Я бы сразу раскроила тебе голову, не будь у нас кое-каких общих воспоминаний, однако ты не больно рассчитывай на мои чувства.

- Тут не до чувств - элементарный разум не позволяет. У меня неотложное дело в Амстердаме, я должен с ним покончить сегодня вечером, потому что завтра этот город станет для меня запретной зоной.

- Вот как? Почему?

- Потому что всего полчаса назад я был с шумом выдворен из виллы Эванса; при этом мне было торжественно заявлено, если я еще раз... И прочее. Сама можешь представить.

- А причина?

- Нелепые подозрения. Эти типы, как тебе известно, ужасно мнительны. Как ни старался вести себя прилично...

- Ты и передо мной старался вести себя прилично, да не вышло, замечает Эдит.

- Знаю, ты тоже не лучше. Разреши мне все же отогнать машину. А то я не удивлюсь, если сюда в любую минуту пожалуют люди Эванса.

- Поезжай к Роттердаму!

- Эдит, перестань размахивать пистолетом и злить меня своим упрямством, - меняю я тон. - Должен тебе сказать, попасть в Амстердам сейчас столь же важно для меня, сколь и для тебя.

Эдит резко оборачивается назад, где сидит седовласый молчальник, упершись в мою спину пистолетом. Низкий голос с довольно сильным акцентом произносит:

- Пускай едет в Амстердам.

Включив зажигание, выбираюсь на шоссе и еду потихоньку, со скоростью порядка тридцати километров.

- Не ройся в кармане! - кричит секретарша.

- Сигареты...

- Сама достану.

Она извлекает из моего кармана пачку "Кента", бесцеремонно сует мне в рот полусмятую сигарету и щелкает зажигалкой.

- Еще что-нибудь нужно?

- Мерси.

- Джазовой музыки?

- У меня от нее голова болит.

- Тогда драматический диалог?

Эдит снова оглядывается назад, и вдруг в машине раздается мой собственный голос:

"Помогайте мне, чтоб нам поскорее закончить".

И голос Ван Альтена:

"Неужто вы собираетесь снимать все подряд?"

И так далее, вплоть до прощального торга.

- Надеюсь, тебе ясно, о чем идет речь? - произносит Эдит, давая молчальнику знак остановить магнитофон.

- О долларах и чеках, если не ослышался.

- Нет, о снимках секретной документации. Нам нужны эти снимки. После этого ты свободен.

- И зачем они вам понадобились, те снимки?

- Так. Для семейного альбома.

- А куда ты ухитрилась сунуть микрофончик?

- Зашила его в подкладку твоего пиджака, милый.

- Так вот почему твой приятель поджидал меня внизу.

- Ты догадался. Только не надо зубы заговаривать. Слышал, я сказала: нам нужны снимки!

- Видишь ли, Эдит, те снимки, они вам ни к чему.

- Это мы сами посмотрим.

- Те снимки имеют одно-единственное предназначение: их следует передать Гелену.

- Наконец-то ты говоришь правду. Только мы не желаем, чтоб они попали к Гелену. Ясно?

- Но пойми, милая, в этом и заключается смысл игры: чтобы эти снимки попали именно Гелену.

- Каждый видит в игре свой интерес...

- Но в данном случае наши интересы, твои и мои, совпадают.

- Я не убеждена.

- Потому что ты не знаешь того, что знаю я, дорогая Дорис Хольт.

Они обмениваются молниеносными взглядами. И снова ее вопрос:

- Что ты сказал?

- Именно то, что ты слышала, дорогая Дорис Хольт из братской ГДР.

Опять их взгляды встречаются. Паузу нарушаю я:

- При первой же возможности вам следует навести справки относительно меня; не исключено, что вы просто не успели получить последние материалы. Нам нечего играть в жмурки. Я здесь от болгарского Центра.

- Тогда почему же ты решил передать снимки Гелену?

- Потому что заснятые документы фальшивые. Насквозь фальшивые. Нам они ни к чему. Нам нужны подлинные.

Вот это ливень! Ветер выхлестывает мне в спину целые ведра воды, так что, пока я дохожу по темному переулку, где остался мой "мерседес", до кафе на углу, успеваю вымокнуть до

последней нитки.

Полночь - и вокруг ни души. Незаметно вхожу в неосвященную парадную, нащупываю почтовый ящик Питера Грота. Утром я договорился с Питером, что он оставит здесь ключ от своего ателье, которым я смогу воспользоваться для интимной встречи - от всевидящей Эдит укрыться не так-то просто. Ключ на месте, и я бесшумно поднимаюсь по лестнице в мансарду.

Задуманная операция вопреки тому, что совершаться она должна, безусловно, над уровнем моря, не имеет ничего общего с прогулкой по горам под ласковыми лучами майского солнышка: проклятый дождь осложняет мою задачу, хотя без него она была бы вовсе неразрешима.

В тусклом свете, идущем от окна, я развязываю сверток, достаю тонкую крепкую веревку и опоясываюсь одним ее концом. К другому концу веревки привязан солидный крюк, тщательно обмотанный шпагатом, чтоб не издавал стука при падении. В карманы я кладу необходимый инструмент, ставлю на стол табурет, взбираюсь на это нехитрое сооружение и через слуховое окно вылезая на крышу.

На меня обрушивается такой потоп, что я тороплюсь скорее закрыть стеклянную крышу, иначе ателье Питера может превратиться в аквариум. Передо мной две крутые крыши, прижавшиеся одна к другой. Мне предстоит преодолеть шесть таких склонов. Забрасываю крюк на конек ближайшей крыши, разумеется, неудачно. "Ничего. У меня впереди целая ночь, и вообще я владелец плохой погоды", - успокаиваю я себя. Две-три попытки, и цель достигнута. Собираю веревку и шаг за шагом взбираюсь по скользкой крыше. Крыша не только скользкая, но и ужасно крутая, а под ударами дождя и ветра, которые так и норовят сбросить меня на мостовую, она кажется мне еще круче.

Достигнув конька и преодолев искушение передохнуть, начинаю спуск. Спуск оказывается более неприятным, нежели подъем, потому что приходится пятиться назад. Темно, как в могиле, хотя прочих ее преимуществ, как-то: безветрие и относительно сухости, не наблюдается. Постепенно я свыкаюсь с мраком и уже различаю под ногами черепицы. Первая крыша преодолена, но руки и ноги у меня дрожат от напряжения. Чтобы расслабить мускулы, я на минуту склоняюсь на крышу. Плащ только бы связывал мои движения, поэтому я оставил его в ателье, а без него до такой степени вымок, что дождь мне теперь нипочем. Размахнувшись, лихо бросаю крюк на следующий конек. И конечно же, опять неудачно. "Что может быть лучше плохой погоды, когда ты принялся за такое упражнение", - утешаю я себя и снова бросаю крюк. Начинается восхождение на вторую крышу.

Проходит не менее часа, пока я добираюсь до последнего здания. От веревки у меня не ладони, а живое мясо, ноги подкашиваются. Дальнейшее продвижение отнимает у меня значительно больше времени. Наконец мне удается вскарабкаться до слухового окна. Оно заделано железным щитом и для пущей надежности забрано железной решеткой. Полагаю, что прикосновение к этим устройствам при нормальных условиях привело бы в действие сигнализацию и по всему зданию раздался бы адский звон. Но условия не совсем нормальны, после обеда я успел вынуть предохранитель на щитке под столом Доры Босх.

Пуская в ход скудный запас подручных средств, чтобы вскрыть окно, я впервые не в шутку, а всерьез готов поверить: "Что может быть лучше плохой погоды?" Не знаю, когда соорудился этот блиндаж, но хронические амстердамские дожди настолько разъели петли, что я отделяю их без особого труда.

На чердаке непроглядный мрак. Снова закрыв слуховое окно, зажигаю карманный фонарь. Чердачное помещение окутано копотью и паутиной, а потолок такой низкий, что встать во весь рост невозможно. Лаз, позволяющий спуститься вниз, не заколочен, вопреки

утверждению Ван Альтена, а только закрыт на засов, хотя, будь он заколочен, я бы тоже не стал с ним церемониться. Чтобы крышка не упала и чтобы потом можно было водворить ее на место, я сперва привинчиваю к ней приготовленную заранее ручку и только тогда осторожно открываю лаз. Осветив на мгновение помещение подо мною, я убеждаюсь, что это нечто вроде коридорчика без окон. Зацепив крюк за край лаза, спускаюсь по веревке. Две двери. Эта, в туалет, мне не интересует. Вторая заперта, но мой инструмент заготовлен именно для подобных случаев. Мне даже не приходится выталкивать ключ, оставленный в замочной скважине, я отпираю дверь ключом, захватив конец его соответствующим приспособлением.

Вот и секретная комната, ярко освещенная и пустая, с темнеющим сейфом в глубине. Для вящей элегантности натягиваю тонкие резиновые перчатки... Принимаюсь за ключи. Снабдив меня этими ключами - не станем упоминать, за какую цену, - Фурман-сын доказал, что в области частного сыска он нисколько не уступает Фурману-отцу. Он не только сумел отыскать фирму, изготовившую сейф, но и раздобыл дубликаты ключей. Можно не сомневаться, старик снабдил бы меня и комбинацией, если бы секрет ее не хранился у самого владельца фирмы. Только комбинация мне уже известна, и я берусь терпеливо набирать ее: три интервала - М - два интервала - О - один интервал и так далее, пока тихий, но отчетливый щелк не дает мне знать, что неприступный сейф, неумолимый сейф "Зодиака", готов открыться.

Вынув досье - настоящее, - приступаю к работе. Сведения об агентах имеют два индекса. Одна сеть постоянно действующая, другая - глубоко законсервированная, созданная для того, чтобы вступить в действие при исключительных обстоятельствах, в случае войны. Нити от них тянутся по всему социалистическому лагерю, насаждалась эта агентура долгие годы. Вот почему сейф "Зодиака" был таким неприступным. Вот почему пришлось столько времени терпеливо ждать, чтобы получить возможность бросить взгляд на эти досье.

Три часа. Съемочные работы закончены, но дел еще много. Необходимо убрать все видимые и невидимые следы, водворить на место крышки и совершить обратный путь по крышам, не говоря уже о том, что до наступления рассвета негативы должны оказаться в надежном месте.

В затуманенном от напряжения мозга всплывают воспоминания: вот я собираю какой-то тряпкой воду, нахлынувшую в ателье Питера, а затем шарю израненными руками в кладовке - мой еще не притупившийся нюх подсказывает мне, что там должно быть виски...

Все это произошло в ту дождливую ночь, когда я посетил Ван Альтена на его барже.

И эта - нынешняя - ночь уже на исходе, когда мы с Эдит устраиваемся наконец в "мерседесе" и катим к Айндофену. Седовласый исчез. Этот человек с самого начала и до конца был так молчалив, что казался призрачным; не ощущай я прикосновения его пистолета к своей спине, можно было бы подумать, что это плод моего воображения.

Шоссе освещено неярким светом люминесцентных ламп. И от этого в силуэтах домов видится что-то бесконечно унылое, особенно если ты глаз не сомкнул в течение всей ночи. Негативы, предназначавшиеся Бауэру, переданы час назад. Мне в этом городе больше не на что рассчитывать, разве что пулю кто всадит в спину.

- Подумать только, взяли б билеты на самолет - к обеду были бы дома... - вздыхает Эдит.

- Не стоит расстраиваться. Лучше внушай себе, что кратчайший путь не самый близкий. К тому же самолеты плохи тем, что предлагают тебе множество формальностей, столько раз указываешь фамилию, расписываешься.

- Но ехать поездом до того долго...

- Долго ехать - значит много спать. Страсть как хочется долго ехать.

В Айндофене мы с Эдит должны сесть в поезд. Два незнакомых друг другу пассажира на незнакомой станции сядут каждый в свой поезд и уедут в разные стороны. Одиноко и скучно, зато надежно. Потому что, хотя все ходы были тщательно продуманы, с того момента, как негативы перешли в другие руки, на сколько-нибудь верную защиту надеяться не приходится. Между прочим, Эванс отпустил меня и для того, чтобы я мог передать негативы. Это отчасти оправдывает его поступок перед коллегами. Раз уж неприятель так или иначе сумел заглянуть в святая святых "Зодиака", единственный способ защиты - направить этого неприятеля по ложному пути, подсунув ему фальшивое досье.

- Едва ли Эванс убежден, что негативы попадут к Гелену, - замечает Эдит.

В этом отрицательная сторона продолжительного знакомства с одним человеком - он начинает читать твои мысли. Такие, как мы, не должны поддерживать связь друг с другом длительное время.

- Нет, конечно, - соглашаюсь я. - Если бы дело касалось только Гелена, шеф вряд ли стал бы тратить столько времени на изготовление фальшивых досье. Готов биться об заклад, эти досье лишь отчасти фальшивы. В них фигурируют реальные лица, с которыми в свое время пробовали иметь дело, но безуспешно; теперь они видят смысл держать этих людей под наблюдением и подозрением - тем спокойнее будет работать настоящим агентам.

Пригороды остаются позади, люминесцентные лампы исчезли, и мрак вокруг нас сгущается еще больше. Энергичней нажимаю на газ, и "мерседес" стремительно бежит по желобку из света собственных фар.

- Значит, Эванс должен быть доволен, - как бы про себя говорит Эдит.

- Вся эта история сложилась так, что все остались довольны. Эванс доволен, что спас свое реноме и свое состояние, его хозяева - что подсунули сведения, которые доставят нам много хлопот и вызовут сплошные разочарования. Бауэр - что добрался до секретного архива и раскрыл тайну, которая не давала ему покоя. Удивительно то, что даже мы с тобой должны быть довольны.

- Лично я не вижу особых оснований для радости.

- Оставь. Ты прекрасно понимаешь свои заслуги. Так что не надо напрашиваться на комплименты. Презираю тот час, когда люди начинают делить заслуги...

- Дело не в заслугах, - прерывает меня Эдит. - Я не могу себе простить, что позволила тебе столько времени водить себя за нос.

- Напрасные угрызения. Удовольствие было взаимным.

Впереди появилась светлая полоска горизонта.

- День будет хороший, - замечаю я, чтобы переменить тему разговора.

- Вероятно. У меня такое чувство, что стоит нам уехать отсюда - и дождь сразу прекратится.

- Сомневаюсь. В этой стране до того паршивая погода, что наше отсутствие едва ли повлияет на нее.

- Я мечтаю о солнышке... о настоящем теплом солнце и настоящем голубом небе...

- Ты забыла песенку...

- О, песенка... Неужели тебе не хочется очутиться в светлом городе, в спокойном летнем городе, и пойти гулять по его улицам, не делать вид, что ты гуляешь, а гулять по-настоящему, чувствовать себя беззаботно и легко, не думать ни о микрофонах, ни о глазах, подстерегающих тебя, ни о вероятных засадах...

- Нет, - говорю, - подобная глупость никогда не приходила мне в голову.

- Значит, твоя профессия уже искалечила тебя.

- Возможно. Но в мире, где столько искалеченных людей, это не особенно бросается в глаза.

- Ты просто привык двигаться свободно, свободно говорить, настолько привык, что не испытываешь надобности в этом.

- Ошибаешься. Я говорю совершенно свободно, но только про себя. Говорю со своим начальством, спорю сам с собой, болтаю с мертвыми друзьями.

Она хочет что-то возразить, но воздерживается. Я тоже молчу. Что пользы пускаться в рассуждения, когда мы в действительности ничего не говорим друг другу, ничего не говорим из того, что сказали бы, если бы не привыкли молчать обо всем, касающемся лично нас. Странно, пока мы лгали друг другу, мы кое в чем были более искренними, потому что искренность была частью игры. А сейчас между нами встала какая-то неловкость, условности, противные и ненужные, как неестественное поведение в нашей работе.

Высоко над нами медленно светлеет небо, безоблачное и похожее на ярко-голубой дельфтский фарфор. День и в самом деле обещает быть хорошим. Ну и что?

"Мерседес" въезжает на пустынные улицы Айндгофена, когда уже совсем рассвело. Я оставляю машину в каком-то закоулке. Суждено ей было осиротеть. Правда, в отличие от людей, машины недолго остаются сиротами. Открываю дверцу своей спутнице; мы берем по маленькому чемоданчику и идем на вокзал. Поезд Эдит отправляется через час. Мой - несколько позже. Вокзал представляет собой огромный стальной ангар, в котором страшно сквозит, и, купив билет, мы уходим в буфет согреться и позавтракать. Время течет медленно, и, чтобы его заполнить, мы выпиваем еще по чашке кофе и болтаем о всяких пустяках, о которых говорят только на вокзалах.

Наконец поезд Эдит прибывает. Я устраиваю ее в пустом купе и ломаю голову над тем, что мне делать в этом купе еще целых десять минут, но Эдит выручает меня - выходит со мной на перрон. Я закуриваю и отдаю пачку с сигаретами женщине, но она отказывается, не хочется ей курить, и я убираю сигареты в карман. И опять мы молчим, я переступаю с ноги на ногу, потому что мне холодно и потому что не знаю, что сказать. Молчание нарушает Эдит:

- Как только подумаю, Морис, что мы больше никогда не увидимся...

Она продолжает называть меня Морис, а я ее - Эдит, хотя знаем, что имена эти придуманы, но мы привыкли к этим именам, привыкли жить жизнью придуманных людей; в жизни много придуманного, а что - не придумано, это еще неясно.

- Не увидимся? Почему не увидимся?

Она не отвечает, потому что мысли ее заняты другим и потому что не видит смысла спорить с таким чурбаном, как я.

- Ты помнишь тот вечер... когда я ревела, глядя на твою елку?

Я что-то мычу невнятное.

- А тот, другой вечер, когда мы украли велосипед?

- Ну конечно.

- А тот вечер, когда ты под дождем поцеловал меня на мосту?

- Да, - отвечаю. - Жуткий был дождь.

- Ты невозможный.

- Не я, а вся наша история. Невозможная история. Считай, что она придумана. Так будет лучше.

- Но ведь она не придумана. Я не хочу, чтоб она была придумана.

- Я хочу, ты хочешь...

Слышится свисток дежурного. Эдит пятится к вагону, не отрывая взгляда от моего лица. Она совсем расстроена, и я удивляюсь, что замечаю это только сейчас.

Не стой, как чурбан, говорю я себе, разве не видишь, в каком она состоянии. Ну и что, может, я тоже расстроен, но я здесь не затем, чтобы изливать свои чувства, и вообще все это ни к чему; надо потерпеть, как в кресле зубного врача, пока пройдут эти мучительные минуты.

Так будет лучше. И все же мне хочется сказать ей последнее "прощай, моя радость", но для этого необходимо сделать два шага вперед и хотя бы положить ей руку на плечо, потому что такие речи не должны быть достоянием многих. И вот мы неожиданно заключаем друг друга в объятия, сперва вполне прилично, а потом с полным безрассудством, и я запускаю пальцы в ее пышные каштановые волосы и ощущаю на своем лице ласку милых губ, и объятия наши становятся все более лихорадочными, это уже не объятия, а какое-то судорожное отчаяние, и мы оглупели до такой степени, что стали похожи на нормальных людей, и я целую ее совсем как в тот вечер на мосту - хотя и говорят, что хорошее не повторяется, - а поезд уже ползет по рельсам, и Эдит пропускает свой вагон и едва успевает ухватиться за поручень следующего; она стоит на ступеньках и глядит на меня, и я тоже стою и гляжу вслед поезду воспаленными от ветра и бессонницы глазами. Долго еще стою и бессмысленно всматриваюсь в пустоту, словно жду невесть чего никому не известный пассажир, на незнакомом вокзале, в чужой дождливой стране.